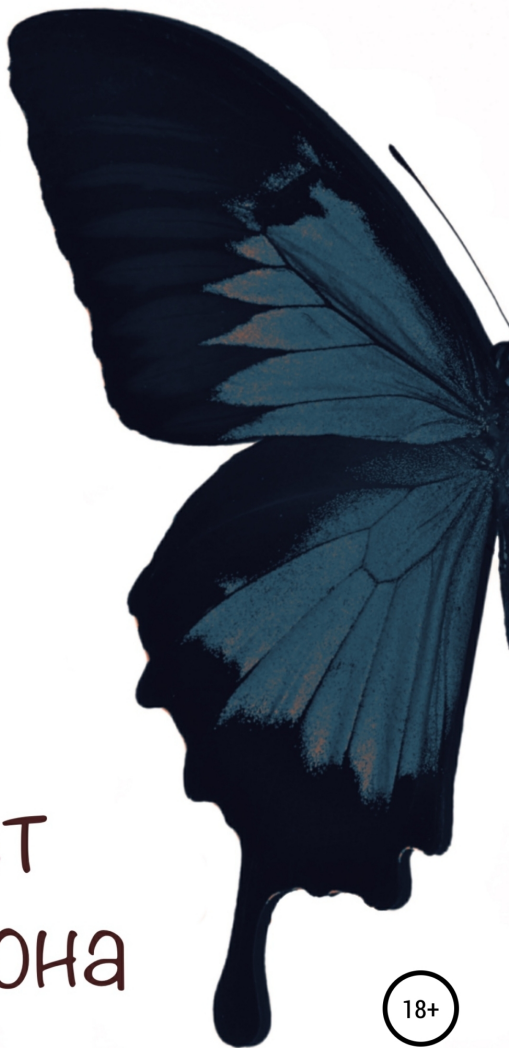

Павел
Алексеев

Цвет
Махаона

18+

Павел Николаевич Алексеев

Цвет махаона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57882523

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-04229-2

Аннотация

Вопрос выбора, вот что встаёт перед каждым героем романа «Цвет махаона», действия которого разворачиваются в городах Нилз и Райли в нелёгкие 40-е, криминальные 50-е и расхлябанные 70-е гг. Судьбы Джона Коннела и Билла Бенктона тесно связаны и переплетены ошибками. Сначала их жизни полны красок, но вскоре становятся блеклыми. Лишь мечта может всё исправить. А у вас есть мечта?

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	25
3	36
4	52
5	64
6	76
7	92
8	112
9	124
10	139
11	152
12	165
13	180
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Павел Алексеев

Цвет махаона

Часть первая

Билл Бенктон

1

– Скажи мне, Билли, если вернуть тебя обратно во времени, что бы ты исправил? – спросил доктор.

– Я бы застрелился до прихода Джесс!

– Это твоя мечта?

– Да! – ответил Билл.

Луна расстелила по городу Райли холодный ноябрьский свет. Он струился вдоль широкой улицы, по сторонам которой стояли десятки, будто игрушечных двухэтажных домов с треугольными красными крышами. Промозглый ветер игриво перекачивал по асфальту пустую жестяную банку из-под пива, нарочно тревожа покой надоедливый скрежетом. Лай собак отдавался эхом из разных концов городка, а где-то в глубине улицы смешивались крики, ругань и смех. Точку в

ночной разноголосице поставило карканье ворона, вздумавшего, что место ему на верхушке дуба.

Билл открыл глаза. Ничего не было видно. Тяжело вздохнув, он встал с кровати и сонной походкой побрел через всю комнату к открытому окну. В темноте едва ли проглядывались очертания стульев, стоявших возле деревянного стола справа у стены. Облокотившись на подоконник, Билл окинул взглядом освещенную дорогу перед домом, а после застыл, увидев ворона, который в эти секунды отлетал от могучего дерева.

«Будто преследует меня! – подумал Билл. – Не впервой прилетает сюда в одно и то же время. Быть может, это знак? Нет... глупости!»

Билл закрыл окно. В мгновение уличный шум сменился на тишину, через которую пробивался стук секундной стрелки настенных часов.

Биллу всего четырнадцать лет. Этой ночью он находился в доме один. Мама с его семилетним братом Чарли на выходные отправились погостить к бабушке, которую он недолюбливал из-за постоянных придирок с ее стороны. Папу никогда не видел, но мама рассказывала, что тот уехал в другой город на заработки и не вернулся. Чарли же родился в 1960 году после недолгого романа Милы с военным летчиком, вскоре погибшим во время испытаний.

Билл взял с прикроватной тумбочки стакан с водой и сделал несколько коротких глотков, зачесал в бок светлые на-

липшие на лоб волосы, лег в постель и попытался уснуть, но мысли не давали ему этого сделать.

«Кто эта... или этот Джесс? – думал он. – Почему я разговариваю со странным мужчиной, лица которого не видно? Этот мерзкий голос... странный сон опять повторился. Кажется, в последний раз я его видел год назад, и вот снова! Нужно попытаться уснуть... Джесс... Джесс...»

Через некоторое время раздался скрежет ключа в замочной скважине. От испуга Бил проснулся. В лицо били лучи утреннего солнца, падающие через окно. Большая часовая стрелка сделала шаг и оказалась на отметке «девять». Металлический бой прокатился по всей комнате. Билл вскочил с кровати и скорым шагом направился в холл. Спускаясь со второго этажа по скрипучей дуговой лестнице, он увидел, как в дом входит Чарли, а за ним и мама.

– Почему так рано вернулись? – спросил Билл. – Сегодня же воскресенье. Вы говорили, что будете дома к полудню.

– Меня срочно вызвали на работу, – ответила Мила. – Поэтому раздень Чарли и накорми его, а я побежала. Буду не раньше шести.

Мила работала акушеркой в городской больнице. Людей там не хватало, а низкая зарплата отпугивала молодых специалистов, поэтому врачам приходилось работать за двоих.

– Снимай куртку, придурок! – крикнул Билл. – Так и будешь стоять, пока я тебе пинка не поддам? Ты взрослый уже, пора и самому уметь раздеваться!

Чарли взглянул на старшего брата, затем на лестницу, ведущую на второй этаж, после чего снова на брата и с криком «Сам плидулок!» смеясь побежал наверх. Билл помчался за ним. Они игрались понарошку, толкая и обзывая друг друга. Братья веселились, прыгали и бегали по всему дому, оставляя после себя бардак, который Билл не всегда успевал убрать до прихода матери.

– Все! Хватит, Чарли! Это уже не смешно! Иди за стол. Сейчас будем завтракать.

Чарли был неугомонным, но после пары братских подзатыльников обычно успокаивался и послушно делал то, о чем его просят. Так и в этот раз: он скорчил недовольную гримасу, но пошел к кухонному столу, на котором его ждали хлопья с молоком, бутерброды с арахисовым маслом и яблочный сок. Мальчишки перекусили и собрались идти на улицу. Нужно было очищать лужайку от опадающей листвы. Одевшись теплее, они подошли к выходу. Неожиданный стук в дверь точно окатил их ледяной водой и заставил отступить.

– Кто там? – спросил Билл.

– Привет, это дядя Джон. Друг вашей мамы.

Это был действительно Джон – худой мужчина под два метра ростом. От его хриплого голоса душа сворачивалась в жутком смятении. Светлые, прилизанные назад, волосы всегда блестели, будто намазанные жиром. Он носил один и тот же темно-серый с тоненькими белыми полосками костюм. До отвращения гладко выбрит, а его голова вечно в сером

облаке сигарного дыма. Биллу Джон казался странным и жестоким. Чарли относился к другу мамы мягче, а иногда и во все восхвалял его перед Биллом. Джон уже несколько месяцев ухаживал за Милой.

– Так что, вы откроете?

– Мамы нет! – грубо ответил Билл.

Они поднялись в свою комнату и подошли к окну, чтобы посмотреть на Джона, медленно уходящего по улице вдаль. Чарли сидел на подоконнике, а Билл принялся уже в который раз рассматривать рисунки младшего брата. Они висели на стенах салатового цвета: три рисунка над его кроватью, пять над постелью Билла, два под часами и столько же над столом в углу комнаты. На рисунках изображены дома, машины, деревья, мама с Чарли, Билл, а иногда встречалась и бабушка Роза. Все очень похоже. Мама невысокого роста, с темными волнистыми волосами, в своем любимом красном платье в горошек. Чарли и Билл хоть и от разных отцов, но в них чувствовались мамины черты: зеленые глаза, нос с небольшой горбинкой и красивая искренняя улыбка.

– Пойдем! – деловито сказал Билл, махнув головой. – Листва сама не уберется!

Чарли неуклюже сполз с широкого подоконника и побежал за братом.

Листья коричнево-красным ковром стелились на лужайке перед домом. Уже через час вся осенняя красота пропадет, оставив после себя бледно-желтый след полуживого газона.

Билл усердно сгребал остатки листвы в кучу, а Чарли носился рядом с небольшими вилами и лишь подгребал то, что упустили вилы старшего брата.

Закончив работу, они вернулись в дом, пообедали, и Билл занялся уборкой, а Чарли убежал в свою комнату рисовать.

Спустя время с работы вернулась мама. Закрыв за собой дверь, она окликнула мальчишек. В ответ ничего не услышала. После повторного крика насторожилась подозрительной тишине. Немедленно поднявшись к мальчикам в комнату, увидела на полу бездыханное тело Билла. В глазах женщины помутилось, она кинулась к нему.

– Билли, Билли, что с тобой? – закричала она.

– Бууу!!! – внезапно на нее из-под кровати вынырнул Чарли.

В этот момент Билл тоже вскочил и с братом начал закатываться со смеху.

– Мам, видела бы ты свое лицо.

– Дурачки, вы меня чуть до инфаркта не довели! Нельзя же так пугать маму! – возмущалась она.

После непродолжительного веселья все вместе спустились. Мила пошла в кухню, а Билл с Чарли в комнату справа от лестницы. В ней проходили все торжества и вечерние посиделки. И здесь же спала мама.

В комнате Билл включил брату маленький черно-белый телевизор. Коричневый ящик с серым экраном показывал популярное ток-шоу «Звезды молчат». В нем известные ак-

теры, музыканты и прочие публичные люди должны были без слов показать названия песен, фильмов или книг, а команда зрителей угадать. Чарли сидел на голубом диване и отвлекался на все, что его окружает в этой, как ему казалось, большой комнате. Над диваном находилось широкое окно во двор, а в центре перед телевизором стояло кресло-качалка. Несколько больших, обрамленных в дерево картин украшали собой бледно-синие стены, а над телевизором чуть ниже часов висели три семейные фотографии. Билли посидел пару минут с братом, после чего пошел в кухню.

– Джон снова приходил! – насупился Билл. – Когда он уже оставит нас? Он нам с Чарли не нравится!

– Сынок, нельзя так относиться к друзьям мамы. Джон вам понравится. Просто примите его таким, какой он есть. Вот увидите, вы с ним подружитесь. Да, у него есть свои недостатки, но у кого их нет? Не стоит Джона бояться. Он добрый и отзывчивый человек.

После ужина Чарли убежал наверх, а Билл помог убрать посуду в шкафчик. Налив воды в стакан, он поднялся в комнату. Чарли снова сидел за столом и рисовал под светом ночника. На бумаге было изображено то, как они вместе ужинали. Билл протянул стакан брату и сказал:

– Отлично получается. Уверен, из тебя выйдет хороший художник.

Чарли поднял голову, уголки его губ невольно разошлись в улыбке. Он взял тяжелый стакан и поднес ко рту, уронив

несколько капель воды на штаны. Отпив три глотка, выдохнул и спросил:

– Плавда?

– Конечно! – ответил Билл, будто наслаждаясь не рисунками, а глазами брата, которые искрились добротой и радостью.

Вскоре в комнату вошла мама.

– Вот и закончились осенние каникулы, – тихо произнесла она, смотря, как Билл расправляет постель.

– Не хочу в школу! – капризничал Чарли, накрываясь одеялом.

– Уверена, что твои слова сейчас отдаются эхом в сотнях других домов, – утешала Мила. – Постарайся думать о хорошем. Твои друзья ждут тебя в школе, учителя снова обрадуются, увидев вас вместе, а ты узнаешь много нового. Того, что необходимо знать каждому хорошему мальчику!

Поцеловав сыновей и пожелав им спокойных снов, мама выключила свет и вышла, закрыв за собой дверь.

Едва веки Билла сомкнулись и в голове начали мелькать разные кадры, снизу донесся глухой стук. Билл тут же очнулся и прислушался. Это снова пришел Джон. Билл встал с кровати, на цыпочках, поглядывая на спящего Чарли, подошел к двери и приоткрыл ее. Пробравшись на лестницу, он схватился руками за две колонны перил и посмотрел вниз. Посреди круглого холла стояла мама, а Джон пытался ее обнять. Резкий запах его одеколona напоминал смесь спирта

и корицы. Эта вонь тянулась к Биллу и вонзалась в ноздри, опьяняя своей жгучестью, затуманивая образы, которые он видел. До верха долетали обрывки фраз: «Когда это кончится?», «Ты же обещал ей сказать еще месяц назад!» Мужчина оправдывался, иногда повышая голос и нервно хватаясь за голову. Билл вздрагивал всякий раз, когда слышал резкий тон Джона. Мальчик увлекся наблюдением и не заметил, как его правая нога соскользнула и грохнула по ступеньке ниже. Мила и Джон метнули свои взгляды вверх.

– Эй, Билли! – протянул Джон в расплывающейся улыбке.

– Немедленно иди спать! – крикнула Мила.

Билл вскочил и убежал, хлопнув за собой дверь. Джон с Милой устремились в ее комнату, где вскоре закрылись. Билл лег в постель и задумчиво смотрел в потолок, словно прокручивал в голове план. Чарли ворочался на соседней кровати, то бормотал что-то невнятное, то сопел, то всхрапывал, возмущая ночную тишину.

Запах завтрака тянулся из кухни до детской, но мамин крик: «Ребята, пора вставать!» – обогнал его. Братья нехотя поднялись и, толкая друг друга в полусонном тумане, неторопливо одевались. Через пятнадцать минут они были у стола. Чарли с аппетитом закидывал в рот ломтики бекона из яичницы, а Билл в это время задумчиво елозил наткнутым на вилку мякишем белого хлеба по растекшемуся в тарелке желтку.

После завтрака дети, попрощавшись с мамой, взяли рюкзаки, накинули поверх теплых осенних курток дождевики и побежали к остановке. Школьный автобус останавливался неподалеку от их дома.

На улице лил дождь, поэтому мальчишки в ожидании автобуса встали под дуб, с полуобнаженных ветвей которого сползали тяжелые капли, и ветер предательски скидывал их на грязную землю, напоминая о своем превосходстве. По асфальту текли реки, забирая с собой всю грязь, листья и погань с улицы в сточную канаву. Чарли вздрагивал от мимо проезжающих автомобилей, готовых обдать мерзкой водой с ног до головы, а Билл равнодушно смотрел на стекающие капли, которые переставали существовать после очередного бесноватого порыва ветра. Через несколько минут подъехал автобус, подобрал мальчишек и направился дальше по маршруту.

В школе Чарли был молчалив, из-за чего его цепляли сверстники. Он постоянно сидел один и рисовал, пока остальные дети играли. Билл тоже далеко не ушел. Как обычно, в старших классах были подразделения на «крутых» и «неудачников», и Билла попадал под вторую категорию. Его считали безотцовщиной и мямлей.

Главным задирой в школе был Майк – высокий красавчик с модной всклокоченной прической. Он учился на класс выше. Его отец Джеральд Картович владел местной швейной фабрикой.

В первый день после осенних каникул все будто не в своей тарелке, путались в кабинетах, не знали расписания. Так, ходя по коридорам в поисках своего класса, Билл случайно задел Майка плечом.

– Эй ты, урод! – закричал Майк. – Смотри, куда идешь!

В коридоре воцарилась тишина, и все школьники заострили внимание на Билле, который стоял с опущенной головой и выискивал в ней возможный ответ.

– Извини, – тихо сказал он. – Я не хотел!

– Что? – подойдя ближе, спросил Майк. – Я не услышал!

Скажи громче!

Билл, как загнанный зверь, пытался спрятаться ото всех взглядов и улыбок, окружавших его. Проблемы дома, нехватка денег, а тут еще и этот задира прицепился. Билл сжал пальцы в кулак, стиснул зубы и проговорил сквозь них:

– Иди к черту!

После этого Майк схватил Билла за грудки и толкнул так, что тот упал. Школьники вмиг выстроились в кольцо, образовав ринг. Перешептывания оседали в голове Билла, он начал теряться в пространстве, а пол для него казался ледяным. Внутри что-то щелкнуло. С воплем он вскочил и накинулся на Майка, не ожидавшего этого. Вцепившись зубами в его руку, Билл издавал крики дикого животного. Из ближайших кабинетов на шум выбежали учителя. Они пытались пробиться через плотное живое кольцо. Майк несколько раз попал локтем по затылку Билла. Зубы ослабели и отпустили

руку, оставив на ней лилово-синие следы. Майк размахнулся и со всей силы ударил его в нос. Сознание помутнело, голова расплылась, а голова испытала глухой удар, словно что-то твердое прилетело в затылок. Учителя наконец растолкали толпу. Они увидели лежащего Билла и начали приводить его в чувство: шлепать по щекам.

Через пару минут Билл открыл опухшие от удара глаза, со стоном поднял голову и осмотрелся. Старшие школьники смеялись, показывая на него пальцами, а девочки шептались между собой и с насмешкой повторяли: «Бенктон – неудачник!»

Немного оклемавшись, он встал и отряхнулся. Рюкзак лежал в стороне. Его поднял Чарли и поднес Биллу. Майк, не проронив ни слова, посмотрел на укушенную правую руку, махнул своим друзьям и скрылся в толпе. Чарли крикнул ему вдогонку:

– Мы тебя убьем, петух сланый! – потом обнял старшего брата и спросил: – Ты как? Сильно нос болит?

– Да ничего. Кровь только идет, а так... бывало и хуже. Заживет.

Они пошли к умывальникам, где Билл умылся и застирал рубашку, что мама подарила ему на недавний день рождения.

– Билли, не пележивай. Мы накажем этого улода! – нахмурив брови, сказал Чарли.

– Не сомневаюсь в этом! – ответил Билл, растягивая в

улыбке запачканные кровью губы.

– Теперь маму вызовут в школу? – смотря на Билла в зеркало над раковиной, спросил Чарли.

– Не думаю! – ответил Билл, скривив лицо от боли. Он смотрел в зеркало и трогал распухающую переносицу. – Я не виноват, а у Картовича отец часто помогает школе.

– Помогает? – спросил Чарли.

– Ну да! Устраивает концерты, покупает мебель... В общем, дает деньги...

– Ясно... – надув губы, произнес Чарли.

– Иди на уроки, – всматриваясь в зеркало, сказал Билл. – А то точно маму вызовут! Скажут, что ты не ходишь на занятия!

– А ты? – спросил мальчик.

– И я сейчас пойду!

После уроков они встретились возле школы и пошли домой. Пройдя два квартала, услышали за спиной крики и нескончаемые велосипедные звонки. Это был снова задир Майк со своей отморозенной компашкой. Они мчались на велосипедах, выкрикивая: «Бенктон! Мы еще не закончили!» Братья побежали через полуразрушенные склады. Мрачную бетонную пещеру когда-то разделяли несколько секторов с запчастями для разных марок автомобилей. Теперь здесь под бетонным сводом находились лишь огромные пустые стеллажи, отделенные громоздкими стенами, горы мусора и битых бутылок. Ходили легенды, что в одном из

этих складов однажды убили несколько человек. Теперь эти места считались ночлежкой для бездомных.

Споткнувшись о торчащий из земли штырь, Чарли упал на осколок разбитой бутылки. Через рваную штанину брызнула кровь, а из горла мальчика вырвался вопль. Билл подбежал к Чарли, чтобы поднять его, но в ту минуту их окружил Майк с друзьями. Держа в руках палки, они ехидно улыбались.

– Тебе никто не поможет! Даже твой сопливый братец! – сказал Майк.

– Отстань от нас! Что тебе нужно? – спросил Билл.

– Ты видел, что сделал с моей рукой? – закручивая рукав, сказал Майк. – Я не хочу, чтобы отец мне задавал лишних вопросов!

– Иди к челту! – крикнул Чарли.

В эту секунду, словно взбешенный, Майк подбежал к лежащему на земле Чарли, прислонил к его лицу палку, испачканную в экскрементах, и сказал:

– Облизывай. Если сделаешь это, то сегодня я вас отпущу, а если нет...

Не успев договорить, Майк почувствовал на себе чьи-то руки. Его кто-то схватил за шиворот и откинул в сторону. Остальная компашка вмиг испарилась. Перед Майком возвышался Джон.

– Еще раз их тронешь, я голову тебе отрежу и пришлю по почте твоему папаше! – грозился он.

Майк поднялся, взобрался на велосипед и умчал. Чарли не мог встать из-за пореза ноги. Джон взял его на руки, и они втроем пошли домой. Билл тащился позади, воспринимая случившееся, как очередное поражение Джону. Нет, не Майку, а именно здоровяку, на руках которого в эти секунды от боли постанывал Чарли. Билл сопел, словно что-то хотел сказать, но боялся или не желал.

– Говори же, – перебил его раздумья Джон. – Чувствую, что хочешь что-то сказать!

– Почему ты нам помог? Ты же нас ненавидишь!

– С чего вы такое взяли? – сказал Джон. – Я люблю вашу маму, а значит, и к вам должен относиться хорошо. Давайте так, услуга за услугу. Я помог вам, а теперь вы поможете мне.

– Что надо делать?

– Вы не будете мешать нашим с Милой отношениям!

Билл притих и медленно тащился. Он тер потную ладонь о правую ногу и не торопился отвечать. Джон остановился. Билл понял, что молчание не ответ. Поймав на себе его пугающий взгляд, буркнул:

– Хорошо!

– Ага, – дополнил Чарли.

Спустя несколько однообразных кварталов они были у дома. На крыльце их ждала мама. Когда она увидела избитого Билла и Чарли на руках у Джона, едва не потеряла рассудок.

– Что случилось? Вас кто-то побил?

Джон посмотрел на мальчишек, улыбнулся и сказал, ки-

нув взгляд на обеспокоенную Милу:

– Я их встретил недалеко от школы. Как всегда, игрались между собой. Чарли Биллу зарядил палкой в нос, а тот в ответ ему ногу резанул стекляшкой. Мальчишки играют, что поделать. Все мы в детстве такими были. Верно, парни?

Братья переглянулись и кивнули. Мама взяла Чарли на руки и отнесла в дом, а Билл пошел в ванную, чтобы умыться и замазать синяки мазью.

Следующие недели миновали без приключений. Близилось Рождество. Всюду люди наряжали елки, украшали дома, дети играли в снежки и строили снежные баррикады. Улицы города наполнились разноцветными огнями, сверкающими украшениями и предновогодней суетой.

Билл дождался Чарли после уроков, чтобы вместе отправиться домой. До этого по пути им часто встречался Майк с шайкой, но они лишь косо поглядывали. В этот раз Билл не устоял и крикнул вдогонку:

– Мы вас не боимся!

Майк развернулся и скорым шагом подошел к Биллу.

– Что ты сказал?

– Не боимся... мы вас! – с дрожью в голосе повторил Билл. – И дело не в Джоне! Он нам никто. Просто прекратите нас унижать и постоянно цеплять!

– Я тебя еще не унижал! – сквозь зубы произнес Майк.

Он схватил Билла за грудки, нацелил кулак в лицо и про-

шипел:

– Я вашего Джона не боюсь. Мне и на вас насрать. Я тебя могу прямо сейчас вбить в землю, и мне ничего за это не будет. Лучше обходи нашу компанию стороной. Я не хочу портить себе репутацию из-за таких сопляков, как ты.

Майк ударил его под дых, развернулся и сказал:

– Пойдем парни! Там девчонки заждались. Что тратить время на каких-то лузеров.

Билл наклонился и оперся о ближайший столб. Он тяжело дышал и исподлобья смотрел на уходящего Майка. Все это время Чарли молча стоял в стороне. Он боялся что-либо сказать: не хотел, чтобы брат с побитым лицом встречал Рождество и Новый год.

– Почему он такой злой? – поинтересовался Чарли.

– У него влиятельный отец! – сказал Билл. – Этот Майк ненавидит всех, кто ниже его по статусу!

– По статусу? – спросил Чарли. – Это как?

– Это когда у тебя мама акушерка в больнице и получает двести долларов в месяц, а у него отец владелец фабрики и зарабатывает в десятки раз больше!

– Он считает нас нищими?

– Почти так, Чарли. Он всех такими считает...

– И тех тлоих, что с ним ходят?

– Наверняка!

На Рождество почти все жители города Райли ждут празд-

ника: закупают подарки, готовят угощения на стол, – а кому-то приходится работать. Мила снова отправилась в больницу, взвалив хлопоты на Джона и детей. Те весь день провели вместе, но были неразговорчивы. За все время они перекинулись парой скучных фраз: «Как дела?», «Что будем делать?» Джон готовил к столу индейку и другие угощения, а дети занимались уборкой. За окнами бархатными хлопьями опускались на землю снежинки, издали слышались отголоски рождественского гимна и радостные возгласы как детей, так и взрослых. Люди как никогда дружелюбны и приветливы; они готовы пожелать всего, чего от них в обычный день не услышишь. Ночь в это время года наступает рано, однако город не спит еще долго.

Вскоре домой вернулась Мила. Вся в снегу, запыхавшаяся, с горой сумок, она едва успевала к застолью, однако никак не могла его пропустить, ведь Рождество – это семейный праздник.

– Так, все приготовили? – с отдышкой спросила она. – Нужно из кухни нести все в большую комнату. Накроем стол там!

– Не переживай, дорогая, мы уже все сделали! – утешил Джон.

Она улыбнулась, поцеловала его в щечку, после чего подошла к детям и крепко обняла их. Билл чувствовал на душе тревогу. Он чуял фальшь в любом поступке Джона. «Уж слишком он заботливый и добрый в последнее время!» – по-

думал он.

Спустя время на столе зажгли свечи, все расселись по своим местам и прочитали молитву. В углу комнаты, за диваном стояла невысокая молчаливая елка. Она источала пряный аромат по всему дому. Разноцветные огни сочились сквозь пушистые ветви и целились на стол. Стеклообразные шары неловко висели, а белая искристая мишура кланялась до самого пола. Подарки, которые обычно лежат под елкой, уже вскрыты и обласканы. Биллу от Санты достался новый велосипед, а Чарли обрадовался красивому набору из карандашей.

Джон постучал вилкой по бокалу с шампанским и попросил тишины. Пузырьки в бокале игриво закружились, словно в танце. Заманчивую и тревожную паузу разбавляло слабое шипение игристого вина и ежесекундные уверенные шаги стрелок в настенных часах. Дети замолчали, а Мила с улыбкой на лице и блеском в глазах взглянула на Джона.

– Что ты хотел сказать? – спросила она.

– Дорогая, ты так долго этого ждала. Наконец-то я решился. Вчера я с женой подписал бумаги на развод, и уже сегодня я предлагаю тебе выйти за меня замуж.

Он достал из правого кармана пиджака красную бархатистую коробочку, открыл ее и протянул Миле. В ней лежало золотое кольцо.

После увиденного лицо Билла исказилось, зрачки забежали, внутри что-то зашевелилось, словно пыталось вырваться

наружу. Он ударил кулаком по столу и закричал:

– Нет! Нет! Нет!

Чарли схватил Билла за руку, пытаясь остановить, но тот оттолкнул его в сторону и помчался наверх по скрипучей лестнице в комнату. Открыв дверь, он увидел яркий ослепляющий свет, который вскоре растворился. Глаза Билла смотрели будто через мутную черно-белую пленку. Билл наощупь подошел к стене и начал срывать все рисунки брата, неоднократно выкрикивая единственную фразу: «Это наша семья!» Он держал в руках детские рисунки и с удивлением вглядывался в них. Мальчик не понимал, что происходит. Вокруг все в серых тонах, а иных цветов, как никогда и не было.

Вслед за Биллом в комнату вбежали и остальные. Озлобленными красными глазами Билл осматривал каждого. Чарли испугался и спрятался за мамой.

– Что с тобой случилось? – спросила она. – Я тебя никогда таким не видела!

Билл, вцепившись бледными руками в волосы, ходил из стороны в сторону. Его угнетала однотонность, которую он видел. Посмотрев на маму, выдавил:

– Я не вижу другие цвета! Что со мной?

Джон пытался успокоить будущую супругу. Он положил на ее плечо тяжелую руку и сказал:

– Пойдем за стол! Парень оклемается. Стресс после моих слов.

Мила отвела в сторону руку Джона, подошла к сыну и наклонилась к нему:

– Что ты сейчас видишь? Какое на мне платье?

Мила была одета в салатное платье, на ногах туфли того же цвета, а сбоку на голове повязан синий бант. Зрачки Билла расширены и метались, будто пытались найти ответ. Затем он прижался к маме и заплакал. Она поглаживала его спутанные волосы, пока он тихо трясся, пуская слезы на ее плечо.

Она дала ему снотворное и уложила в кровать. После этого Чарли, Мила и Джон спустились в комнату, где проходило торжество. Тишину разбудил бой часов. Одиннадцать вечера. За двадцать пять следующих минут никто не произнес ни слова. Мила проводила Джона до двери и с горечью сказала:

– Дорогой, прости, что так получилось. Сегодня Чарли поспит со мной. Я подумаю над твоим предложением.

2

Утром Билл проснулся раньше остальных. Не обнаружив в соседней кровати Чарли, он побежал вниз. Его глаза упали в ярких цветах, о которых прошлым вечером он мог только мечтать. Дом все еще пребывал во сне. Билл тихо вошел в большую комнату. Чарли спал с мамой.

– Хватит спать! – закричал Билл. – Пойдем играть в снежки!

Мама подняла голову, посмотрела на часы, а потом на Билла. Ее прокисший взгляд ухватился за цифру на настенном календаре. Это число было обведено в кружок, как и немногие числа месяца, в которые она отдавала себя семье, а не работе. Полусонный взгляд блуждал по комнате, пока Билл стоял в дверях и ждал реакции. Она попыталась встать, но почувствовала тяжесть на руке. Это милый ангелочек обнял руку мамы и не торопился отпускать, но через мгновение, когда Билл снова прокричал: «Вставайте, сони!» – Чарли все же встрепенулся и подскочил, освободив руку Милы.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она у Билла. – Как голова? Ты помнишь, что вчера было?

Билл моргнул и помотал головой. Он опустил нос, увидел торчащую из пижамы синюю ниточку и начал ее тянуть. Мила подошла к нему, пригнулась и взглянула в его изумрудные глаза.

– Все будет хорошо, милый! – прошептала она и поцеловала его в щечку.

– А что случилось? – тихо спросил он.

– Не знаю, сынок... но тебя нужно показать врачу!

В ее голове витала одна мысль – после завтрака позвонить своему знакомому, доктору Малькольму – хорошему специалисту в области неврологии. К психиатру она вести Билла не хотела.

Мила сходила к соседям, у которых был телефон. Она договорилась с доктором о встрече.

Когда Билл увидел в комнате сорванные, лежавшие в стопке на столе рисунки, удивился.

– Почему они на столе? – спросил он. – Вы решили их снять?

– А ты что, ничего не помнишь? Ты начал сильно кличать, бить по столу и слывал мои рисунки. Я только услышал одну твою фразу: «Не вижу цвета...», – рассказывал Чарли.

– Хах... Да не может такого быть! Бред! Я сидел с вами за столом, потом устал и пошел спать, – усмехнувшись сказал Билл.

Чарли искоса посмотрел на брата и молча продолжил натягивать теплые штаны.

Через несколько минут они спустились в холл. Билл не понимал, зачем ему нужно показываться врачу. Он был уверен, что с ним все в порядке. Мама убедилась, что дети одеты тепло, после чего взяла кожаную сумочку, закрыла дверь,

и вместе они пошли в больницу.

Снег улыбался сверкающими на солнце кристалликами. Он пытался радовать каждого человека своим скрипом. Дети подбрасывали вверх белую пудру и заливались смехом, когда она попадала им за шиворот. Это ли не зима? Не этого ли ждет каждый ребенок, сидя у окна в дождливый осенний вечер? Снежные мошки тянулись обратно к земле, стараясь насытиться холодным солнечным светом и одарить мерцанием прохожих.

– Здравствуйте, мистер Моррисон! – прокричал Билл, взмахнув рукой.

Возле соседнего двухэтажного дома стоял высокий улыбающийся мужчина. Из-под его вязаной коричневой шапки выглядывали спутанные седые локоны, овечий воротник на джинсовой куртке отблескивал свежими разноцветными снежинками. Морщинистое лицо залито морозным румянцем. Филип Моррисон опирался на рукоять совковой лопаты, которой минутами ранее сгребал снег в кучу, расчищая подход к дому.

– Доброе утро, ребят! – сказал Филип. – Чудная погода, – добавил он, провожая взглядом Милу. – Не так ли, мисс Бенктон?

– Просто великолепная! – не оборачиваясь, пробурчала она.

В окне дома Моррисона виднелось улыбчивое лицо его супруги Мег. Мальчишки помахали руками ей и то спотыка-

сь, то проваливаясь в свежем зыбком снегу, догоняли впереди идущую маму.

По пути Чарли с Биллом баловались, бегали, прыгали, кидали друг в друга снег, из которого едва получалось слепить снежный орех. Однако Миле было не до веселья. Она нервно поглядывала на них и едва не срывалась на крик, но проходящие мимо люди вынимали из нее скромную улыбку.

В больнице Мила оставила детей в коридоре, напротив кабинета Джерри Малькольма, а сама постучалась и вошла внутрь. Она рассказала ему о случившемся, на что доктор удивился:

– Хм... Такое в моей практике впервые. Пусть мальчик войдет.

Она приоткрыла дверь и позвала Билла. Тот зашел в кабинет, поздоровался и присел на стул напротив доктора. Перед ним сидел полноватый мужчина лет тридцати. Джерри внимательно осматривал зрачки Билла, стучал молотком по его коленке, прослушивал, но никаких отклонений не мог обнаружить.

– Билл, с тобой что-либо странное происходило в последнее время? Быть может, ты падал или ударялся головой?

– Нет. Не было! – ответил мальчик.

Мила изучала кабинет доктора, блуждая где-то в собственных фантазиях. Она подошла к полке с книгами по медицине, достала одну из них и открыла на случайной странице. С первых строк в глаза бросились медицинские тер-

мины и выражения, о существовании которых она уже совсем забыла. С окончания колледжа прошло много лет. Перелистнув страницу и прочитав многострадальное предложение, она замерла и подняла голову. В ухо врезался последний ответ Билла. Она закрыла книгу, положила на полку и подошла к сыну.

– Помнишь, в ноябре тебя Чарли ударил палкой в нос? – выпалила она.

Билл кивнул. Доктор услышал это и отвел женщину в сторону.

– Почему вы об этом сразу не сказали? – прошептал он. – У него могло быть сотрясение мозга или еще чего хуже. Конечно, последствия могут быть разные, но вам лучше пока не тревожить его. После праздников я смогу проверить Билла тщательнее, а сейчас выпишу диазепам. Принимайте таблетки два раза в день утром и вечером после еды.

Поблагодарив доктора, Мила с сыном вышла из кабинета и направилась в аптеку. Купив лекарство, она предложила:

– Так, дети, давайте прогуляемся по парку, но только с одним условием!

– Каким? – в один голос спросили дети.

– Вы не будете дурачиться. А тебе, Билл, вообще нельзя тревожиться! – Она метнула взгляд на старшего. – Врач сказал, что это опасно! Если согласны, то вечером все вместе будем есть мороженое.

Праздники миновали. Билл чувствовал себя хорошо, на головную боль не жаловался, приступов не испытывал. Доктор Джерри Малькольм при подробном осмотре никаких отклонений не заметил, но советовал еще месяц пить прописанные им таблетки.

Жизнь текла. Чарли привыкал к Джону, а Билл все так же холодно смотрел не него. Мила приняла предложение выйти замуж и просила устроить церемонию в мае. Для них с Джоном этот месяц был знаковым. Именно год назад восемнадцатого мая они и познакомились. Джон переехал с женой в Райли из другого города и стал жить неподалеку от их дома. Познакомились они случайно. Когда Мила поздно вечером возвращалась домой, на нее напали малолетние грабители. Это случилось возле дома Джона. Он выскочил, разогнал хулиганов и проводил Милу домой. Так рассказывала детям мама.

На свадьбу собрались только близкие люди, среди которых бабушка Роза, Чарли, Билл, коллеги Милы Петра и Сельма и соседи мистер Моррисон с супругой Мег. Билл все утро просидел в своей комнате. Он не желал видеть Джона в своем доме. Мальчик считал, что это разрушит их крепкую семью. К тому же, мама сильно изменилась с момента встречи с ним.

«Почему именно этот идиот? – думал Билл, стаптывая ворсистый красный коврик в своей комнате. – Неужели она

не видит, как он ко всем нам относится? Я вообще не понимаю, какой план у проклятого Джона, но он у него явно есть! – продолжал ходить взад-вперед. – Ладно, черт с ним. Нужно хоть маму уважить и спуститься. Но только на полчаса. Все... с богом...» – выдохнул и вышел из комнаты.

Церемония проходила на лужайке перед домом. Там Джон с Милой соорудили небольшую арку, поставили несколько стульев для гостей, а для благословения пригласили местного священника. Тяжелые темные тучи сгущались над городом. Они будто желали сорвать все планы, но оттягивали момент до последнего, накапливая мощь и устрашая своим мрачным видом. Нужно было спешить с речью, чтобы не попасть под дождь. На импровизированный алтарь взошли Мила и Джон. Священник начал говорить. Когда дело дошло до традиционной клятвы, небо разразилось громким рыком. Спустя секунду по головам, как по немым клавишам рояля, промчались первые капли, а после тысячами прозрачных стрел была усыпана и вся лужайка.

«Это знак! – улыбался в душе Билл. – Гром тому подтверждение!»

Все забежали в дом. Шум от разговоров на разные темы не утихал. Бабушка Роза, как всегда, возмущена отсутствием ее любимых закусок с мидиями, а Петра и Сельма противно хихикали, ходя из кухни в комнату и обратно. Миссис Моррисон в эти секунды что-то рассказывала Розе, а Филип поднялся к Чарли, чтобы полюбоваться его рисунками. Мила

пыталась собрать немногочисленных гостей в большой комнате, но только это удавалось, внезапно кто-либо пропал. Так продолжалось порядка сорока минут, пока Джон не начал на всех кричать и силой заталкивать в комнату. Чарли это напугало, а Билл и вовсе побледнел. Он еле сдерживал пыл внутри себя, но вмиг защурился и попытался успокоиться. Вот-вот начнется повторный приступ, но обстановка умиротворилась, все утихло, и священник продолжил церемонию. Билл выдохнул скопившийся внутри гнев и туго посмотрел на мать, которая казалась ему потерянной.

«Она же не хочет этого! – думал он. – Зачем Джон ее заставляет? Как же она глупа... и слепа. Почему?»

Наконец возлюбленные обменялись кольцами, бабушка Роза поцеловала Милу, и все сели за праздничный стол. Чарли, как обычно, расположился рядом со старшим братом. Взрослые разговаривали на свои темы, а дети уплетали закуски. В какую-то секунду Чарли толкнул в бок Билла и шепотом спросил:

– Это что, тепель, получается, дядя Джон наш отец?

– Нет, Чарли! – тихо ответил Билл. – У нас нет отца и никогда не было. Джон нам все равно никто!

– Но кто-то же помог маме забелеменеть. Лазве не так?

– Понимаешь, Чарли, отец это тот, кто тебя растит и воспитывает. Нас растит мама, а Джон обычный проходимец, который нравится ей. Нам не стоит относиться к нему лучше оттого, что он женился на ней. Пусть сначала нас уважать

начнет. Я уверен, что у него это не выйдет.

– Ясно, – опустив подбородок, пробурчал Чарли.

Торжество шагало в такт со временем. Моррисоны ушли через час после окончания церемонии, Петра и Сельма с бутылкой вина ушли в клуб, а бабушка Роза помогла Миле вымыть посуду и уехала на ближайшем автобусе домой, в город Нилз.

В сером горьком тумане пребывал Джон. Он покачивался в кресле-качалке. Перед ним мелькали черно-белые картинки из телевизора. Он сопел, держа в левой руке толстую сигару, а в правой – бутылку пива. Воспоминания ударялись в его голове друг о друга, отчего он изредка подергивал верхней губой.

– Дорогой, я же просила тебя не курить в доме! Дым кругом! – возмущалась уставшая Мила, махая перед собой рукой.

– Оу, прости милая, – отвлекшись от раздумий, ответил Джон. – Сейчас выйду на крыльцо.

Дети переглянулись. На лице Чарли появилась наивная улыбка, а Билл с удивлением изучал лицо Джона, ожидая резкого ответа. Тот встал с кресла, подошел к ним и предложил выйти на улицу. Билл отступил назад и заерзал потной ладонью по штанам, а Чарли, как ни в чем не бывало, согласился. Билл не мог оставить младшего брата одного со страшным Джоном, поэтому пошел за ними.

Вместе они вышли на крыльцо. Гранатовая вуаль заката

погружалась в мрачные тона. Облака уплывали вдаль и казались маленькими пушинками, которые можно было положить на ладонь и насладиться щекочущей мягкостью; а после легким дуновением выпустить на свободу. Где-то вдали над домами проглядывались тоненькие, устремленные к небу струйки дыма. Запах костра доносился с поглаживающим волосы ветерком. Джон смотрел вдаль, его взгляд будто тосковал по этому, застрявшему в сердце аромату. Он положил руку на плечо Чарли, который стоял рядом и тоже вглядывался в танцующий на ветру дымок.

– Парни, я действительно люблю вашу маму, – говорил Джон. – Если честно, то сначала вы мне совсем не нравились, но сейчас я вас уважал. Вы молодцы, что всегда вместе. Это главное в жизни! Мой брат однажды забрал у меня все: хорошую работу, жену, отнял жизнь. Мне пришлось переехать в ваш город, чтобы не видеться с этим говнюком. Только сейчас я понял, что все это не зря. Думаю, мы с вами поладим и будем относиться друг к другу лучше. Идет?

Чарли посмотрел на Билла, а затем взметнул взгляд на ожидающего ответ Джона. Мальчик хотел сказать «Да!», но боялся, что брату это не понравится. Билл повернулся к Джону спиной и закрыл глаза, словно внюхивался в весенний воздух. Он пыхтел и злился, но знал, что иного выбора нет.

– Хорошо! – сказал Билл.

Чарли улыбнулся, увидев, как сжимаются мелкие трещинки у уголков глаз Джона. Мужчина вытянул руки вперед, а

Чарли, словно ожидая этого, подошел к нему. Через секунду его макушка рассекла цветущий воздух, и он залился звонким смехом. Джон посадил Чарли к себе на плечо и сказал:

– Так, если ни у кого нет планов на завтра, то отправимся в парк аттракционов. А через неделю поедем отдыхать. У нас с мамой медовый месяц, и он будет неполным без вас. Только ей ни слова. Пусть это будет наш с вами секрет.

Билл хмыкнул и зашел домой вслед за Джоном и радостным Чарли у него на плече. Мама уже спала на диване, а дети поднялись в свою комнату. Они расправили кровати и легли в них. Чарли уснул мгновенно, а Билл отвернулся к стене. Он стиснул веки, ворочался, голова кишела мыслями о ненависти к Джону.

3

Билл поступил в колледж. Чарли ходил в художественную школу. У него прекрасно получалось рисовать. За два года он вырос из любителя в профессионала. Так говорил Билли. Джон владел небольшой мастерской по ремонту обуви. На годовщину свадьбы он подарил Миле «кадиллак» темно-зеленого цвета.

В семье было не все так гладко. Билл часто срывался на родных. В доме нередко случались скандалы, перетекающие в битье посуды. Однажды Билл накинулся на Джона за то, что тот при нем поцеловал Милу.

В колледже парень вел себя спокойно, учился хорошо, но с общением были проблемы. Лишь Джефф и Питер поддерживали его во всем. Он считал их лучшими друзьями.

В один из осенних дней Билл повстречал в стенах своего колледжа задиру Майка. Билла удивило, что тот к нему даже не прицепился. Майка уже не окружали школьные друзья. Дело в том, что одного из его дружков нашли повешенным в заброшенных складах, а другого посадили за распространение наркотиков. Так вся шайка и потеряла былое величие.

Биллу еще со школы нравилась девушка по имени Джессика, но та, как ему казалось, не хотела его замечать. Она была на год его моложе, высокая, светловолосая красавица с ослепительной улыбкой. Парень при встрече с ней всегда

терял дар речи. Он боялся заговорить, а если и делал это, то нес несусветную чушь, при этом краснея и потея. Однажды они встретились в одном из магазинов.

– Привет! – смущенно произнес Билл.

– Привет! Ааа... ты из нашего колледжа? Я тебя помню, – улыбаясь сказала Джессика.

– Ага... Вот, зашел тут... Хах... Ну, ладно... Пока! – завершив разговор, поторопился уйти.

«Хм... странный какой-то», – с удивлением подумала Джессика.

В последние месяцы Билл часто страдал головной болью. Она его могла застать в любой момент. Он никогда и никому об этом не говорил. В аптеке покупал экседрин. Эти таблетки помогали справиться с мигренью. Он их прятал под обшивкой своего рюкзака. Даже Чарли об этом не знал. Парень будто отдалялся ото всех, пытаясь решить проблемы самостоятельно.

У Чарли все проще. Он ходил в школу, а после нее на занятия по рисованию. С Джоном они ладили, на что без презрения не мог смотреть Билл. Он задирали Чарли из-за этого, пытался настроить его против Джона, но мальчик не мог ничего ответить. Единственное, что Чарли всегда повторял: «Ты стал другим, Билл! Злым!»

Мила продолжала загружать себя работой. С утра до ночи она принимала роды, пытаясь зарабатывать лишние деньги. Джон ее уговаривал уволиться, но та отнекивалась. При ма-

лейшем разговоре на эту тему она немедленно переключалась на другую.

15 сентября 1969 года семья собралась вместе за ужином. Такое бывало редко. То мама приходила, когда все спали, то Билл возвращался домой за полночь. Он пропадал с друзьями в гараже. Там иногда напивался или баловался легкими наркотиками.

– Ну, наконец-то мы собрались, – возрадовался Джон. – Я уже и не помню, когда в последний раз это было. Наверное, месяца три или четыре назад.

– Еще бы столько не видел тебя! – пробурчал под нос Билл.

Джон положил руки на стол, громко выдохнул и хмуро посмотрел на парня.

– Почему ты так изменился, Билли? Ты же до этого таким не был!

– Так, мальчики, хватит ссориться. Давайте посидим мирно, покушаем, а потом все вместе поиграем в монополию, – перебила Мила.

– А ты что молчишь, Чарли? Скажи, как ты любишь дядюшку Джона, – повысил тон Билл, кинув взгляд на брата. – Он же тебя купил мороженым и игрушками. Неужели ты не видишь, что он вас всех купил?!

– Прекрати, Билл! Ты меня пугаешь! Дядя Джон меня ничем не купил. Он просто хочет, чтобы нам было хорошо, а

ты опять за свое. Ты стал очень злым!

Чарли бросил на стол вилку и, потирая намокшие глаза, побежал в свою комнату. Он и подумать не мог, что заботливый братец станет таким озлобленным и придирчивым. Мама сердито посмотрела на Билла и побежала вслед за Чарли. В это время Джон вытер салфеткой губы, сложил ее вдвое и положил на стол; встал, подошел к Биллу и тихо спросил:

– Чего ты добиваешься, щенок?

– Иди к черту, урод! Я хочу, чтобы ты оставил нашу семью!

Джон отвернул лицо в сторону, вымучено вздохнул и, вцепившись косым взглядом в Билла, сказал:

– Нет! Семья – это те, кто держится вместе, а ты от нее как раз отдаляешься! Поэтому решай сам, кто в семье, а кто нет.

Билл выскочил из-за стола, ударил в грудь Джона и, накинув куртку и прихватив рюкзак, вылетел из дома. Он не понимал, куда бежит, знал только одно: не хочет видеть Джона. Головная боль снова начала сдавливать виски. Билл остановился у дерева, сел на корточки и схватился руками за волосы. В ушах стоял звон. Дрожащей рукой он открыл рюкзак и достал из-под обшивки свои таблетки. Но открыв пачку, рука дрогнула и опрокинула ее. Все таблетки рассыпались по серой земле. Яркий свет. Билл упал. Жжение в глазах. Это жжение вытягивало из него силы. Он ничего не видел. Минута. Свет рассеялся. Перед Биллом снова возникла черно-белая картина. Бенктон не мог понять, что с ним проис-

ходит. Все прежние цвета потерялись. До этого куртка красного цвета теперь казалась ему черной, а освещенная фонарным столбом зеленая трава стала светло-серой.

– Что со мной? Почему я не различаю цвета? – в панике прошипел Билл.

Он попытался нащупать на земле таблетки. Спустя минуту поймал одну и закинул ее в рот. Легкая горечь растворилась вместе со слюной. Боль продолжала наносить удары по вискам, как молотом по наковальне. Билл подобрал еще две таблетки и тут же положил их на язык. Он встал и прислонился спиной к дереву. Цвета казались все такие же мрачные.

Он сделал шаг, но земля завертелась, а тело потянуло обратно к дубу. Билл ухватился за него, оттолкнулся и постарался устоять на ногах. Встряхнув головой, он шагнул, но на этот раз земля казалась ему тверже. Билл медленно шел вперед. Дорога вырывалась из-под ног, то сужалась, то расширялась, то виляла. Фонари, как софиты, ослепляли и заставляли заслонять рукой глаза. Кусты цеплялись своими коготками за куртку и не спешили отпускать. Билл постанывал, вертелся, вскрикивал, разметая тишину. «Напился!» – звучало издали от силуэтов, с трудом различимых. Билл шмыгал подошвой по асфальту, который через пару шагов сменился узкой извилистой тропинкой. Он уперся плечом в столб с вывеской «Автомастерская у Шелдона. 300 метров».

«Кажется, уже рядом! – с трудом читая черные буквы на

белом фоне, думал Бенктон. – Мост через речку пройти – и гаражи. Десятки никому не нужных гаражей, мастерских и складов подпольного спиртного».

Шум в голове разбавлялся шумом речной воды. Запах сосен впивался в нос. Даже через боль можно было почуять этот резкий, омерзительно приятный запах. Ноги, как ватные, плелись по мягкой почве. Билл будто во сне выставил руки вперед и пытался что-то нащупать в этой, казалось, крошечной темноте. Лишь лунный свет пробивался сквозь сосновые ветви и вел его по бледной тропе.

Вскоре показалась вспышка света, а через несколько секунд снова. Билл поднял больной взгляд. Перед ним находилась мастерская Шелдона. Это двухэтажное строение с большими воротами, через которые видно, как люди днем и ночью ремонтируют автомобили, ругаются, иногда играют в карты и пьют. Все время пьют. Не мудрено, ведь через десяток гаражей себя отлично чувствовал Элтонс. Его многие знали под кличкой «Бух». Весь его гараж уставлен бутылками с алкоголем. Где он берет все это, одному богу известно, но в ночное время именно «Бух» был богом для многих. К нему порой выстраивались очереди. Дело его процветало даже лучше, чем у Шелдона в автомастерской. Запах спиртного здесь сильнее запаха бензина и машинного масла. Все урны полны пустыми бутылками, а из самой мастерской нередко вываливается кто-то и начинает блевать у входа.

Прямо за мастерской Шелдона стоит небольшой гараж, о

котором почти никто не знает, даже сам Шелдон. Этот гараж спрятан за деревьями, а центральный вход заколочен досками. Однако есть секретная дверь с обратной стороны, к которой Билл пробрался и постучал три раза.

Открыл волосатый толстяк Джефф.

– Что случилось, старик? Я тебя не узнаю!

Билл только мычал и корчился от адской боли. Таких приступов у него до этого никогда не случалось.

– Эй, Пит, помоги затащить Билла. С ним что-то не так!

Положив электрогитару, Питер, потрясывая башкой под громкую музыку, подошел к двери. Вместе с Джеффом они взвалили руки товарища на свои плечи и повели его к дивану.

– Не спеши ты! – закричал Пит. – Сейчас очки упадут...

– Ничего, – усмехнулся Джефф. – Мамочка новые тебе купит! Ты каждый месяц их бьешь на концертах.

– Пошел ты, Джефф, – прокряхтел парень, подтягивая руку Билла. – Вспомни себя, как ты каждую пятницу облевываешь сортир в клубе!

– А ты только и ноешь: «Нам тоже надо выступать, нам тоже надо выступать!», – а сам и двух аккордов взять не можешь! – засмеялся Джефф.

– Парни, хватит! – пробурчал Билл.

Они скинули Бенктона на диван.

– На, выпей, дружище, тебе должно полегчать, – сказал заплетающимся языком Питер и протянул стакан с виски.

Билл вмиг осушил его. Струйки алкоголя текли мимо рта по шее, обжигая ее своей прохладой. Лоб покрывали мелкие капли пота, а светлые засаленные волосы лезли в воспаленные глаза. Бенктон до сих пор видел все в серых тонах. Где-то вдали, прорезая звон в ушах, слышались мелодии знаменитых «Роллинг Стоунз». Парень кинул взгляд на Джеффа, а после на Пита:

– У вас черные свитера и джинсы!

– Нет, мужик, у меня свитер красный, а у Пита синий. Ты что, дальтоник? – ухмыльнулся Джефф.

– Я не вижу цвета. Для меня все вокруг черно-белое. Я не понимаю, что со мной!

– Пит, налей еще. Пусть зальется, чтобы начал нормально видеть.

Питер наполнил стакан. Билл выпил. Голова все еще кружилась, но мигрень начала отступать. Он не помнил, как оказался в гараже. Последнее, что отпечаталось в памяти, это ссора с Джоном.

– Парни, мне нужна ваша помощь! – немного придя в себя, выдавил Билл.

– Ты же знаешь, мы друзья. Конечно поможем, если только это не убийство, – смеясь добавил Джефф: – Что надо делать?

Он подошел ближе, а Питер выкрутил громкость на приемнике на минимум, налил в два стакана виски и принес их друзьям. Билл вырвал один из руки Пита, быстро сделал три

глотка и начал говорить:

– Так, неподалеку отсюда есть небольшая мастерская Джона Коннела. Я хочу ее спалить дотла, чтобы этому мудаку повадно не было.

Питер снял очки и начал протирать помутневшие линзы. Молча посмотрев на Джеффа, cedящего виски, спросил:

– Ух, дружище, что же он тебе такого сделал?

– Он отнял мою семью! – закричал Билл.

Джефф зрительно пробежался по гаражу. В углу стояла канистра. Подойдя к ней, он открыл ее, всмотрелся внутрь, а затем понюхал.

– Так, у нас тут есть немного бензина, но этого, боюсь, не хватит. Нужно больше. Если раздобудем, то не вопрос. Обольем его хибару, кинем спичку – и будет большой «Бууум!».

– Бензин можно слить из маминой машины. Она стоит возле дома. Главное, чтобы никто не видел, – сказал Билл.

– Хорошо. Тогда в путь! Толстый, возьми бутылку вискаря. По дороге зарядимся, – махнул Питер.

Билл не мог идти в темноте, так как плохо ориентировался, поэтому его вел худощавый очкарик Питер. Тот и сам от выпитого за вечер алкоголя на ногах еле стоял. Получалось, что Билл – это ноги, а Пит – глаза.

Тот же резкий сосновый запах, та же мягкая почва под ногами, тот же шум реки. Джефф шел впереди, часто спотыкался, оглядываясь назад.

– Ты уверен в этом? – спросил Питер.

– В чем? В поджоге?

– А-ага! – пьяно ответил Пит.

– Уверен! А ты боишься?

– Я? – расплылся в улыбке и протянул. – Я н-никогда не боюсь!

– Ну да, рассказывай! – говорил Билл. – Тебе напомнить?

– Что?

– Как вы меня...

– Ты все про клуб? – прервал Пит. – Джефф побежал первым, а я за ним. Хоть убей, ни черта не помню дальше!

– Ага... – бубнил Билл. – А меня пинали потом за ваши выходки. Хоть по лицу не попали...

– Н-ну прости! – сказал Пит и язвительно потянулся губами к лицу Билла.

– Отвянь! Это уже не впервой...

– Эй, толстый... – закричал Питер и громко рыгнул. – Дай бутылку!

– Тебе уже хватит! – сказал Джефф. – Еле ноги тащишь!

– Да и пошел ты, козел! – буркнул Пит, махнул рукой и добавил: – Слышишь сирены скорой... не к твоей мамашке едут?

– Вспомни, как год назад поехали в гости к сестрам Оурен за город, – продолжил Бенктон.

– Ты их и подцепил, – возмутился Питер. – Мне они своим дурацким смехом сразу не понравились. А ты: «Поехали... они нас в гости зовут». Вот мы и поперлись за тобой, идио-

ТОМ ПЬЯНЫМ.

– А почему вы меня бросили? Оставили у этих... фууу... мерзостных алкашек? – прорезавшимся голосом заговорил Билл. – Я проснулся, а передо мной кривая улыбка и вонь... вонь, которую я вспоминаю до сих пор... фуууу... Я все понимаю, но это...

– Джеффу нужно было срочно домой!

– А я? Мне не нужно было домой? – возмущался Билл. – «Пусть Билли проспится», – передразнивал он. – «Пусть Билли потрахается». Вы... вы идиоты!!! Я почти пять часов шел... нет... бежал от этих отсталых сестриц Оурен. А они... знаешь, что они сделали?

– И что же?

– Искали меня... ездили на своем пикапе, как маньячки. Мне приходилось прятаться в лесу, канавах и кустах...

– И? – спросил Питер.

– Вы меня кинули!

– Но ты жив. И сейчас мы вместе!

– Это да.

– А значит, что мы...

– Что вы козлы! – срезал Билл.

– Да пошел ты!

– Т-с-с-с, – поднял руку Джефф. – Твой дом, Билл?

– Да, – шепнул тот.

Джефф и Питер затаились в кустах напротив и осмотрелись. Улица погрузилась в ночь. Изредка можно было уви-

деть хозяев, выгуливающих собак. На крыльце дома курил Джон. Бенктон выглянул из-за кустов, скривил лицо и плюнул в сторону.

– Черт, Коннел там! – сказал Билл. – Он может так долго стоять!

– И что нам делать? – спросил Джефф. – Все насмарку...

– Тихо... кажется, мама вышла.

Мила пробежала нервным взглядом по улице, схватила Джона за руку и увела за собой. Через десять минут свет во всем доме погас.

– К-кто побежит? – заплетающимся языком спросил Питер. – Я все запорю; рухну прямо там и усну...

– Беги, толстый! – сказал Бенктон.

– Почему я? – возмутился Джефф.

– Ну не я же! – злился Билл. – Пит не может, а ты мне еще десятку должен. Сделаешь, и я тебе ее прощу!

Джефф надул губы и посмотрел на пьяного Питера, который лежал в кустах и икал, потом грустно взглянул на Билла, взял канистру со шлангом и, не сказав ни слова, встал и обошел кусты.

Два раза споткнувшись по дороге, парень подбежал к машине. С трудом открыл крышку бензобака, засунул туда шланг и, вдохнув, поставил канистру под бензин. Жидкость небольшой струйкой бежала по шлангу, журчала и медленно наполняла емкость. Действо длилось около трех минут. Как только он закончил сливать бензин и закрыл крышку бензо-

бака, почувствовал за спиной непонятное тяжелое дыхание. Джефф неторопливо поднялся, развернулся и увидел перед собой огромного лабрадора. Собака смотрела на него влажными глазами.

– Ты что там делаешь? – закричала женщина, стоявшая неподалеку. – Сейчас полицию вызову! – добавила она.

Собака залаяла, а Джеффа охватил страх. Внезапно входная дверь дома Бенктонов открылась. Вышел Джон. Джефф успел толкнуть канистру и шланг под машину.

– Здравствуйте, мистер Коннел! – сказала женщина. – Вот, хулиган крутится возле вашей машины.

– Спасибо, миссис Сторнтон, – ответил Джон, направляясь к Джеффу. – Я сам разберусь.

– Лори, за мной! – крикнула женщина и исчезла в уличной темноте.

Джон подошел ближе, прищурился и спросил:

– Ты кто такой? Что тебе здесь нужно?

– З-здрав-вствуйте, м-мистер. Я т-тут заблудился. Как пройти на че-четвертую улицу? – заикаясь спросил Джефф.

Джон посмотрел по сторонам, после чего указал пальцем налево. Джефф, поблагодарив мужчину, направился в указанную сторону.

– Стой! – окликнул Джон.

Парень остановился, пот полз по его пухлым щекам. Джефф был испуган и в любую секунду мог упасть на колени и взмолиться о пощаде. Мужчина подступился к нему, на-

клонился к лицу и с удивлением спросил:

– А почему от тебя так бензином воняет?

Молчание с обеих сторон. Джефф вот-вот во всем признается. Начал открывать рот, как вдруг его перебил Джон:

– Токсикоман, что ли? Бензин нюхаешь?

Парень с облегчением выдохнул, смахнул испарину со лба и радостным голосом ответил:

– Да, я токсикоман. Бензин нюхаю... и пью тоже... каждый день... жить без него не могу... Ну я пойду, мистер?

– Топай, щенок!

Джефф поковылял вглубь улицы. Джон ухмыльнулся и вернулся в дом. Ребята подбежали, забрали из-под машины канистру со шлангом и направились к мастерской Коннела. До нее путь не близкий. Благо Райли небольшой городок. Быстрым шагом можно дойти за тридцать минут, но в состоянии парней идти порядка часа.

Добравшись до места, ребята осмотрели строение вокруг, убедились, что поблизости нет полицейских и охраны, после чего Билл принялся обливать стены. Он лично хотел отомстить Джону.

– У кого спички? – спросил он, поставив пустую канистру на землю.

– Их должен был взять Питер, – ответил Джефф.

– Т-так я и взял их, но не могу найти в карманах к-куртки, – пьяно ответил Пит. – М-может, в кустах обронил.

Билл взглянул на Питера, который в эти секунды ошупы-

вал куртку. Отойдя в сторону, сел на корточки, положил руки на голову и язвительным голосом сказал:

– Черт возьми, идиоты!!! Вам ничего доверять нельзя! И где мне теперь огонь добывать?! При помощи палки?!

– Постой, к-кажется, нащупал. Под подкладку куртки провалились, – обнадежил Питер. – Сейчас достану.

После нескольких мучительных попыток достать коробок все же удалось. Пит дал его Биллу и отошел подальше, искоса поглядывая на него. Тот взглянул на мастерскую еще раз, чиркнул спичкой и бросил ее ко входу. Пламя разгоралось. Билл видел только яркие лучи. Огненные лепестки заиграли в безумной пляске. Они радовались своей короткой жизни и от этого вырастали больше, голодно обнимали своими искристыми пальцами небольшое строение, словно обхватывая его частями. Сначала загорелась дверь, затем огонь пробрался внутрь и уже там начал бесчинствовать. В мгновение стекла треснули и рассыпались на мелкие осколки. Сразу же огненные пальцы вырвались на свободу и схватили своей жадной лапой мастерскую целиком.

Билл смотрел на пожар. Глаза стали стеклянными, словно плавилась при виде этой картины. По щекам текли слезы.

– Может быть, теперь ты нас оставишь в покое, урод! – пробормотал Билл.

Друзья подошли к нему и отвели подальше от огня. Вдали слышались сирены пожарных машин. Ребята поспешили покинуть место в надежде, что их никто не заметит. Билл ед-

ва волок ноги. Мигрень снова вернулась. Она была не такой мучительной, как до этого, но ни на минуту не покидала.

Девять тридцать утра. Билл проснулся от криков, доносившихся из холла. Слышалось, как Джон свирепствует: кричит на Милу, доносятся удары о стену. Через минуту раздался звон, словно кто-то разбил тарелку. Билл не понимал, что происходит. Прошлый вечер стерся из памяти с момента ссоры с Джоном.

Придя в себя, Билл решил спуститься и узнать, в чем дело.

– Вот он, мелкий паршивец! А ну, иди сюда, щенок! Где ты пропадал прошлой ночью?! Ты поджег мою мастерскую, мразь?!

– Я не понимаю, о чем ты! – спускаясь ответил Билл. – Не кричи на нас с мамой! Объясни, что произошло!

– Я тебе сейчас объясню! – сказал Джон и тяжелой поступью приблизился к парню.

Он взял Билла за грудки и с силой откинул в стену. Тот взвыл и скорчился от боли. Подбежала мама и начала заступаться за сына.

– Джон, он этого не делал! Не трогай его! Если хочешь кого-то ударить, то ударь меня!

Джон отмахнулся от Милы, подошел к парню и, стиснув зубы, проскрипел:

– Я чувствую, как от тебя воняет бензином и огнем! И ты будешь мне врать, что не поджигал мастерскую? Ты мелкий

ублюдок, который сгниет в нищете! Мой бизнес приносил деньги; я вас кормил, одевал, а ты все разрушил своим тупым выпендрежем!

В его глазах читался гнев, порождающий страх в голове Билла. Парень испуганно смотрел на истинное лицо Джона. Мужчина был готов порвать парня, но что-то его останавливало. Зрачки медленно сужались. Он брезгливо толкнул парня, подошел к Миле, схватил ее за запястье и прошипел:

– Он об этом пожалеет!

После этого Джон стремительным полным ненависти шагом покинул дом, за собой хлопнув дверью с такой силой, что единственная картина, висевшая на стене вдоль дуговой лестницы, сорвалась с гвоздя и с характерным треском ударилась о ступеньки. Мила разрыдалась, а Билл смотрел на нее, не осознавая, что произошло. В душе он думал, что мог сжечь мастерскую, но вспомнить события той ночи не получалось. Он подполз к маме, обнял ее и прошептал:

– Мам, я вас с Чарли никому не отдам. Этот урод еще получит свое за то, что обидел тебя.

Билл встал с колен и помог подняться матери, отвел ее в комнату и накрыл пледом. Она плакала и не хотела верить в то, что мастерскую поджег именно Билл.

– Это опять случилось? – плачущим голосом спросила она.

– Что... это? Что должно было случиться?

– Три года назад на Рождество у тебя был приступ. Ты не

мог различать цвета, бился в истерике, а на утро ничего не вспомнил. Что вчера было?

– Мам, я... я не помню. После ссоры с Джоном я выбежал на улицу и все... я не помню дальше ничего. Даже как попал домой...

Она взглянула на сына раскаленными от слез глазами и произнесла:

– Собирайся! Поедем в больницу!

Женщина сходила в ванную, умылась, привела себя в порядок. Билл поднялся в комнату, переоделся в чистое белье и спустился. Через четверть часа они вышли из дома и сели в машину. Мила пыталась завести ее, но не выходило.

– Черт, бензин на нуле. Кто-то слил вчера бен...

Она хлестнула взглядом Билла, сидевшего рядом. Закрыв машину, взяла сына за руку и повела в больницу к доктору Джерри Малькольму. В этот день у него очередь. Пропускать женщину никто не хотел, пока она не крикнула: «Заткнитесь все!!!» Она выглядела настолько злой и убедительной, что люди в очереди замолчали и безоговорочно пропустили ее. Мила без стука вошла в кабинет, потянув за собой сына.

– Здравствуйте, доктор! У Билла снова был приступ, – чеканила она. – Только сейчас все намного хуже и опаснее! Мне нужна ваша помощь!

Малькольм сидел за столом, усердно исписывая журнал. После того, как лист закончился, он оторвался от дела, поправил очки и безучастно сказал:

– Здравствуйте, мисс Бенктон!

Перед доктором на стуле сидела немолодая светловолосая пациентка. Она испугалась внезапно ворвавшейся незнакомки. Колени ее задергались, тощие руки затряслись.

– Доктор, доктор, – бормотала она. – Кто это? Доктор, кто это?

– Успокойтесь, – плавным движением руки он пытался ее усмирить. – Не беспокойтесь! Все в порядке!

– Не мисс, а миссис! – завопила Мила, еще крепче сжимая руку Билла.

– Доктор, доктор, кто это? – повторяла женщина. – Доктор...

– Извините, миссис Бенктон, – переводя взгляд с пациентки, говорил он: – Но у меня сейчас занято. Давайте встретимся завтра в одиннадцать...

– Нет уж! – кричала Мила. – Сегодня!

– Но у меня пациент...

– Сейчас же! – взвизгнула она.

– Доктор, доктор, кто это? – в исступлении поглядывая на незнакомых ей людей, строчила пациентка. – Доктор, доктор...

– Простите, Сюзен, – тихим успокаивающим голосом говорил Малькольм, положив на ее колени свои нежные пухлые ручки. – Можете сейчас выйти из кабинета, я вас позову позже.

– Вы меня точно позовете? – опираясь костлявыми рука-

ми на поручни стула, продолжала Сьюзен.

Женщина встала, меряя своими возбужденными глазенками Милу, а после и Билла. Сьюзен шоркала по полу, что-то бормоча себе под нос.

«Она явно не в себе! – думал Билл, зрительно провожая странную женщину. – Да и мама... она чем-то похожа на эту сумасшедшую. Что орет? Зачем?»

– Хорошо, я осмотрю его, но не уверен, что смогу помочь, – сказал доктор. – Что с ним?

– Это... Это опять повторилось! – сказала Мила и снова заплакала.

– Что это? – спросил Малькольм. – Успокойтесь!

– Что и тогда, – сказала она. – Несколько лет назад.

Мужчина сполоснул руки под холодной водой, вытер их полотенцем, висевшим над раковиной, а после этого подошел к своему столу и взял фонарик.

– Так, Билли, посмотри на свет, – попросил доктор, левой рукой раздвигая веки то одного глаза, то другого. – Ничего не понимаю. У тебя есть лопнувшие сосуды. Но от чего они могли лопнуть? Ты ударялся головой?

Билл молчал. Он боялся отвечать. Перед собой видел недовольное лицо мамы и надувшего губы Малькольма, который пытался казаться сердитым. Их взгляды вытягивали признание.

– Ты маму вгоняешь в краску, парень! – сказал Джерри. – Пойми это. Вы отнимаете у меня время и деньги!

Билл зажмурился в надежде, что скроется от сверлящих его взоров. Но вскоре понял, что план провальный. Долго так просидеть не удастся и рано или поздно придется открыть глаза, и перед ним все так же будут нависать эти угрюмые лица.

– Хорошо! – разводя руками, сказал Билл. – Я отвечу!

– Ну же, – улыбаясь подмигнул Джерри.

– Нет. Я головой не ударялся! Но она часто болит. Я пью таблетки, которые мне посоветовали в аптеке. Они помогают.

– Как часто она болит?

– Примерно раз в три или четыре дня. Но после таблеток боль проходит.

– Что-то еще странное происходит?

После долгой паузы Билл поднял испуганный взгляд и сказал:

– Я будто теряю память в этих болях. Ничего не помню. Как отрезает!

– Ясно, – вздохнув, выдавил Малькольм.

– Что вам ясно? – встревоженным голосом спросила Мила.

– Вам лучше обратиться к психиатру! – сложив руки, утешал Джерри. – Сейчас я только могу выписать диазепам.

Мила поблагодарила Джерри и вышла с сыном из кабинета. По дороге домой они заскочили в магазин за водой. Билл за несколько минут опустошил литровую бутылку. Он хотел

сходить к своим друзьям, но мать его не отпускала от себя ни на шаг. Она уже и представить боялась, до чего доведут его эти припадки.

Голубой купол неба возвышался над городом. Ни единого облачка. Лучи выглядывающего из-за церковной башни солнца насыщали своей силой все живое.

Подходя к дому, Билл с мамой увидели на крыльце Джона. Она схватила сына за руку, но не сбилась с пути.

– Простите меня, родные! – отчаянным голосом говорил Джон. – Я совершил глупую ошибку. Понимаю, что меня сложно извинить, но выслушайте.

Мила с сыном прошли мимо него. Она слышать не хотела слов его раскаяния. Понимала, что он ударил их с Биллом, а это самое страшное, что может совершить когда-то любивший ее человек. Джон рухнул на колени и расплакался. Он походил на несчастного ребенка, осознавшего свою вину.

Зайдя в дом, Мила увидела, что весь бардак, сотворенный Джоном, убран, картина повешена на место, а осколки разбитой посуды подметены и выброшены в урну. Посреди холла стояла шикарная корзина с цветами. Похоже, он и впрямь чувствовал себя виноватым. Мила нахмурила брови и грубым голосом спросила:

– Ради чего ты все это устроил? Тебе твой бизнес важнее нас?

– Я был не в себе. Во мне кипела злость. Я понял, что вы для меня важны! Черт с ней, с этой мастерской!

– А ты не подумал, что Биллу нужна помощь? Он сильно болен! И возможно... неизлечим! Ты об этом подумал?!

Джон подошел к Миле и Биллу и обнял их. От мужчины разило спиртным. Парень сразу заподозрил неладное, но мама уже начала таять в объятьях Коннела. Ей в эти минуты было сложно что-либо доказывать и объяснять. Тем более Билл не хотел снова нарываться на скандал.

Джон принес ему большую шоколадку. Из холодильника достал бутылку виски и предложил устроить перемирие. Лицо мамы расцвело, как будто до этого ничего не случилось. Она начала суетиться и готовить закуски.

«Не может человек просто так натворить дел, а потом взять и извиниться, – думал Билл. – Что-то здесь не чисто!»

На часах два сорок. Билл присоединился к застолью только ради мамы. Джон предложил парню виски, но тот отказался.

– Скоро нужно забирать Чарли, – сказал Билл.

– Я съезжу за ним на машине, – пробормотал Джон, заглатывая алкоголь.

– Нет, я сам за ним схожу. Ты пьян, – сказал Билл, искоса наблюдая за повеселевшей матерью. – Тебе нельзя за руль. И так сегодня дел натворил.

– Билли прав, лучше останемся вдвоем, дорогой, – сказала захмелевшим голосом Мила, обвивая шею Джона своей рукой. – Он взрослый мальчик и сам сможет забрать Чарли.

Билл посидел еще немного и ушел. Спустя минуту Джон

подскочил и последовал в холл. Он нервничал, мрачно поглядывал на развеселую Милу, пытавшуюся выбраться из-за стола. Его ладони потели, а верхняя губа подергивалась.

– Дорогой, ты куда? – спросила Мила.

– Скоро вернусь. Я вспомнил, что в мастерской есть вещи, которые могли уцелеть. Я только туда и обратно, – ответил Джон, поцеловал ее и вышел.

Билл знал, что до окончания занятий Чарли еще сорок минут, поэтому успевал заскочить к Джеффу и Питу в гараж. Тем более он находился неподалеку от школы. Бенктон дошел до секретного места быстро. После трех ударов в дверь ему открыл Питер. Тот, как всегда, уже пьяный и веселый.

– Хей, дружище, почему сегодня в колледже не был?

– Долгая история, Пит. А где Джефф? – спросил Бенктон.

– Скоро придет. Его родители заставили наводить дома уборку. Курнешь?

– Нет, спасибо. Что вчера было? – Билл осматривался, как в первый раз.

– Ты что, ничего не помнишь? Вот счастливчик! Ты же пришел к нам весь обдолбанный и цвета еще не различал. Потом мы поперлись бензин сливать из тачки твоей мамы, а затем спалили какой-то сарай.

– Вот черт! Ничего не помню. А как я домой попал?

– Ух, ну этого я и сам не помню, – почесывая затылок, сказал Пит. – Я проснулся в кустах возле гаража. Тебя, вроде бы, Джефф довел. Он еще говорил, что ты пытался вскараб-

каться на второй этаж, но пару раз упал.

– Ну, видимо, забрался. Вот отчего локти так болят, – по-тирая локоть, сказал Билл. – Есть что выпить?

– Конечно!

Питер налил в стакан бурбон, купленный у Буха за несколько долларов. Билл выпил, затянулся предложенным косячком. После этого сказал:

– Ладно, Пит, мне нужно идти. Джеффу привет, если вечером не заскочу. Но постараюсь прийти.

Погода была не по-сентябрьски жаркая. С утра до вечера светило солнце. Последний раз дождь шел пару недель назад. И то это трудно назвать дождем, когда землю орошает морось, которая длится всего час, а после ветер уносит все облака прочь на запад.

Чарли стоял на пересечении седьмой и восьмой улиц. Именно отсюда его всегда забирал Джон. За спиной мальчишка висел огромный рюкзак с учебниками и рисунками. Напротив, через дорогу, находилась школа, за которой виднелась часовня городской церкви. Деревья еще стояли зеленые. Машин немного. Чарли зрительно искал мамин «кадиллак», на котором должен подъехать Джон. Билл подошел сзади, пихнул брата коленкой и с ухмылкой спросил:

– Эй, пацан, закурить не найдется?

– Ты чего здесь забыл, козел? – возмутился Чарли.

Билл отвернулся, откашлялся и, закатив глаза, сказал:

– Извини, что вчера нагрубил. Не в себе был. Пойдет?

– По рукам, какашка! – ответил Чарли. – Ты что, опять накуренный? От тебя воняет!

– Ладно, только маме ни слова. Пошли, сегодня я тебя забираю. Джон не сможет, он пьян. Лучше расскажи, как я вчера домой попал.

– Как-как? Долбился в окно, как раненый тюлень, и что-то мычал, – сердито рассказывал Чарли. – Я тебя затащил, а ты меня еще и в задницу послал! Потом спать завалился... и храпел всю ночь, вонючка!

Ребята шли, как в старые добрые времена: толкали друг друга, играли в слова, рассказывали смешные истории. Чарли давно не видел брата таким сговорчивым. Ему этого не хватало.

Добравшись до дома, они увидели курящего на крыльце Джона. Тот улыбнулся во все лицо, шатаясь подошел к Чарли, приобнял его и сказал:

– Мужик, наконец-то ты пришел. Я по тебе уже соскучился. Извини, что не смог забрать. Дел полно.

Джон выглядел потерянным. Его окружало облако сигарного дыма, смешанного с перегаром. На крыльце возле двери таилась одинокая пивная банка. Та стояла, как часовой, ожидая, когда ее поднимут и опустошат. Джон пытался быть обходительным, но ничего не получил в ответ. Чарли молча посмотрел на него, после чего открыл дверь и прошел в дом, откуда прорывались громкие звуки музыки. Мама танцевала

под песню группы «Битлз». Такой на глазах детей женщина еще ни разу не появлялась. Билл забрал закуски со стола и поднялся в комнату. Джон пригласил Чарли за стол, но мальчик отказался и побежал вслед за братом.

Спустя несколько часов, Билл решил спуститься, чтобы проверить обстановку. В комнате на голубом диване, накрытая пледом, спала мама, а напротив телевизора в кресле-качалке, как обычно, сидел Джон. В левой руке держал банку пива. Он качался и что-то напевал. Билл молчком проскочил в кухню, чтобы налить стакан воды, после чего поднялся обратно в комнату.

В девять вечера, после боя часов, ребята услышали хлопков входной двери. Они подошли к окну и увидели Джона, уходящего в неизвестном направлении. Под светом уличных фонарей его тень казалась бесконечно длинной и худющей, она извивалась, как змея. Джон шел неспешно, точно наслаждался прогулкой, при этом постоянно приглаживал волосы назад, будто что-то прятал под ними.

Было раннее субботнее утро. Тишину разбил громкий звонок в дверь. Чарли проснулся, а Билл продолжал дрыхнуть, отвернувшись лицом к стене. Чарли встал с кровати, подошел к брату и начал толкать его: «Ну же, вставай! Не слышишь, что ли?» После череды неудачных попыток он быстро надел пижаму и спустился. Звон и грохот не прекращались. Чарли на цыпочках подошел к двери и спросил:

– Кто там?

– Привет малыш, а родители дома? – прозвучал за дверью уверенный мужской голос.

– Мама ушла на работу, а папы у нас нет. Мне так брат говорит.

– Ты можешь открыть дверь? Не бойся, я тебя не обижу! – заявил незнакомец.

Чарли потянулся рукой к замку, но внезапно его отпихнул Билл. Он и открыл дверь. На крыльце стоял высокий белокурый мужчина в полицейской форме.

– Офицер Джейсон! – представился тот.

– Что случилось? – спросил Билл.

– Я так понимаю, вы Билл Бенктон? Учитесь в Центральном колледже Райли?

Парень перепугался. Он думал, что пришли за ним. Причин на то было как минимум три: распитие алкоголя с дру-

зьями, курение марихуаны и поджог мастерской Коннела.

Бенктон заерзал правой ладонью по пижаме, а левой рукой тормошил волосы на голове. Зрачки забегали, а в горле скорым поездом отдавалось сердце.

– Я ничего не делал! Зачем вы пришли? Я никогда не пил спиртное и не курил травку! Честно вам говорю, и доказать вы это не сможете!

– Парень, успокойся. Я не для этого здесь. Мне сообщили, что ты дружишь с Джеффом Сингером и Питером Карски?

– Да, а что такое? – с облегчением спросил Бенктон.

В это время Чарли занимался своими делами. Пока Билл разговаривал с офицером, тот достал из холодильника хлопья и молоко.

– Так, Чарли, ничего там не делай! Я сейчас сам все приготовлю, – отвлеченно прокричал Билл.

Чарли обиженно посмотрел на Билла и поставил пакет с молоком обратно в холодильник.

– Извините. За братом глаз да глаз нужен. Так о чем вы?

– Джефф и Питер сегодня не ночевали дома, – сказал мужчина. – Вы не знаете, где они могут быть? Возможно, место ваших тусовок или что-то еще? Родители беспокоятся.

– Эммм... Нет, не знаю. Я вчера их не видел. Если что-то узнаю, то сразу же вам сообщу. Идет?

– Хорошо, Билл! – улыбнувшись ответил офицер и развернулся. – Извини... Еще вопрос. С вами же проживает мужчина... Джон Коннел, если не ошибаюсь? Это его ма-

стерская вчера сторе́ла?

– Да, все верно. Но со вчерашнего вечера он тоже дома не появлялся.

– Спасибо. Если будут новости, обязательно сообщи! – напоследок сказал офицер Джейсон.

Позавтракав и оставив поручения младшему брату, Билл накинул осеннюю куртку и выбежал на улицу. На лужайке за домом лежал двухколесный велосипед. Он поднял его и, оседлав, помчал к гаражу. Билл выжимал всю мощь из железяки, давя на педали сильнее и быстрее. Ветер лился в лицо, щекотал щеки и сушил глаза. Мимо, как кадры на видеопленке, мелькали однообразные дома, знакомые люди, а рыжая дворняга, что гналась позади, лаяла, будто у нее отобрали стейк.

Приехав к гаражу, Бенктон бросил велосипед в траву и прошел к секретной двери. Он едва коснулся ее кулаком, и та открылась. Лицо обдало затхлым теплым воздухом впере­мешку с запахом спирта. В помещении тихо. Перед Биллом предстала невообразимая картина: все перевернуто с ног на голову, точно кто-то что-то искал; старый диван, на котором они обычно сидели, сдвинут в сторону, а висевшие на стене виниловые пластинки и плакаты известных рок-групп теперь разбросаны по полу. Всюду, напоминающие кровь, пятна багрового цвета.

В углу под проигрывателем что-то сверкнуло. Билл подошел ближе, пригнулся и разглядел очки Питера. Треснувшие

стекла игрались со светом, сочившимся через приоткрытую дверь.

Билл в изумлении смотрел на беспорядок и встревоженно играл пальцами в длинных светлых волосах. Он ни о чем не мог думать, кроме как об их похищении. Но кому это нужно?

Парень обыскал гараж, нашел бутылку бурбона и отпил пару глотков. Почесав затылок, присел на диван и взялся за голову.

«Где парни могут находиться, если не тут? – думал он. – Странно, что и Джон не ночевал дома. Может, здесь есть связь? Нужно прокатиться по городу. Возможно, ребята просто в клуб забурились».

Билл закрыл гараж, сел на велосипед и поехал. Он объезжал все закоулки и дворы в надежде найти друзей. Приехал к клубу, дернул за ручку дверь, но та закрыта.

После часа езды по городу он остановился. В голове будто что-то щелкнуло.

«Старые склады!» – подумал он.

Тело покрывалось липким потом, волосы развевались на ветру, а в голове метались самые страшные мысли.

«Почему они? Зачем их похищать и убивать? Нет... Это все большие фантазии и только. Они живы, они точно живы!»

Через несколько минут он приехал к заброшенным складам. Бросил велосипед на влажную землю и начал осматривать развалины. Под серым бетонным потолком летало во-

ронье в надежде набить свой желудок падалью. Обычно их пищей были дохлые крысы и еноты. С потолка падали капли дождя, прошедшего прошлой ночью. Они долбили по металлическому контейнеру, играя мелодию, которая невольно рассеивалась по периметру. В первых двух секторах главенствовал сквозняк, носящий на себе смрад. От него хотелось заткнуть ноздри ватой. Впереди еще несколько секторов, отделенных исписанными граффити бетонными стенами. «Что тебя ждет?», «Родись, иди, умри!», «Бога нет!», «Согласие нас всех погубит!» – это лишь десятая часть надписей, которыми были богаты они. На плечо упало что-то тяжелое. Бенктон испуганно кинул взгляд. Капля. За ней вторая и третья. Билл посмотрел вверх, и тут же еще одна свалилась с потолка прямо на переносицу. Он отпрянул, раздраженно вытер нос, сделал шаг вперед и замер. Билл нервно облизнул сухие губы и дрожащей рукой зачесал волосы назад. Лицо побледнело от ужаса, поразившего его беспокойную душу. Билл увидел, как под металлической перекладиной в двух метрах над землей болтались два тела – повешенные Джефф и Питер. Они были изувечены, а изо рта каждого торчала тряпка. В эту секунду Билл пошатнулся, глаза застелило пеленой, он упал коленями на грязную землю и истошно закричал, хватаясь руками за мерзкий мокрый песок. Бенктон не мог поверить, что подставил своих лучших друзей. В груди зажгло, а кожа зудела так, что ее хотелось с себя содрать. Кое-как поднявшись на ноги, он взглянул еще раз на пока-

чивающиеся от ветра тела друзей. Билл, пересилив внутреннюю боль, побежал к велосипеду. Взобравшись на него, он поехал в полицейский участок.

– Я нашел их! Слышите? Они мертвы! – кричал он, вбежав в участок.

На парня никто не обратил внимания. Все были увлечены своими делами. Билл подбежал к полицейскому и попросил его выслушать, но тот прошел мимо, уткнувшись в папку с бумагами. Лишь один полицейский подошел и хриплым голосом спросил:

– Тебе чего, парень?

– Не подскажите, где найти офицера Джонсона... Джексона... Дженсона...

– Джейсона хотел сказать? Так он в городе, на выезде. Каких-то пропавших малолеток ищет.

– Вызовите его, пожалуйста, – просил парень. – Скажите, это Билл Бенктон. Я нашел... этих малолеток...

Билл шмыгнул носом и присел на лавку. В горле что-то мешало сделать глоток, а грудь чесалась, будто по ней водили чем-то мягким и в то же время холодным и острым. В нос закрадывались запахи кофе, сигарет и резкого, как выстрел, пота. В памяти мелькала жизнь, как они вместе с Питом и Джеффом росли, учились, играли и вечерами пропадали в гараже. В голове до сих пор звучал последний разговор с Питом. Друзья Билла во многом поддерживали, но именно он их подорвал на роковое дело о сожжении мастерской Джона.

Парень был уверен, что тот и убил их.

Спустя некоторое время приехал офицер Джейсон. Он сразу узнал Билла и подошел к нему. Как и до этого, мужчина был приветлив, улыбался, словно хвалился своими белоснежными зубами.

– Привет, Билл. Так что, ты узнал, где парни? Наверное, в клубе всю ночь гуляли или за городом отдыхали?

– Мистер Джейсон... они мертвы, – со страхом в глазах ответил Билл. – Повешены в старых складах.

– Ох... Я еще сегодня хотел домой попасть, но, видимо, не судьба. Иди на улицу и жди меня там. Я напарника позову и через пару минут выйду.

Джейсон с напарником и Биллом приехали к складам. Там было все так же жутко. Птицы кружили над телами, огромные крысы носились возле мусорных баков, от которых несло вонью сильнее, чем из общественного туалета. Ноги натыкались на стекляшки разбитых бутылок, а по углам валялись шприцы и использованные презервативы. Казалось, в стенах этих ужасных складов случалось столько погани, сколько ни в одном другом месте мира за всю жизнь. Билл не мог смотреть на тела друзей. Его тошнило и штормило. Джейсон предлагал ему пойти домой, но тот отказывался, так как хотел помочь.

Офицер с напарником спустили тела на землю и начали их осматривать.

– Они были убиты еще до повешения, – заявил Джей-

сон. – Похожее убийство произошло пару лет назад. Из шайки Майка Картовича кого-то так же повесили. Кстати, тоже парень молодой был. Лет пятнадцати от роду. Чтобы они не кричали, он забил их рты тряпками. Ужасно! Но где убийца все это сделал? И зачем?

– Кажется, я знаю, кто это мог сделать, но тогда придется вам признаться кое в чем, – произнес Билл. – Пообещайте, что я не сяду в тюрьму.

Джейсон искоса взглянул на парня и сказал:

– Билл, я тебе ничего гарантировать не могу. Смотря в чем твоя вина. Но если это поможет найти убийцу, то смягчить твое наказание попробую.

Биллу пришлось признаться во всем содеянном. Он рассказал, как с Джеффом и Питом пил спиртное в гараже, курил травку, а самое главное, как поджег мастерскую Джона Коннела. Тот и являлся основным подозреваемым. Бенктон рассказал, что Джон – муж его мамы, поэтому для его поминки достаточно расставить полицейских недалеко от дома. Коннел мог появиться в любую минуту, и никто не знал, что у него на уме.

Полиция тщательно осмотрела гараж, где развлекались парни, близлежащие места, перелески. У них была одна единственная зацепка: окурочок от сигары, обнаруженный неподалеку от гаража. По словам Билла, такие сигары всегда курил Джон.

Вернувшись домой на велосипеде, Билл увидел на крыль-

це мать. Ее лицо вызывало страх: бесцветные щеки, губы вздрагивали, как от холода, брови тревожно подняты, а лоб от напряжения показывал все морщины. Она обняла Билла и спросила:

– Сынок, с тобой все хорошо? Я слышала о Джеффе и Питере. Это ужасно!

– Мам, все в порядке. Не переживай. Мы в безопасности, – сказал Билл, обняв ее.

Мила была обеспокоена тем, что почти сутки дома не появлялся Джон. Билл о подробностях маме говорить не хотел, чтобы не навести еще больше паники. Он знал, что полиция охраняет их дом и ждет появления Коннела. Смущал только один вопрос: где Джон мог находиться столько времени? Неужели уехал в другой город?

На следующий день после занятий в колледже Билл возвращался домой. Его взволновал незнакомый полноватый мужчина, который шел по пятам. Он был в розовом костюме и в солнцезащитных очках. Парень ускорил шаг и скрылся за продуктовым магазином. В подворотне, как назло, безлюдно. Билл обернулся. Никого.

«Вот клоун, – подумал он. – Только идиоты сейчас ходят в таком... еще и очки нацепил, как будто солнце шпарит...»

Он остановился, чтобы отдышаться, но через мгновение его запястье сжала крепкая мужская рука. Перед Биллом возвышался тот странный незнакомец: молчаливый и невоз-

мутимый.

– Помогите! – вырвалось из Билла. – Кто-нибудь... люди!

Незнакомец потащил парня силой. Через несколько метров к ним подъехал черный «бьюик», открылась задняя дверца, и пара рук затащила Билла в салон.

– Эй... Кто вы? Что вам нужно? – брыкался он, ударяя передние сидения ногами. – Отпустите меня!

Мужчина пытался утихомирить Билла, но тот вырывал руки, царапался, кусался и продолжал бить ногами.

После продолжительной поездки автомобиль остановился и парня выпустили. Вокруг чистые желтеющие после лета поля. Вдали с холма виднелся Райли. Перед Биллом на раскладном стуле сидел Джон.

– Ты не сдержал уговор, щенок! – озлобленным голосом твердил он. – Ты всегда вставлял мне палки в колеса! Я тебе намекнул тем, что случилось с твоими дружками, но ты пошел в полицию! Я тебя, мелкий ублюдок, могу убить сейчас же, но не сделаю этого! Сначала отрублю тебе одну кисть. Потом вторую. Затем, когда ты забудешь о боли, я выколю тебе глаза, медленно, один за другим! Я буду смотреть, как ты мучаешься. Когда мне это наскучит, сброшу твоё бесполезное тело в яму со свиньями. И тебе повезет, если ты разобьешься. Не почувствуешь, как они тебя жрут!

Джон достал из сумки, лежащей рядом со стулом, тесак и схватил Билла за кисть. Лезвие сверкнуло и скользнуло сверху вниз, рассекая своим острием воздух. Парень скорчил ли-

цо и сощурился. Секунда длилась как целая вечность. Ожидание удара больше самого удара. Ко лбу прилипла прядь светлых волос, которая взметнулась, как только Билл почувствовал жжение на запястье.

– Билл, все нормально? – тормозил его Чарли. – Опять кошмары?

Билл вытер взмокший лоб, присел на кровать, взял с тумбочки стакан с водой и сделал пару глотков. На часах два сорок ночи. Он сидел, задумчиво упираясь взглядом в одну точку. Раздраженно потирал запястье, вспоминая сон. Бенктон невольно возвращался на то поле. Голова становилась свинцовой и тянула его к подушке. Как только Чарли выключил ночник, тишину потревожил дверной хлопок. Мама этой ночью на работе, поэтому дети одни.

– Это Джон, да? – взволнованно спросил Чарли. – Он нас не тронет?

– Чарли, не бойся, я с тобой!

Билл взял бейсбольную битку, стоявшую в углу, приоткрыл дверь и вышел из комнаты. С лестницы он видел, как Джон бродит по круглому холлу и кухне, словно что-то ищет. Билл сделал шаг вниз. Громкий скрип ступеньки заставил Джона поднять голову. В эту секунду в дом вломились полицейские. Офицер Джейсон повалил Джона на живот и скрутил его руки за спиной.

– Ээээ... За что? – кричал Коннел, прижимаясь губами к пыльному полу. – Я ничего не сделал!

Билл выдохнул скопившийся от страха воздух и с уверенностью спустился. За ним прибежал Чарли. Он подошел к Джону и наивным детским голосом спросил:

– Дядя Джон, тебя посадят в тюрьму?

– Не знаю, Чарли, – кряхтя ответил тот. – Не знаю!

Джона вывели из дома, посадили в полицейскую машину и увезли. Чарли и Билл вернулись в свои постели, как ни в чем не бывало. В душе Бенктон радовался своей маленькой победе.

Вскоре в дом прислали извещение о скором суде над Коннелом. Вся семья должна была явиться туда, чтобы дать показания против него. Ему за тройное убийство светило от двадцати лет до пожизненного лишения свободы. На него хотели повесить и нераскрытое убийство Дина Мальски.

6

Бурное течение времени уносило годы прочь. Со дня суда над Джоном Коннелом прошло пять лет. Ему дали пожизненный срок. В суде он вел себя спокойно, невозмутимо принимал все, что говорили Билл и родители Питера и Джеффа. Мила на заседании не могла и двух слов связать из-за выпитого накануне бурбона. Чарли рассказывал только правду. На его лице не было и толики страха, а своими рассуждениями и поведением он походил на адвокатов, которых мог видеть по телевизору.

Казалось бы, жизнь в семье Бенктонов налаживалась. Чарли уже четырнадцать лет. Он продолжал учиться в художественной школе. В его коллекции множество наград, но на этом останавливаться он не собирался. «Закат над Райли – верх мастерства!» – утверждал Билл, смотря на одноименную картину. Чарли мечтал рисовать профессионально и прославиться на весь мир.

Билл заканчивал колледж, после которого открывались двери в новую жизнь. Через несколько дней ему исполнится двадцать один год. Он подрабатывал грузчиком в местном магазине. Заработанных им денег едва хватало на оплату счетов и на личные расходы. Приступов с того злосчастного поджога не замечалось. Возможно, это из-за отсутствия

Джона. Парень понимал, что ему нельзя злиться и волноваться.

В семье Бенктонов была единственная проблема – мама пристрастилась к алкоголю. Со дня, когда Джона забрали в полицию, она все нерабочее время проводила с бутылкой бурбона.

– Мам, ты опять за свое? Сколько можно себя убивать? – ругался Билл.

– Сынок, ты уже взрослый и сам понимаешь, что без этой дряни сейчас тяжело, – заплетающимся языком говорила женщина.

Она сидела на голубом диване в своей комнате. Волосы растрепаны, под глазами синяки от недосыпа, а желтые зубы крепко сжимали тлеющую сигарету. Она пила дешевый бурбон, который продавал сосед напротив. Всю ее одежду заменял грязно-розовый засаленный халат. В нем она ходила и за выпивкой и в магазин и на работу. Из-за пьянки Милу уже три раза порывались уволить с работы, но, как итог, прощали. Она не пила только во время рабочих смен, но как выходила за больничные двери, бежала за бутылкой. Мила мучила себя, скучала по Джону. Почему она так привязалась к нему, для детей оставалось тайной.

Однажды Билл возвращался из колледжа. Погода не радовала теплом, но все же солнце рассеивало свои лучи по городу. На дворе стоял конец октября.

К Биллу подбежала та самая Джессика, в которую он ко-

гда-то был по уши влюблен. Они общались, но это случилось в стенах колледжа. Их общение ограничивалось фразами «Привет!» и «Как дела?»

Она улыбчиво спросила:

– Слушай, Билл, ты же хорошо разбираешься в высшей математике?

– Ну, немного понимаю, – ответил он. – Смотря чем я могу помочь.

– У нас скоро экзамены. Нужно немного подтянуть меня, – засмушалась девушка. – Кхм... то есть, – уводя взгляд, добавила она, – то есть подтянуть мои знания по этой дурацкой математике! На репетиторов денег нет. Я думала, что ты мне поможешь.

– А это не розыгрыш? – прищурившись спросил Бенктон.

– Н-нет... – засуетилась она. – Наш учитель, мистер «Крот» – мы его так зовем, – посоветовал тебя.

– Я знаю мистера Говарда Кранта, и он любитель пошутить!

– Нет же, честно... Он правда посоветовал тебя! – она растерянно отвела от него взгляд.

«Зря... очень зря! – подумала она. – Он и впрямь странный».

Билл остановился, поднял глаза в небо, почесал затылок и ответил:

– Ммм... Думаю, я смогу помочь, но это будет не раньше следующей среды. Мне нужно работать, а в среду как раз

выходной. Идет?

– Конечно! – обрадовалась Джессика. – Тогда до среды?
«А может, и не зря», – подумала она.

– Да, мы еще в колледже увидимся и решим по времени.
Девушка улыбнулась и направилась в другую сторону.

Билл выдохнул тревожный воздух, схватился за грудь и посмотрел на уходящую вдаль Джессику. Так долго с ней он еще никогда не разговаривал. Все эти годы был замкнут. Кроме Чарли у него никого, с кем бы он мог поговорить по душам.

Подходя к дому, Билл увидел сидящую на крыльце мать, пребывающую в невменяемом состоянии. Он бросился к ней, начал поднимать ее, чтобы завести в дом. Но, только встав на ноги, Милу стошнило ему на грудь. Это выглядело мерзко. От нее, а теперь и от него, воняло, как из помойки. Мила бурчала, что ей все это надоело. Билл помог ей дойти до дивана и уложил ее, затем накрыл пледом, а рядом поставил ведро, если она снова захочет освободить желудок. Он злился на маму, но в душе понимал, что в ее жизни наступила черная полоса, которая обязательно сменится белой.

Спустя полтора часа домой вернулся Чарли. Тяжело дыша, он свалил рюкзак с книгами на пол и прошел в кухню. Открыл холодильник, состроил недовольное лицо, после этого осмотрел полупустые шкафчики, где находились лишь приправы и крупы. Не найдя ничего подходящего, схватил яблоко.

– Опять нажралась? – посмотрел на спящую мать.

– Чарли, не обращай внимания. У мамы сложное время.

Ей нужна помощь.

– Как ты ей поможешь? Сбегаешь к соседу Борману за бутылкой? – сердился Чарли. – Вот какая ей помощь нужна! Плевать она хотела на нас!

– Не говори так о матери! Она тебя родила и вырастила!

– Да пошел ты, Билл! Вспомни, как ты на нее орал, когда Джон еще с нами был. А ведь это все ты начал! Кто поджег его мастерскую? – упрекал Чарли. – Скажи спасибо, что тебя в тюрьму не упекли, а Джейсон замял это дело! Ты эгоист! – он в гневе толкнул брата и убежал в свою комнату.

В тишине Билл приготовил себе ужин. Время приближалось к шести вечера. Из большой комнаты доносился храп матери. Нужно было перекусить и идти на работу. Каждый день, кроме среды и субботы, Билл уходил разгружать машины с продуктами. Его рабочая смена длилась с семи до одиннадцати вечера.

– Чарли, можно войти? – робко приоткрыв дверь в комнату, спросил Билл.

– Входи! – ответил Чарли, делая вид, что читает книгу.

Он лежал на своей кровати, закинув ногу за ногу.

– Что хотел? – спросил Чарли, не отводя глаз от книги.

– Просто, – перевел дыхание Билл, – мне вас не хватает!

С тех пор, как я потерял Пита и Джеффа, все словно перевернулось. Ты в своем рисовании, мама вечно пьет, а я, как

клоун для этих уродов в колледже...

– Билл, я в своем рисовании, потому что мне это нравится, – отложив книгу в сторону, сказал Чарли. Он сел, свесив ноги с кровати. – А мама сегодня вечером будет трезва... вот увидишь... ей завтра на работу.

– Нет... ты меня не понимаешь, – задумчиво говорил Билл. – Я хочу, чтобы все было как прежде. Как тогда... помнишь, когда тебе исполнилось шесть и мы поехали в Нилз в парк аттракционов? Хочу, чтобы было как тогда!

– Такого больше не будет! – сказал Чарли. – Время идет, все стареют. Аттракционы для мелюзги...

– Хочешь сказать, что не хотел бы вернуться в детство? – спросил Билл и подсел к Чарли.

– Туда можно вернуться, когда захочешь, только...

– Что?

– Иногда это выглядит глупо, – сказал Чарли. – Натянута. Представь, я тебе дам пожарную машину, с которой в детстве часами возился. Ты сможешь ее гонять с тем же интересом?

– Да! – ответил Билл.

– Ага... – говорил Чарли. – Я не поверю! Взрослые всегда делают глупости, но не замечают, как это глупо выглядит со стороны.

– Они веселятся.

– Или делают вид!

– Не будь занудой, – сказал Билл.

– Я говорю то, что вижу. И рисую так, как вижу!

– Ты молодец! – сказал Билл. – Я верю в тебя... и мне действительно тебя не хватает!

– Мне тебя тоже не хватает! – прошептал Чарли.

– Прости, если обидел, – произнес Билл.

– Ничего! – ответил Чарли и обнял брата.

Билл улыбнулся и прижал Чарли к себе. В памяти проносились моменты жизни до появления Джона. Тогда было все хорошо и ничего не предвещало беды.

– Ладно, мне пора на работу! – сказал Билл, встал с кровати и вышел из комнаты.

– Удачи! – тихо произнес Чарли, понимая, что брат его слов не услышал.

После работы Билл вернулся домой. На диване сидела немного протрезвевшая мама, а рядом с ней Чарли. Они разговаривали, рассматривая фотографии в альбоме. Билл улыбнулся и поднялся в комнату. Он переоделся в чистую одежду, спустился в кухню, налил всем молока и сделал бутерброды. Билл оставил поднос с едой на столе и собрался уходить, но Мила окликнула заторможенным голосом:

– Билли, а ты что, с нами не посидишь?

Он потянулся рукой к волосам, окидывая взглядом комнату.

«Ну же! Ты им нужен! – говорил внутренний голос. – Остайся!»

Билл присел рядом, обнял брата и маму. Он чувствовал,

что все наладится. Мила за вечер ни разу не потянулась к бутылке.

– А вы помните, что будет в следующую субботу? – внезапно спросил он.

Мама с Чарли переглянулись и с удивлением посмотрели на Билла. Он опустил подбородок, кожа над переносицей смялась, а нижняя губа выкатилась вперед. Они хором кинули:

– Твой день рождения!!!

– Конечно помним! А ты думал, что забудем? – сказала мама.

– Нет, просто хотел узнать, как праздновать будем?

Часть вечера они провели за обсуждением предстоящего дня рождения.

– Мам, а можно в среду ко мне придет девушка? – озадачил Билл.

– О-о-о.... А ну, рассказывай, кто она? Как зовут? Как давно встречаетесь? – радостно расспрашивала мама.

– Мы из одного колледжа. Она на год младше меня. Ее зовут Джессика, и мы... не вместе... просто друзья. Она просила подучить ее математике к экзаменам. Так что? Придет?

– Обязательно, милый! Я испеку пирог... отлично посидим.

Билл поцеловал маму, после чего поднялся в комнату. Чарли тоже начал зевать и клевать носом. Мила пожелала всем добрых снов и пошла в ванную.

Незаметно подкралась среда. С раннего утра лил дождь. Тучи, нависшие над городом, не намеревались расходиться. У Милы выходной. Уже почти неделю она не пила спиртное. В доме чисто, прибрано, а сама хозяйка чувствовала себя прекрасно.

«Вот она, та самая белая полоса в маминой жизни, – думал Билл, сидя у стола. – Ведь плохое рано или поздно заканчивается. Так и у нее!»

За завтраком семья обсудила предстоящий день. Билл сказал, что придет с Джессикой к пяти. К этому времени и Чарли освободится. Мама в голове составляла меню на ужин:

– А если я испеку яблочный пирог? Джессика любит его?

– Мам, я не знаю, что любит Джессика. И вообще, мы будем заниматься, а не есть! – возмущался Билл.

– Хорошо. Я приготовлю что-нибудь по своему усмотрению. Не терпится познакомиться с твоей девушкой!

– Еще раз говорю: она не моя девушка. Мы просто друзья!

– Ну да, рассказывай, какие вы друзья, – подтрунивал Чарли. – Я даже знаю, как вы будете дружить у нас в комнате. Чтобы мою кровать не трогали!

После братских толканий и подколов, Билл накинул на себя куртку, схватил рюкзак и побежал на занятия. Дождь с каждой минутой усиливался. Пока Билл добрался до колледжа, то весь вымок. Когда он шел по коридору, его ботинки хлюпали, вызывая смех у окружающих. Билл опустил голо-

ву, чтобы не смотреть на лица этих идиотов. Проходя мимо одного из кабинетов, он услышал приятный женский голос. Его окликнула Джессика. Она подбежала к нему и, искристо улыбаясь, спросила:

– Привет, сегодня все в силе?

– Оу... Привет. Да, конечно. Я тебя буду ждать у выхода в половину пятого.

– Тогда до встречи! – сказала она и убежала.

Бенктон был счастлив оттого, что с ним начала общаться Джессика. Он считал ее самой классной девчонкой колледжа.

«Джессика! – витал он в своих мыслях. – Как же она красива. Она может сразить любого своими нежными, как цветок, губами; голубыми, точно сапфир, глазами; аккуратным, слегка вздернутым носиком. Ее звонкий ангельский голосок пробирает до мурашек. А это имя? Кажется, я его уже слышал... Но где? Нет... Она единственная, и имя ее могло мне только сниться...»

После занятий он стоял в оговоренном месте. Время приближалось к пяти, но Джессика до сих пор не появилась. Он считал, что она убежала раньше, бросив его. До этого были случаи, когда девушки назначали встречу, но не приходили. Будто смеялись над ним. Билл не понимал, в чем его проблема. Внешне не отличается красотой от своих сверстников, но и страшилой его назвать нельзя. Обычный парень худо-

щавого телосложения, как и большинство, невысокого роста со светлыми волосами и зелеными глазами.

Билл посмотрел на круглые настенные часы, висевшие в конце коридора, прождал еще пару минут, плюнул и вышел из здания. Сбоку крыльца увидел Джессику. Та стояла под козырьком, спасаясь от дождя. Она дрожала от холода:

– Я думала, ты не придешь! – возмутилась она.

– Ой, прости, пожалуйста, – бережно произнес он. – Я ждал тебя внутри. Глупо получилось. Это я идиот!

– Ладно, проехали. Пойдем?

Билл выдавил улыбку и взял Джессику за руку, но та стеснительно забрала ее. Парень почувствовал себя неловко. Он замялся, а потом быстро сообразил и предложил ей свою куртку. Джессика надела ее. Билл стоял под дождем, с его волос, носа и ушей падали тяжелые капли. Он искренне захохотал, увидев, насколько велика куртка Джессике. Девушка, взглянув на рукава, тут же подхватила смех. Они стояли под дождем и смеялись, а мимо проезжали машины и сигналили.

Ливень ни на секунду не прекращался. В перерывах между перебежками Билл рассказывал о своей семье. Джессике было интересно и смешно его слушать. Она и представить не могла, каков он в жизни, ведь она видела его только с мрачным лицом.

Через тридцать минут они стояли на крыльце его дома. Дверь открыла мама. На ней ее любимое красное платье в

горошек. Билл удивился, ведь она его не надевала много лет. Мама расцвела от счастья, окинув взглядом с ног до головы Джессику. На девушке темные брюки, вязаный свитер синего цвета, поверх которого спортивная куртка Билла.

– Проходите в дом, дети мои. Замерзли, наверное?

– Здравствуйте, миссис Бенктон. По дороге сюда мне Билл рассказывал о вас.

– Джессика, верно? – с улыбкой спросила Мила.

– Да, – ответила девушка.

– Можешь называть меня просто Мила, – не менее улыбчиво сказала женщина.

– Х-хорошо, М-мила, – засмушалась она. – Я вас представляла именно такой... красивой... – ее щеки зардели.

– Ты мне льстишь, – махнув рукой, оправдывалась Мила. – Проходите, что встали? Сейчас я горячим чаем вас напою... с пирогом...

– Спасибо... Мила... но нам нужно заниматься. Может быть, позже? После занятий.

– Хорошо, родные, – она посмотрела на девушку и дополнила: – Тогда будь как дома!

Женщина показала Джессике дом. Мила выглядела счастливой впервые за несколько лет. Ее лицо сияло радостью. Мила вела себя рассеянно, но это и понятно, ведь не каждый день сын приводил красивых подружек. Он вообще никого в дом не впускал, кроме Джеффа и Питера.

– Ладно, располагайтесь, а мне нужно забрать младшень-

кого из школы, – взглянув на часы, сказала она.

Билл и Джессика поднялись в комнату. Она смущалась, а он чувствовал себя рассыпанным, не знал, как себя вести. Из рук все валилось, то учебники, то тетради и ручки. Он постоянно забывал, о чем хотел сказать. Собравшись с мыслями, начал подробно объяснять математику. Они сидели на кровати Билла. Перед ними стоял столик, а на нем учебник и пара раскрытых тетрадей для задач. Девушка пододвинулась к Биллу ближе. Он отсел от нее. Она снова приблизилась. Билл рассказывал Джессике про будущие экзамены. Та слушала, утопая в его зеленых глазах. Внезапно положила свою руку на его колено и начала гладить. Билл испуганно вздрогнул, но внутренний инстинкт остудил смущение. Они потянулись друг к другу и вскоре соприкоснулись губами, но хлопнула входная дверь дома, и чувственный огонь погас, будто через их тела прошел ток. Билл отпрянул:

– П-п-прости. Я н-не хотел.

– Ничего, – ответила Джессика и отвернулась. Ее щеки залились красным.

– Может быть, спустимся и попьем чай? А потом продолжим?

– Да... давай. Голова уже не соображает.

В холле их ждали Чарли и Мила. Младший брат был весел и игриво толкал Билла. Мама пригласила всех в кухню за стол, налила горячий чай и нарезала ароматный яблочный пирог. Она не отводила глаз с Джессики и решила задать пер-

вый вопрос:

– А кем работают твои родители?

– Я живу с бабушкой, – уронив подбородок, ответила она. – Родители погибли, когда мне было семь лет... разбились на самолете.

Над столом нависло неловкое затишье. Мила чувствовала себя виноватой. Билл взял Джессику за руку. На этот раз она ее не забрала.

– Прости, родная! – виновато сказала Мила. – Я не знала.

– Ничего страшного. Это произошло много лет назад, поэтому сейчас не так больно.

– А ты придешь в субботу на день рождения Билла? – с интересом спросил Чарли.

– Я... я и не знала, что у тебя день рождения, – взглянув на Билла, сказала она.

– Да... Я хотел сказать тебе позже, – оправдывался парень. – Так придешь?

– Ну, если приглашаешь, то обязательно приду.

После этого беседа оживилась. Мама рассказывала о детстве сыновей, а Джессика смеялась, посматривая на Билла и Чарли. Мила так разошлась, что решила показать Джессике семейный альбом, который не показывала никому, кроме родных. Всего двадцать пять фотографий. Это детские снимки, иногда семейные фотографии, а на некоторых присутствовал Джон Коннел.

Спустя время Джессика и Билл снова уединились в ком-

нате. Он помог ей решить несколько задач и объяснил правила и формулы.

Часы прогремели девять раз. Джессика метнула взгляд на часы, а после на Билла.

– Ой. Мне домой пора. Бабушка начнет волноваться.

– Конечно, Джесс. Ничего, что так называю?

– Все хорошо. Меня многие так зовут, – ответила она.

Джессика попрощалась с Чарли и Милой и вышла на улицу. Билл схватил куртку и выскочил вслед за ней. Дождь к тому времени прекратился, а тучи растаяли. Лужи, как зеркала, оттапливали блики луны; звезды будто на невидимых ниточках свисали, то искрились улыбкой, то гасли в унынии. Казалось, каждая звезда – человек. Она может жить, радоваться, плакать и умирать. Если взглянуть на звезду, то можно и себя увидеть. Мертвое тело, которое блистает идеей, разговаривает, доказывает свою истину, но ничего не дает. Все люди – звезды. Кто-то светится ярко, кто-то тускло, а кто-то падает ночью.

Проводив Джессику до дома, Билл с грустью на лице попрощался с ней и направился обратно. Пока они шли вместе, он вел себя скованно, боялся что-либо сказать и даже дышал через раз. Он смотрел на нее. Жадно смотрел, не отрываясь ни на секунду. Джессика что-то тараторила про школу, колледж, а пару раз проскальзывало слово «детство». Как только Билл остался один, душу обволокла тревога, боязнь потерять Джессику. Билл услышал за спиной шаги и обернулся.

Джессика догнала его, обняла и начала целовать. Билл такого не ожидал. Он чувствовал ее необычный черничный аромат, чувствовал губы, чувствовал ее биение сердца через ее губы. Он чувствовал, как земля уходит из-под ног, он чувствовал, как держит ее руку своей рукой, сжимает крепко и не хочет отпускать. Он чувствовал страх расставания после поцелуя и чувствовал, что такого больше не будет. Он взглянул в ее глаза. Они были как море, такие же глубокие, насыщенные, непредсказуемые, красивые и молчаливые. Билл полюбил Джессику и не желал упускать своего счастья.

– Добрых снов, Джесс! – прошептал он.

– Пока, Билл. Отлично провели время, – сказала она.

– Я зайду за тобой завтра?

– Не стоит. В колледже увидимся!

Бенктон стоял у входа в колледж. До занятий пятнадцать минут. Среди толпы студентов он увидел Джессику с двумя подругами. Она выделялась в этой однообразной массе. Возможно, ему так хотелось, а может действительно, хрупкая и милая Джессика чем-то отличалась от остальных. Они остановились напротив Билла. Подружки неодобрительно посмотрели на него, перешепнулись и пошли дальше, а Джессика улыбнулась и заговорила:

– Привет, Билл. Как дела?

– Привет. Все отлично, как никогда, – бодрым голосом ответил он. – Хотел увидеть тебя до занятий. Может быть, после учебы сходим в кафе?

Она подумала и с горечью ответила:

– Прости, сегодня не получится. Нужно бабушке по дому помочь. Может быть, завтра? Я буду свободна.

– Отлично! Тогда договорились, – сверкнул улыбкой Билл. – Надеюсь, еще увидимся сегодня в колледже.

– Несомненно, – ответила Джессика, подмигнула ему и поспешила на занятия.

Парень был рассеян и забывчив. Все мысли о ней. В мечтах он уже видел их вместе, семью, общих детей. Бенктон с нетерпением ждал окончания занятий по каждому предмету, чтобы увидеться вновь.

В пять часов он вернулся домой. Мама еще на работе. Билл выложил еду, купленную по дороге, на стол, после чего поднялся в комнату.

– Эй, Чарли. Тебя сегодня отпустили раньше?

– Да, учитель заболел, – ответил тот, увлеченно глядясь в рисунок.

Чарли, как всегда, был занят рисованием. Он сидел за большим столом, перед ним находился листок бумаги, карандаши разного цвета и ластик. Солнечный свет лился сквозь окно прямо на бумагу, что позволяло Чарли лучше разглядеть все недостатки очередного творения. В отличие от детских рисунков пятилетней давности, в новых работах чувствовалась рука подрастающего мастера. Билл подошел к брату ближе, но тот сразу прикрыл лист.

– Не смотри! – грозно просил Чарли. – Еще не готово!

– А что ты рисуешь?

– Не скажу! Потом увидишь!

– Пойдем есть. Проголодался, наверное?

Чарли молча спрятал рисунок в нижний ящик стола. Он бережно положил его между книгами, чтобы не помять. После этого слез со стула и побежал вниз. На кухне находился вчерашний недоеденный пирог и немного мяса. Мальчики перекусили, а затем Билл начал собираться на работу.

– Джессика красивая! – напоследок пробормотал Чарли, смущенно усмехнулся и побежал в комнату. Билл не успел ничего ответить.

Очередной день прошел. Оставалось пережить пятницу и дожждаться субботы – долгожданного дня рождения. Однако и пятницу он не списывал со счетов, ведь они с Джессикой договорились посидеть в кафе. Билл специально сообщил на работе, что запоздает и придет не в шесть или семь вечера, как обычно, а немного позднее.

Погода в пятницу с утра настраивала на особый лад. Моросил дождь, а к вечеру синоптики и вовсе обещали снегопад, поэтому Билл оделся теплее, чтобы не простудиться перед важным днем в своей жизни. Он добежал до колледжа, миновал входные двери и вдали по коридору увидел Джессику в компании неизвестного молодого человека. Те мило общались, она смеялась, а парень что-то эмоционально рассказывал, размахивая руками. Улыбка с лица Билла стекла, будто капля дождя по стеклу. Неприятные мысли сами собой лезли в голову. Бенктон уронил взгляд и молча прошел мимо них.

– Билл, привет! – окликнула его Джессика.

– Оу... привет. Я задумался и даже не заметил тебя, – ответил Билл, натянув улыбку.

– Так что, идем сегодня в кафе? Ты не забыл? – спросила она.

Он задумался. После продолжительной паузы оглянулся и выдал:

– Да, конечно идем. После занятий встретимся.

Они попросились и разошлись по кабинетам. Бенктон думал о том парне, с которым разговаривала Джессика.

Спустя часы Билл встретился с Джессикой у входа. Он вел себя странно, всю дорогу до кафе молчал, не проронив ни единого словечка. Дождь мерзко накрапывал. Капли кололи лицо, как микроскопические мошки с острым жалом. Это его раздражало, но он не подавал виду, чтобы не напугать Джессику. Та, в свою очередь, рассказывала о том, как прошел ее день, хвалилась успехами по математике, но твердила, что многих моментов все еще не понимает, поэтому дополнительные занятия ей будут полезны.

Дойдя до кафе «Мистер Джо», они выбрали наиболее романтичный столик в дальнем углу возле окна, сели за него и заказали по фруктовому мороженому. В кафе, кроме них, находились еще несколько человек. Трое расположились за столиком в середине зала, а двое мужчин сидели на высоких стульях у стойки, пили пиво и яро спорили между собой. Напротив них стоял полноватый бармен в белом фартуке и, облокотившись на стойку, слушал, как те дружески ругаются. Над баром висел черно-белый телевизор и показывал скачки на лошадях. Звук едва слышен, но сквозь разноголосицу можно было разобрать, что лидирует «черная красавица по кличке «Молния».

– В прошлом забеге победила Эльза, – доказывал пьяный мужчина, сидящий за стойкой. – Вот увидишь, и сейчас она вырвется вперед!

– Да твоя кляча сроду не занимала места выше пятого! – шлепнул по стойке второй и поднял взгляд на бармена. – Реджи, налей-ка еще пинту темного, – сказал он и рукой потянулся в карман потертых джинсов. – Молния победила в трех забегах и в этом победит!

– Ох, засранец, – говорил первый, подтягивая ко рту тяжелую кружку с пенным. – Ты вечно со мной споришь! – сделал пару глотков, выдохнул и продолжил: – Ты мне еще двадцатку должен, не забыл? Помнишь, за что? А я напомним: Эльза-то моя вчера сделала твою Молнию. И если бы ни этот идиот жокей, то пришла бы она первой...

– Но она оказалась шестой, верно? Значит, я тебе ничего и не должен!

– А спор-то наш был в том, что Эльза вырвется вперед. И вырвалась. Поэтому гони деньги!

– Это так, Марти! – пожав плечами, сказал бармен и поставил перед мужчиной кружку пива. – Я свидетель.

– Да и черт с вами, – обиделся второй, достал из кармана несколько смятых купюр и начал отсчитывать.

По залу блуждал запах жареной картошки. Легкая дымка тянулась через приоткрытую дверь кухни. Каждую минуту оттуда выходила официантка и подносила тарелки с едой тем, кто сидел за столиком в середине зала. Спустя некоторое время молоденькая официантка скорыми шмыгающими шагами подошла к столику, поставила на него два стаканчика с мороженым, улыбнулась и так же быстро ушла.

Билл вглядывался в голубые глаза Джессики. Она смушалась, а он в это мгновение задумался и невольно спросил:

– Кто это был?

– Когда? Где? – растерялась Джессика.

– Ну, утром, в колледже ты стояла с парнем. Кто это?

– Ааа... Ты о Кевине? Это мой бывший парень. Мы с ним просто друзья и ничего более.

Билл насупился и опустил нос. Он понимал, что Джессика еще не его, но ревность одолевала разум. Тогда девушка взяла его за руку и, не сводя с него взора, отрывисто прошептала:

– Он... просто... друг...

Биллу стало немного легче. С ним никогда такого не было. За двадцать один год он впервые встретил того человека, которому готов отдаться полностью. Он не хотел терять Джессику, поэтому ревновал. Даже когда она с подружками, ему становилось не по себе оттого, что те могут наговорить о нем гадостей. Конечно, этого не избежать, на то и подружки, чтобы мусолить кости другим. Билл не знал, что такое обсуждать людей. Он был воспитан так, что в первую очередь нужно следить за собой.

Внезапно Джессика разрядила обстановку, измазав нос Билла мороженым. Парень забыл обо всем и засмеялся, запачкав ее в ответ. Они весело проводили время, еще ближе узнавая друг друга. Билл выяснил, что Джессика обожает группу «Битлз», а ее любимым альбомом, как и его, являет-

ся «Елоу Сабмарин». Они нашли общий язык, он рассказывал, как впервые познакомился с рок-музыкой, вспоминал свои детские годы и даже открыл тайну, что однажды хотел собрать собственную группу. Джефф должен был петь и играть на бас-гитаре, Питера рассматривали как гитариста, а Билл пытался барабанить. Однако после месяца игры им это надоело и они решили отложить инструменты в сторону.

Дело приближалось к восьми вечера. После нескольких съеденных порций мороженого и пары чашек выпитого кофе Билл расплатился по счету и проводил Джессику до дома. У двери ее ждала бабушка. Та отругала внучку за позднее возвращение и за то, что ее проводил незнакомец. Однако Джессика дала понять Биллу, что придет на следующий день к нему на праздник.

Казалось бы, Билл только что сомкнул веки, как вдруг проснулся то ли от грохота настенных часов, пробивших семь раз, то ли от настырных лучей солнца, бивших через окно в лицо. Он присел на кровать и в попытках очухаться встряхнулся. Билл не мог поверить, что сегодня его двадцать первый день рождения. Только недавно он отмечал десятилетие, а сейчас уже стал совершеннолетним.

Несмотря на раннее утро, Чарли в комнате не было. Билл подошел к окну. Улицу поглотил мороз, от которого все лужи после пятничного дождя замерзли.

Из холла доносились громкие разговоры. Как обычно,

Чарли спорил с мамой, куда вешать праздничные шары. Младший брат с раннего детства любил праздники и дни рождения. Еще до появления Джона он всегда сам украшал дом, в то время как мама занималась готовкой. Билл относился к этим вещам скептически, ведь после торжества начиналась уборка, которую он так ненавидел.

Одевшись в домашнее, Билл вышел из комнаты. Внизу творилась суматоха, мама металась из комнаты в кухню, Чарли суетливо развешивал по всем углам и стенам разноцветные шары. На полу валялась куча больших бумажных букв, из которых должна получиться фраза «С Днем Рождения, Билли!» Он спустился, но никто на него не обращал должного внимания.

– Что встал, идиот? – борзо толкнул Билла брат. – Не видишь, я делом занят?

Билл пошатнулся, ухмыльнулся и прошел в кухню. Запах был просто фантастическим, но из всего, что можно есть, это тосты, яблоки и красный перец, вызывавший у парня отвращение. Тогда Билл спросил, чем можно набить желудок. Мила молча протянула ему список, написанный от руки, дала десять долларов и намекнула, что нужно сходить в магазин за продуктами. Билл расстроился, что его никто не собирается кормить, но это не могло испортить приподнятого настроения.

Билл надел джинсы, теплый свитер, накинул сверху куртку и двинул в магазин. Дорога похожа на каток. Каждый шаг

мог быть последним перед падением. Пару раз Бенктон чуть было не упал на спину, но устоял на ногах.

Купив все из списка, вернулся домой, где на одного гостя прибавилось. Это была бабушка Роза. Билл понял, что она вот-вот приедет, по мидиям, находившимся в списке продуктов на первом месте. Бабушка, как всегда, ворчала и всеми командовала, но едва он перешагнул порог, она подошла к нему, крепко обняла и вручила теплый вязаный шарф. Их у него уже порядка десяти, и все подарены на дни рождения. Конечно, он не жаловал бабушку, но все же после мамы и Чарли она была самым родным человеком. Дедушку Билл никогда не видел, но мама рассказывала, что он погиб на войне. Бенктон это запомнил из единственного рассказа мамы, когда ему было всего шесть. Она часто говорила, что настоящий мужчина должен пройти через множество проблем и испытаний, почувствовать боль. По мнению Билла, идеальным вариантом являлась война, хотя мама всегда утверждала, что война это плохо. Возможно, она имела в виду другое. Так или иначе, как считал Билл, дед, имени которого он не помнил, стал настоящим мужчиной.

Время за суетой пролетело незаметно. Настенные часы в большой комнате пробили дважды. Билл не знал, во сколько придет Джессика, но ждал этой минуты сильнее, чем ребенок ждет подарка от Санта Клауса. Стол накрыт, а аромат от жареной индейки заставлял желудок рычать. Дом увешан воздушными шарами, и в комнате на всю стену вывешена та

самая фраза. Чарли подкалывал Билла, что тот стал старым, а бабушка, сидя на голубом диване, непонятно кому рассказывала истории из своей молодости. Мила достала из холодильника бутылку бурбона, на что Билл взглянул с неприязнью. Он не желал, чтобы мама снова пила, ведь это может перерасти в очередной запой.

Внезапно сумятицу перебил металлический громкий треск над входной дверью. Чарли игриво оттолкнул Билла и подбежал к двери. Открыв ее, он увидел Джессику в розовом платье и с повязанным белым бантом на голове. Поверх платья надета осенняя куртка, а на ногах перламутровые сапожки.

– Это ко мне, – шутливо крикнул Чарли, после чего впустил девушку в дом.

Билл обомлел. Джессика ослепила его своей красотой. Она стояла в холле и светилась робкой улыбкой. Он подошел к ней и помог снять куртку.

– Привет, Джесс! Отлично выглядишь! – сказал он между делом.

– Спасибо, Билли. А это тебе.

Она протянула ему коробку. Вскрыв ее, он не поверил своим глазам. Внутри лежала виниловая пластинка – последний альбом группы «Битлз». Билл возрадовался, как ребенок, он и представить не мог, что Джессика сделает ему такой подарок. Расцеловал ее и пригласил в комнату, где уже все сидели за столом. Девушка поздоровалась и присела ря-

дом с Биллом.

– Так, а это еще что за прекрасное дитя? – поинтересовалась бабушка, приподняв очки.

– Здравствуйте, меня зовут Джессика, – сказала она. – Я девушка Билла. А вы его бабушка?

– Да, я его любимая бабуля, – обняв внука, ответила та.

«Девушка? – подумал Билл. – Я считал, что мы друзья... или я чего-то не понимаю? О боже... как же я рад Джессике... что она рядом! Черт... меня снова уносит не в ту сторону. Пора вернуться в реальность!»

Бабушка Роза не любила девушек нового поколения. Она считала их развратными, неопытными и корыстными. Но к Джессике прониклась некоей симпатией. Ей понравился ее поставленный голос и скромное поведение. Затем бабушка отдала свое внимание любимому внуку Чарли. Она всегда ставила его в пример остальным. Он стремится к высокому, поднимая своими руками искусство, а остальные люди – инкубаторский выхлоп, не имеющий четкой цели, на уме которого рутинная жизнь: семья, кредиты, работа и смерть в нищете.

Наступило время поздравлений и подарков. Первой поднялась бабушка Роза. Та пожелала внуку долгой красочной жизни, здоровья и финансового благополучия. После этого положила в ладонь несколько долларовых купюр и напомнила, что основной подарок в виде шарфа уже подарила. Напоследок, она подняла бокал красного вина, взглянула на Бил-

ла и Джессику и намекнула:

– Родные мои, надеюсь, вы еще порадуете старушку!

Бабушка залпом выпила полбокала вина, села в кресло-качалку и начала накладывать в тарелку салат из морепродуктов. Далее стакан бурбона подняла мама. Она чуть было не расплакалась, вспоминая все детство Билла. Женщина взглянула на сына и тихо сказала:

– Мы не знаем, что нас ждет завтра, но сегодняшней день определенно стоит запомнить!

Мила сделала пару глотков и поставила стакан. Затем она достала из кармана платья коробочку и протянула ее сыну. В ней лежали механические часы последней модели. Это был писк моды. Каждый мальчишка мечтал о таких часах. Билл посмотрел на них, шмыгнул носом, вытер накатившуюся слезу, подошел к маме и обнял ее:

– Спасибо тебе, мам! Я очень тебя люблю! Не нужно было делать такой дорогой подарок, ведь главное, что мы вместе и у нас все хорошо.

Билл снова присел рядом с Джессикой. Напротив него за столом сидел Чарли. Он мялся и покраснел. Все взгляды устремились на него. Мальчишка взял себя в руки, встал на стул и словно диктор начал громко говорить:

– Кх-кх. Сегодня непростой день, сегодня мой любимый брат стал мужчиной. Он прошел тяжелый путь. Пеленал меня, убирал за мной какашки, рос на моих глазах, но... Билл правда вырос. Он стал умнее... кх-кх... сдержаннее, а самое

главное, у него появилась девушка... и не просто девушка, а принцесса, – он поклонился Джессике. – Билл, ты молодец. Сегодня переломный момент, теперь я тебя не буду называть идиотом. Я тебя буду называть старым идиотом!

Все засмеялись. Мальчик спрыгнул со стула, вытащил что-то из-под кресла и подошел к брату, пряча подарок за спиной. Чарли взволнованно дышал и потирал одной рукой вспотевший лоб. Обняв брата, он в прошептал:

– Братишка, я тебя очень люблю! Ты самый лучший! Прости меня за все!

Чарли вытащил из-за спины нарисованный от руки портрет Билла. Внизу подпись «Любимому Биллу от братишки Чарли». Билл не мог сдержать эмоций. Он прижал брата к себе и произнес:

– Это самый лучший подарок в моей жизни! Спасибо тебе!

Поздравления переросли в веселое застолье. Семья общалась на разные темы, на фоне этого шумел черно-белый телевизор. Мила выпивала; Билл, Джессика и бабушка Роза смаковали вино, а Чарли радовался налитому ему в стакан яблочному соку.

– Потанцуем? – предложила Мила.

Она пошатываясь подошла к проигрывателю и включила его. Комната наполнилась мелодичными голосами «ливерпульской четверки». Джессика обрадовалась и сразу же пригласила Билла танцевать. Он этого не любил, но не хо-

тел огорчать девушку. Пришлось выйти из-за стола и изображать подобие танца, над которым истошно хохотал Чарли. Джессика извивалась напротив Билла, она смотрела ему в глаза, игриво водила пальцами своих нежных рук по его груди. Мила беззаботно плясала, а к ней присоединились Чарли и бабушка. Спустя три песни, когда все отвлеченно развлекались, Джессика поманила Билла за собой. Она неторопливо поднималась по лестнице, кокетливо оборачиваясь и помигивая.

– Ты хочешь этого? – прошептала она, закрывая за ним дверь в комнату.

Он невольно потянулся к Джессике, приобнял за талию, вдохнул ее нежный аромат, прижимаясь щекой к золотистым волосам. Тихое «Да!» скользнуло по его пульсирующим губам. В горле пересохло, а дыхание застыло, когда он почувствовал ее ладони у себя на спине. Она медленно сняла с него рубашку и ласково опустила его на постель. Острие ее жгучего языка коснулось его тела. Оно бродило по груди, оставляя за собой влажный след. Дрожь взметнулась по спине Билла. Тело наполнялось эмоциями, каких он никогда не испытывал. Внизу его живота Джессика нащупала что-то пробуждающееся и прорывающееся через плотную ткань брюк. Она возбужденно улыбнулась и отвлекла Билла поцелуем, все больше массируя этот никем неизведанный предмет рукой. Коснувшись ее губ своими, он торопился снять брюки, но те запутались в ногах.

– Черт! – занервничал Билл.

– Не спеши! – поглаживая по спине, прошептала Джессика.

Скинув брюки на пол, Билл неловко упал на кровать. Он словно боялся всего, что должно случиться позже. Джессика сняла платье и бросила в сторону. Она наклонилась над Биллом. Он трогал ее груди, как что-то хрупкое, тянулся к ним пылкими губами. Джессика подобралась к нему ближе. Она ощущала неспешное плавание его языка по взбухшим соскам. Тело, как освободилось от ледяной скорлупы. Сердца обоих бились все сильнее. В венах заиграли кровь и вино. Билл бережно подтянул ее к себе и жадно поцеловал. Джессика соприкоснулась своей кожей с его и почувствовала внутри себя твердеющий жар. Жар пульсировал и заставлял дышать чаще. Она закрыла сапфировые глаза и наслаждалась, тихо постанывая. Девушка чувствовала в себе Билла, робкого, а иногда резкого и дерзкого. Он впивался в ее мягкую кожу ногтями, оставляя следы любовного азарта. Изучал ее лицо; разомкнутые губы, смеженные веки и приподнятые брови. Волосы Джессики трепетали, а красивое дыхание наполняло комнату. Билл почувствовал внутри себя сладкую наплывающую боль. По всему телу пробежал холодок, словно напомнил о близком финале. Поясницу свело, и приятная боль отхлынула. Билл, пытался спрятать взгляд, но Джессика поймала его.

– П-прости! – замельтешил Билл. – У меня это впервые.

Она легла на его крепкую грудь и не смогла ничего ответить. Тело вздрагивало. В ее разборчивых вздохах слышалась любовь. Та, о которой пишут в сказках.

– Ты меня любишь? – спросила Джессика.

– Конечно люблю, – ответил Билл.

– Правда?

– Да!

– И не бросишь меня?

– Никогда!

– Честно?

– Честно!

Спустя несколько минут они оделись и спустились. Мила наливала очередной стакан бурбона, а Чарли слушал истории бабушки Розы, хотя его внимание было отдано телевизору. Музыка смешалась с разговорами и уверенным голосом телеведущего.

Билл подступился к маме и забрал у нее стакан. Та твердила, что еще один и все, однако он не желал ничего слышать. Джессика подошла к ней и спросила:

– Миссис Бенктон, зачем себя так убивать? – она взяла ее ладони. – Не нужно пить! Это же плохо.

Мила косо посмотрела на Джессику и заплетающимся языком ответила:

– Дорогая моя, ты еще не пожила с мое! Прости, что выпила немного! Береги моего сыночка!

На часах восемь тридцать. Джессике нужно возвращать-

ся домой. Бабушка Роза тоже не хотела оставаться, поэтому, напившись вина, постоянно жужжала, что ей пора уезжать. Непонятно, что ее тянуло домой, но более десяти часов здесь она никогда не находилась. Обычно приезжала утром и уезжала вечером на последнем автобусе, отходящем от ближайшей остановки в восемь. Жила она в городе Нилз, расположенном в сорока минутах езды от Райли.

– Поймаю такси! – сказала она, поглядывая на часы.

– Я сейчас всех отвезу! – внезапно воскликнула мама и помчалась в ванную.

Оттуда начали доноситься рвотные звуки. Спустя пару минут зажурчала вода из-под крана. Джессика занервничала. Билл не стал дожидаться, пока из ванной выйдет мама. Он помог девушке одеться и молча ушел провожать ее.

Они шли не спеша, отстраненно. Билл извинился за семью, на что Джессика ответила неуверенной улыбкой. Он думал, что произошедшее между ними этим вечером помешает их общению. Однако она заострила внимание на том самом моменте.

– Билл, а тебе понравилось?

От неожиданного вопроса он поперхнулся, его ноги подкосились, а лицо налилось краснотой.

– Н-ну, да, – ответил чуть заикнувшись.

Джессика усмехнулась и остановилась, посмотрев на небо.

– Скажи, у тебя есть мечта? – спросила она.

– Мечта? – задумался он. – В смысле, кем я хочу стать?

– Ну... наверное! – ответила она. – Мечта, как мечта. Я мечтаю стать актрисой... с раннего детства она в моей душе.

– И что же? – перебил он. – Почему не поступишь в актерскую школу?

– Боюсь! – опустив глаза, тихо сказала. – Какая из меня актриса? Закончу колледж и стану клерком, каких миллионы по миру. А какая у тебя мечта?

– Я... я никогда не задумывался над этим, – перебирая пальцами рук, ответил Билл. – Мне кажется, все эти мечты – глупость. Люди считают, что если ты о чем-то мечтаешь, то должен к этому стремиться. А какая это мечта, если она исполнима? Так... недостижимая цель! Ты можешь стать актрисой, как и другие люди. А если захочешь мира во всем мире, то это уже будет мечтой!

– Возможно! – задумчиво ответила Джессика. – Но когда в душе теплится мечта, и жить становится интереснее, ярче. Ты в каждой мелочи видишь намек к ее исполнению, улыбаешься и продолжаешь тянуться к ней...

– А что в итоге? – перебил он. – Чем выше поднимаешься, тем больше падать. С мечтой так же... она может казаться близкой, вот-вот исполнится, а ты радуешься все сильнее, но в какую-то минуту делаешь неверный шаг, и все... она разбивается как стекло, и ее уже не собрать. Испорченные нервы, рухнувшая самооценка... и все это из-за какой-то глупой мечты!

– Мне кажется, к ней не обязательно стремиться, – гово-

рила Джессика. – Достаточно просто верить в нее!

– Может, ты и права... – сказал Билл.

Джессика замерла, вглядываясь в его теплые глаза. Бенктона смутил этот внезапный взгляд.

– Что? – спросил он, посмотрев по сторонам.

Джессика засмеялась, отпихнула его и побежала по улице.

– Стой, ты куда? – испугался Билл.

– Догоняй! – звонко закричала издали она.

Билл сорвался за ней, они смеялись, он пытался ее догнать, но все напрасно. Тогда Бенктон решил срезать путь через дворы. Спустя пять минут он выпрыгнул перед ней. Билл задыхался, опираясь руками на собственные колени, а Джессика смеялась.

Они были счастливы, шли и смотрели на небо, строили планы на будущее. Вдруг Билл ее поцеловал. Девушка не ожидала этого, но ответила на поцелуй. Вместе они стояли под звездным небом и целовались возле дома Джессики. Их губы не разлучались целую минуту. После долгих объятий она ушла домой, а Билл побрел по вечерней морозной улице.

«Вот оно счастье, – думал он. – Теперь она точно моя!»

Прошло немногим больше часа. Дойдя до дома, Билл удивился, что никого нет. «Кадиллак» перед домом не стоит. Бенктон решил, что бабушка взяла всех и поехала домой на маминой машине. Билл вошел в дом и принялся убирать посуду со стола и наводить порядок. Внезапный визг сирен скорой помощи взбудоражил его. Дом Бенктонов располагался

на выездной улице, поэтому здесь часто проезжали машины с сиренами.

Схватив куртку, Билл покинул дом. В голове мелькали тревожные мысли. Билл выбежал на дорогу, чтобы остановить пожарную машину, следовавшую за скорой помощью.

– Тебе жить надоело? – прокричал водитель, выглянув из окна.

– Что случилось? Куда вы едете? – встревожился Билл.

– За городом страшная авария! Говорят, есть жертвы! – грубым голосом ответил водитель.

Лицо Билла помертвело, на лбу выступила испарина, в глазах помутилось, а ноги попятнулись назад. Он оперся о фонарный столб и, сомкнув веки, встряхнул головой. Из машины выскочил мужчина, протянул бутылку с водой и спросил:

– Все в порядке?

Билл выпил немного и умыл лицо.

– С вами можно? Я, кажется, знаю, кто попал в аварию! – испуганным голосом сказал он.

Пожарные посоветовались и взяли Бенктона с собой.

По приезде на место Билл вылез из пожарной машины. Он вмиг оцепенел, тело от испуга стало ватным и якорем потянулось к земле. Билл рухнул на асфальт.

Один из находившихся на трассе людей подбежал к нему и принялся бить ладонями по его щекам. В мгновение мозг Билла проснулся. Лицо горело от ударов. Он приподнял голову, но еще не понимал, где и зачем находится. Спустя пару секунд услышал женский плач, доносившийся из груды металла, отдаленно напоминающей «кадиллак». Бенктон встал и направился в сторону места аварии. В глазах рябило, ноги не слушались, в горле першило от волнения, а правая рука тянулась к штанине. Возле искореженного подобия машины стояла толпа людей. Билл подошел ближе и растолкал их. Ужасная картина, возникшая перед ним, заставила дышать его чаще. На холодном асфальте лежало тело, прикрытое белой простыней, из-под которой текла кровь. Наклонившись, он приподнял простыню и увидел безмолвное лицо Чарли. Билл, словно раненый, отшатнулся и закричал. Пронзительный вой разнесся по всей автостраде. Он не верил своим глазам. Еще час назад Чарли улыбался и шутил, но роковой случай отправил мальчишку на тот свет.

– Не справились с управлением и влетели в бетонное ограждение, – со скорбью в голосе сказал пожарный. – Здесь

такое часто случается. Соболезную тебе, парень.

Из машины продолжал доноситься крик Милы. Она еще не знала, что Чарли больше нет. Спустя время женщину вытащили из металлической ловушки. Ее лицо в крови, а на руках и ногах ссадины. Она подползла к Чарли, подтянула его и положила к себе на колени.

– Сынок, как ты? – выла она. – Чарли, сынок, ответь! Тебе больно?

Она не переставала гладить его по голове. Тряслась и качалась, редела и пыталась докричаться.

– Ответь же! Это мама... Чарли, сынок, ты меня слышишь? Ну же, не молчи!

Мила была не в себе. К ней подошел Билл, присел рядом и заплакал. Его слезы капали прямо на лицо младшего брата, отчего казалось, что вместе с семьей плачет и Чарли. Врачи попытались подойти к телу, но Мила никого не подпускала, отталкивая всех свободной правой рукой.

– Нет, не отдам! – кричала она.

Врачи пытались ей объяснить, но она никого не желала слушать. Хрипела и прижимала сына к себе.

Спустя сорок минут тело Чарли погрузили в машину скорой помощи. Уставший врач подошел к Миле и с грустью сказал:

– Сегодня вам лучше поспать. Завтра приедете за телом мальчика. Очень вам соболезную!

Женщина не прекращала рыдать. В пьяном сознании она

вспоминала, как все произошло. Она бредила, не веря тому, что это наяву.

– Мы с Чарли отвезли бабушку и решили быстрее вернуться домой. Чарли шутил, а я отвлеклась от дороги... машину занесло... и все... я больше ничего не помню...

В эту минуту она взвыла еще сильнее. Билл понимал, что время не повернуть вспять, поэтому, уронив нос, ходил из стороны в сторону, беспрерывно потирая ладонь о штанину. Перед глазами улыбающееся лицо Чарли. Парень не знал, как будет жить с этим, но еще больше он жалел маму. Билл осознавал, что и ее могло сейчас не быть. Он подошел к ней, обнял и тихим голосом, почти шепотом, произнес:

– Поехали домой!

С неба спускались снежинки. Они гуляли по ветру, точно маленькие танцующие ангелы. Теперь они будут оберегать Чарли там, на небесах. Мальчик за свою недолгую жизнь еще не успел насладиться ею. Он стремился стать величайшим художником. На облаках есть все, чтобы воплотить свои таланты. Там много цветных карандашей и времени, чтобы создавать настоящие шедевры. Жаль, что люди этого не увидят.

Мила и Билл приехали к дому на пожарной машине. Парень помог маме дойти до дивана, налил ей воды и накрыл пледом. Ее глаза не смыкались ни на секунду. Ни одна мышца на мертвецки бледном лице не шевелилась. Она, уставившись в одну точку, что-то бормотала. Уходя из комнаты,

Билл заметил на столе последний рисунок брата, который тот подарил ему незадолго до собственной смерти. Билл вспоминал вечер, все слова, что говорил Чарли. Он будто чувствовал, что за ним наблюдает костлявая.

«Неспроста он у меня попросил прощения!» – подумал Билл.

Это расстроило его еще больше. Душа разрывалась от щекощущей боли. Билл забрал рисунок брата, поднялся в комнату, нашел свободное место на стене и прикрепил его туда полосками белого скотча. Бенктон поправил измятую постель Чарли, после чего зарыдал и упал на нее же.

Утром Билл проснулся от звонка в дверь. Он спустился и открыл ее. На пороге стояла расстроенная Джессика.

– Мне сообщили, что Бенктоны попали в аварию. Кроме вас, других Бенктонов я в городе не знаю. Что случилось?

Билл молчал, его губы тряслись, а поголубевшие щеки и лоб говорили о страшном. Он не находил слов, чтобы описать, что творится внутри него.

– Чарли мертв! – сорвалось с уст.

Джессика едва ли не лишилась сознания. Совладав с собой, она кинулась на грудь Биллу, обняла его и заплакала. Он прижимал ее к себе, вглядываясь стеклянными глазами в туманную улицу.

Мила все так же сидела на голубом диване. За ночь она так и не смогла уснуть. Единственное, что ей в эти минуты

помогло бы, – это алкоголь. Билл проводил Джессику в большую комнату. Достал из холодильника бутылку бурбона, поставил на стол три стакана и налил в них спиртное. В доме царил гробовая тишина. Никто не находил слов, чтобы растворить ее. После того, как все выпили, Билл убито выдавил.

– Через час забирать тело. Я пойду один, а ты, Джесс, – бросил взгляд на мать, – побудь с мамой. И...

– Что? – спросила Джессика.

– Сними со стен эти дурацкие шары...

Через некоторое время Билл принял душ, дрожащей рукой причесался, оделся и, оставив Джессику с Милой, вышел из дома. Он брел по серой улице. Погода была пасмурная. Она нагнетала своей промозглостью, леденящим ветром, срывающим с деревьев последние высохшие листочки. Те, оседлав воздух, стремились опередить медленно шагающего Билла, но через метры опускались на землю и погибали под его ногами. Безлюдная улица будто в трауре. Молчание не пробивали ни машины ни птицы.

Добравшись до больницы, находившейся в другом конце города, Билл позвонил бабушке Розе. Он сообщил о трагедии и быстро повесил трубку. Ничего не хотел слышать. После этого договорился в местном ритуальном агентстве о проведении похорон на следующий день. Купил гроб. Бенктон потратил все свои деньги. Он желал только одного – похоронить любимого брата со всеми почестями.

Через час Билл приехал домой. Туда на такси уже прибыла

бабушка Роза. Она плакала и кричала на Милу, что та не уберегла ее внука. И без того мрачную обстановку ухудшал назревающий скандал.

– Ты стерва, Мила! Угробила собственного сына! Какая ты после этого мать?

Мила молча выпивала один стакан за другим. Джессика сидела в стороне и испуганно наблюдала то за пьющей Милой, то за плачущей и глотающей таблетки бабушкой Розой. В эту минуту распахнулась дверь, и в дом вошли Билл с человеком из морга. Они занесли в холл небольшой гроб с телом Чарли. Все присутствующие не издавали ни слова, а работник морга, получив десять долларов, с радостью на лице покинул мрачное тихое место, где царили слезы и нафталиновый смрад. Казалось бы, у человека самая спокойная работа. Тела в дома и квартиры он заносит по нескольку раз на дню. Он не боится смерти и мертвецов, так как буквально живет с ними. Возможно, его нельзя вообще чем-либо напугать или огорчить. Разве что увольнением с такой работы.

– О боже! – разрыдалась бабушка Роза, подойдя к гробу. – Зачем же ты так рано ушел, родненький?

Мальчик лежал в той одежде, в какой она его запомнила. Синие джинсы и красный вязаный свитер. Билл смотрел на бледное непоколебимое лицо Чарли. Он представлял, что сейчас братишка встанет и закричит: «Ага... испугались?» Но было не до шуток.

Джессика помогла Миле подняться и подвела ее к гробу,

стоявшему на двух стульях в холле. Женщина не могла лить слезы, она с трудом ориентировалась в пространстве и времени. Лицо белое и опухшее, а глаза налиты кровью. Всею виной не выпитый алкоголь, а шоковое состояние, в котором она пребывала уже почти сутки. Мила молча взглянула на тело Чарли, нагнулась к нему и прошептала:

– Сыночек, я тебя не оставляю!

Джессика отвернулась и начала глубоко дышать. Ей стало дурно, и она вышла на улицу. Вслед за ней выбежал Билл. Он накинул на нее куртку и сказал:

– Джесс, простудишься. На улице холодно.

Девушка обняла его и снова заплакала. Через всхлипы прорывались слова:

– Это очень тяжело. Нельзя терять близких. Почему жизнь так устроена?

Билл не знал, что ответить. Единственное, что он сейчас мог, это молчать.

Через минуту они услышали, как в доме началась ругань. Бабушка Роза в истерике кричала на Милу:

– Ты лишила меня счастья! Может, еще и Билла в могилу затащишь, тварь?

Мила ничего не могла сделать. Она оборонялась, потерянно смотря на свою мать. Билл и Джессика вбежали в комнату и увели бабушку.

– Только скандала нам еще не хватало! – закричал парень. – Чарли этим не вернуть!

Бабушка Роза ушла в кухню и начала нарезать овощи. Нервный стук ножа о деревянную доску раздражал тишину. Из кухни доносился плач. Джессика поцеловала Билла и ушла домой, но обещала вечером вернуться, чтобы помочь с готовкой на поминальный стол. Похороны намечались в полдень следующего дня.

В дом неоднократно заходили соседи, чтобы оставить свои соболезнования. Многие на этой улице живут давно, поэтому прекрасно знали Чарли. Они поверить не могли, что столь замечательный и воспитанный мальчик покинет этот бренный мир так скоро.

– Только позавчера днем, ведь, с ним разговаривал, – рассказывал Филип Моррисон. – Я еще спросил, когда он нарисует мне портрет, а Чарли ответил, что на днях.

Филип окинул взглядом тело. Смахнув ненавистную слезу, отошел в сторону и закрыл лицо ладонью. Лишь вздрагивающий от всхлипов подбородок вырывался из-под нее. Филипу шестьдесят семь лет и за свою жизнь он похоронил достаточно людей. Два года назад не стало его любящей жены Мег, а еще тремя годами ранее он похоронил внука, который был чуть старше Билла. Смерть беспощадна, она забирает тех, кто просто пытается жить, а злых людей она оставляет. Видимо, делает это специально, чтобы грешные люди подольше мучились.

– Во сколько панихида? – спросил Моррисон, вытирая красные глаза о рукав пиджака.

Воцарилась минутная тишина.

– В полдень, – опомнившись ответил Билл. – На кладбище!

– А церковь? – влезла бабушка Роза. – Нужно нашего мальчика везти в церковь и там...

– Никакой церкви! – отрезал Билл.

– Но как? – негодовала бабушка Роза, глядя взмокшими глазами на Билла.

– Я сказал, никакой церкви! – повысил тон Билл.

Бабушка снова разревелась и убежала в ванную. Филип Моррисон молчаливо похлопал Билла по плечу и ушел.

Весь вечер Джессика и бабушка Роза провели в кухне. Они готовили еду для поминального стола. Мама после очередного выпитого стакана бурбона легла спать. Она ничего не могла с собой поделать. Потеря сына заставляла снова уйти в запой. Билл изредка выходил из своей комнаты, чтобы узнать, как протекают дела. Он часами рассматривал цветные рисунки брата, висевшие на стенах. За окном моросил дождь, что еще больше нагоняло печали.

Поздним вечером, после того, как Билл проводил Джессику домой, был ритуал омовения тела. Этим занимались Билл с бабушкой. Потом они одели Чарли в черный костюм и положили его в гроб. Оставалось дожидаться утра, но сон не мог одолеть разум обоих. Они проговорили всю ночь. Вспоминали, как рос Чарли, смотрели его детские фотографии. Изредка просыпалась Мила. Она, насупившись, ходила в туа-

лет, после чего выпивала стакан спиртного и снова падала на диван.

Погода на следующий день стояла солнечная. Будто сам Бог улыбался встрече с Чарли. К десяти часам утра начали собираться гости. Все приходили в темных костюмах и платьях, клали конфеты в гроб к мальчику и целовали его в лоб. Джессика пришла еще на рассвете. Она была как спасательный жилет для бабушки, которая в одиночку бы со всем этим не справилась. Соседи без стука входили в дом, общались на свои темы, изредка упоминая Чарли. Для некоторых пришедших это была просто возможность наклюкаться с утра, однако большинство приходило искренне. Почти все помогали семье деньгами, но Билл их сразу забирал себе. Он знал, что если деньги оставить маме, то та все пропьет.

После одиннадцати часов гроб погрузили в катафалк и повезли на загородное кладбище, где для него подготовлено место. Люди добирались на машинах и автобусах. Мила уже с утра выпила изрядную долю бурбона, поэтому мало чего понимала, однако помнила, что хоронят ее сына. Она ни с кем не разговаривала, бурчала себе под нос, что все кругом надоели.

На похороны приехал святой отец и прочитал молитву усопшим. После этого все, кто желал попрощаться с мальчиком, могли подойти к гробу и взглянуть на Чарли в последний раз. Кладбище пребывало в ледящей тиши.

не. Лишь изредка она разбавлялась карканьем ворон, плачем бабушки, соседок, одноклассников и учителей, пришедших сюда. Эта трагедия потрясла весь небольшой городок Райли.

Последним попрощаться подступился Билл. Он нагнулся над гробом, поцеловал брата в лоб, положил ему чистый лист бумаги и цветные карандаши. После этого отошел в сторону. Веки тяжелели, губы от трепета не могли сомкнуться, а пальцы рук тянулись к переносице. Джессика стояла рядом и словно задыхалась, тихо шмыгая носом и всхлипывая. Она положила свои руки на плечи Билла, нежно подтянула его к себе и прижала крепко-крепко. Билл заплакал, уткнувшись носом в плечо Джессики. Она не могла сдержаться. Вой разил каждого.

Через несколько минут все замерли и стеклянно смотрели, как в могилу неторопливо опускается гроб. Эти немые секунды кружили голову, заставляли людей еще сильнее рыдать, а воронье от этого все громче разносило неприятное хриплое карканье.

– Нет! Сыночек, миленький! Не бросай меня! – закатилась в истерике Мила.

Она впервые за двое суток проявила эмоции. Женщина подбежала к могиле и намеревалась прыгнуть за сыном, но стоящие там люди удержали ее. Это еще больше накалило обстановку. Плач раздался со всех сторон.

Спустя некоторое время люди возложили цветы и начали расходиться. Дома гостей ожидал поминальный стол. Те, кто

желал вспомнить Чарли добрым словом, могли прийти. Это утешало семью, только что потерявшую ребенка.

Билл не появлялся в колледже уже несколько дней. Джессика это беспокоило, ведь его могут исключить. Вечерами он работал, а днем находился дома. Бенктон замкнулся в себе. Часами рассматривал рисунки Чарли.

Мила снова ушла в запой. На работе знали о трагедии, поэтому дали ей отпуск. Она вела себя странно; то ревела, то смеялась, то что-то бурчала под нос. Билл отбирал у нее спиртное, но Мила тут же уходила к соседу Борману, от которого через время приползала в невменяемом состоянии.

Джессика заглядывала к Биллу, но у нее было мало времени. Каждый день после учебы она помогала своей бабушке, и только потом могла посвятить пару часов Биллу. Иногда они совсем не виделись.

Прошла неделя. В дом пришла Джессика. Билл встретил ее безмолвной натушной улыбкой и проводил в свою комнату. Он не хотел, чтобы она видела, как мама себя губит.

– Билли, ты собираешься возвращаться в колледж? – возмущалась Джессика.

– Нет! Какой смысл просиживать там время? Все равно это ничего не даст!

– А как же мы с тобой? Ты о нас подумал? Или ты хочешь всю жизнь работать в магазине грузчиком? – более возму-

ценно спросила она.

– У нас все нормально! Я только что брата похоронил, а ты со своим колледжем привязалась! – взрывался Билл.

Он отвернулся, подошел к окну и вгляделся в осыпанную снегом улицу. Джессика прильнула к нему, положила руки ему на плечи и начала поглаживать их.

– Пойми ты, Чарли уже не вернуть! Жизнь продолжается! – прошептала она.

– Джесс, оставь меня в покое! Я вообще никого не хочу сейчас видеть! – озлобленно крикнул Билл и вздернул плечами.

– И меня?!

– И тебя!

Девушка заплакала и выбежала из комнаты. Через полминуты ее в доме будто и не было. Билл так и стоял у окна, провожая бездушным взглядом Джессику, устремленную вдаль. Ему было наплевать на всех, кроме бабушки Розы, с которой он изредка разговаривал. Третий день толком ничего не ел. Его мысли отдавали прохладной серостью. Он вспоминал те славные моменты из жизни, когда все наладилось, но тут же их застилало бледное бездвижное лицо Чарли. Билл считал, что проклятье черно-белой жизни его никогда не покинет.

«Почему вечно все так плохо? Только жизнь наладится – и на тебе, опять черная полоса!»

Мила в это время ползала по комнате в поисках недопитой бутылки бурбона. Пьяное ворчание сменялось несколь-

кими гулками глотками, после которых тишину разметал бубнеж и причудливый смех сквозь слезы. Так повторялось из раза в раз. Одета Мила во все тот же замызганный халат, на голове всклокоченная прическа, лицо, как мяч для регби, а под глазами синяки. Та уже потеряла счет времени и не понимала, где явь, а где сон. Свою мать и сына не узнавала.

– Билл, я пришла! – крикнула бабушка, хлопнув дверью.

Парень спустился и забрал у нее пакеты с едой. Их обоих раздражало, до чего мама себя довела. Ведь именно спиртное послужило толчком. Будь она трезва, то ничего бы не случилось.

– Знаешь, Билл, ничего в этой жизни просто так не бывает, – успокаивала бабушка. – Если приглянулся небесам наш Чарли, то его уже было не спасти.

Она присела в кухне на стул, положила локоть на стол и развернулась вполборота, чтобы видеть, как Билл достает продукты из пакетов и раскладывает их по полкам. Она дышала тяжело, а морщинистое лицо омрачала печаль в глазах.

– Все равно непонятно, почему жизнь состоит из черных и белых полос. И я это замечаю уже не в первый раз, – сказал Билл, крепко держа консервную банку с кукурузой. Он ее прижал к груди и горько смотрел на бабушку.

– Человек – художник своей жизни. Если в твоих руках есть зеленый карандаш, то почему бы не добавить новых ярких оттенков. Понадобится капелька фантазии, и получится шедевр. Но если у тебя в руке только черный карандаш, то и

жизнь будет соответствующая.

– Наверное, ты права! – тихим монотонным голосом произнес он, поставил банку на стол и сел на рядом стоявший стул.

– Черные и белые полосы в жизни – это миф, – продолжила она. – Люди придумали его для собственного успокоения. Сам подумай, Билли... посмотри на тех бродяг на улице, которые целыми днями стоят с протянутой рукой. Разве они считают, что их жизнь, как зебра? Радуются каждому новому доллару, который вскоре будет пропит? Многие из этих бедных, отчаявшихся людей даже назад не оглядываются; не вспоминают, как до такого скатились, а ведь могут устроиться на мало-мальски оплачиваемую работу, чтобы заработать хоть что-то, или уйти в церковь, где им позволят жить и будут кормить... Не хотят они что-то менять, вот и спихивают все на черную полосу.

– А как же те, у кого дом сторел, кто потерял работу не по своей вине, те же самые инвалиды? – спросил Билл. – У них не наступила черная полоса?

– Я считаю, что такие моменты делают человека сильнее, – говорила бабушка. – Те, кто не справляется с этим, остаются на улице, а другие продолжают улыбаться. Пусть по лицу их ты этого не видишь, но в душе они остаются прежними, такими, как до трагедии.

– Ты хочешь сказать...

– Вода камень точит! – перебила она. – Для людей вода –

это время, а испытания – это сильные волны, которые могут тебя разрушить, а могут сделать острее.

– А как же ты, бабуль? – спросил Билл. – Ты рада своей жизни? Тому, к чему пришла, что было и что может случиться?

– Я прожила долгую жизнь и не могу похвалиться тонной радости. Старшую сестру похоронила, когда мне было тринадцать. Я точно и не помню, от чего она умерла... знаю, что долго болела и мучилась. Иногда я вспоминаю ее раздирающие душу крики, кровь на подушке и желтые, как папирус, глаза. Их я точно никогда не забуду...

– Сколько ей было? – спросил парень, невольно кладя в рот мякиш белого хлеба.

– Кажется, семнадцать... а может, и больше. Я не помню, – говорила бабушка, смотря туманным взглядом в мрачный холл. – Грета точно была моложе тебя. Потом с разницей в два года я похоронила своих родителей...

– А что с ними? – перебил он.

– Мама тоже болела. От малярии тогда многие умирали. А отца за долги убили. Он пытался построить бизнес, открыл продуктовую лавку, а для этого одолжил много денег у местных, как оказалось, гангстеров. Вовремя не вернул сумму и все... Это случилось на моих глазах. Мне тогда было семнадцать. Я выглядывала из своей комнаты. Видела, как отец пошел открывать дверь, а потом...

– Что потом? – с интересом спросил Билл.

– Ворвались двое мужчин. Сначала они долго разговаривали, а папа все время просил меня уйти, но я настолько испугалась, что стояла как вкопанная. Я видела, как один из них достал пистолет и наставил на папу. Тогда я сильно закричала, но мой крик перебили выстрелы. Когда я опомнилась, то видела только папу. Он лежал на деревянном полу и тянул ко мне руку. Я подошла и взялась за нее. Она была холодной и тяжелой. Отец смотрел на меня пустыми глазами, но уже ничего не мог сказать.

– А что потом? – спросил Билл.

– Я долго не знала, что мне делать. Как ты говоришь, настала черная полоса... Хотя со смерти Греты она никуда и не уходила.

– А дальше наступила белая полоса? – с интересом спросил Билл.

– Если можно так считать, – говорила бабушка. – В Нилзе жила моя тетка, сестра матери. Она забрала меня из Бронса. Вскоре я познакомилась с твоим дедушкой...

Роза налила себе стакан воды, сделала несколько глотков и поставила его рядом. Она туманно водила по кромке стакана указательным пальцем. Шмыгнула носом и продолжила говорить:

– Это было в начале тридцатых годов. Потом родилась твоя мама. Казалось, вот она белая полоса, но и та длилась недолго. И десяти лет не прошло. В сорок втором году твой дедушка ушел на войну. Спустя восемь месяцев мне присла-

ли письмо. Представь себе, я не пустила ни единой слезы, так как выплакала все, когда провожала его. Незадолго до этого злосчастного письма он прислал посылку прямо с фронта. Это была маленькая баночка с мидиями и письмо... письмо, которое я часто перечитываю ровно в десять вечера. В это время я получила посылку. Я понятия не имею, откуда он взял мидии во время войны, но в письме он ими восхищался.

– А что же дальше? – спросил Билл.

– Дальше пустота... такая пустота, о которой я не хочу вспоминать. Я не убивалась, не рыдала, не загоняла себя в угол. Просто хотелось тишины и спокойствия. Я держала себя в руках, поэтому и сейчас перед тобой я спокойна. Знаю, что все это тяжело пережить, но если в тебе есть силы, то со всем этим можно справиться!

– Да уж, не знал, что все так сложно, – сказал Билл.

– В этом нет ничего сложного. Всегда бывают сладкие моменты. Для меня это было ваше с Чарли появление на свет, новые знакомства, победы Чарли в конкурсах. Радостных мгновений полно, просто в голове остается осадок чаще от плохого.

– Боюсь, мне долго ждать таких моментов, – сказал Билл.

– А вот это ты зря, Билли. Их не нужно ждать. Они сами приходят ниоткуда, будто их кто-то присылает в награду за стойкость.

– Возможно... – задумался парень.

– Просто нужно жить дальше, – продолжила бабушка. –

Помни, что Чарли тоже жив, пока ты его помнишь. Если ты все же веришь в полосы, то просто возьми цветные карандаши и разукрась свою жизнь и судьбу по-своему. Билли, мы все художники своей жизни, и выбор цвета в ней играет большую роль!

Впервые за несколько дней Билл искренне улыбнулся, хотя в душе все еще чувствовал горечь. Нет, это печаль не по Чарли, а по тем словам, что сказала бабушка. Бенктон понимал, что художником жизни можно стать в любой момент. Даже если сейчас тяжелые времена.

Билл решил прогуляться перед сном. Свежий воздух казался ему полезным. Всю прогулку он думал о разговоре с Джессикой, чувствовал себя виноватым за то, что нагрубил ей. Чтобы загладить вину, ему нужно появиться в колледже, куда он так не хотел возвращаться. Взвесив в уме все «за» и «против», Билл все же решил на следующий день сходить на занятия.

Снег крупными парил над головой. Дорога устелена словно ситцевым покрывалом. Морозный воздух колот пересохшие губы, нос, щеки и мочки ушей. Он водил по лицу своими жгучими коготками, оставляя румяные следы. Билл остановился под фонарем, поднял взгляд в небо и влажными глазами посмотрел на небо. По губам Бенктона скользил теплый пар, вскоре сливавшийся с холодным ветром. Через минуту Билл потерял руки, ссутулился и неспешно побрел по заснеженной, казалось, нехоженой дороге.

Придя домой, он снова наблюдал ту мерзкую картину. Мама елозила по истоптанному годами разноцветному ковру с изображенными на нем ромбами, кругами и квадратами. Лицо измазано склизкими соплями, изо рта текли слюни, рядом лежала бутылка из-под бурбона. Билл, как и бабушка, не понимал, откуда у мамы берутся деньги на выпивку. Ее кошелек пуст, в карманах халата дырки, а в записках, где раньше хранились украшения, уже давно шаром покати. Так или иначе, Билл договорился с бабушкой не выпускать на улицу маму и забирать у нее всю выпивку.

На следующее утро Бенктон стоял у входа в колледж и ждал Джессику. Время шло, но девушки не было. Он увидел ее подружек и подбежал к ним, чтобы спросить, где Джессика, но те дружно пожалы плечами. Билл нахмурился, отошел в сторону и начал беспокойно топтаться на месте, потирая при этом потную ладонь о джинсы. В голове витали разные мысли, он тяжело сопел и постоянно зачесывал волосы назад.

Плюнув на занятия, Билл помчал к ее дому. Добравшись до места, он постучал в дверь и принялся ждать. Спустя мгновение дверь открылась. Перед ним стояла хмурая, высокая, в меру упитанная женщина, одетая в бирюзовый халат. На вид ей лет шестьдесят, однако Джессика говорила, что бабушка гораздо старше.

– Что вам нужно, молодой человек? – спросила та, сурово

опустив редкие брови к переносице.

– А вы не подскажете, Джессика дома? – улыбочиво спросил парень. – Я ее друг, Билл.

– Она сейчас не может ни с кем видаться!

– Бабуль, пусть он пройдет! – крикнула Джессика, выглядывая из своей комнаты.

Женщина с неохотой впустила в дом Билла, но косо поглядывала на него. Он увидел Джессику. Та стояла с костылями.

– Что случилось, милая? – подбежав к ней, с дрожью в голосе спросил он. – Почему ты на костылях?

– Поскользнулась и подвернула ногу, когда вчера от тебя уходила! – сердилась она.

Билл чувствовал в этом свою вину. Он нежно обнял Джессику и прошептал на ушко:

– Прости меня, родная!

Джессика чувствовала, что не безразлична Биллу. Она улыбнулась и пригласила его попить вместе кофе. Во время беседы познакомился с ее бабушкой Лизой. Она оказалась весьма добродушной и внимательной женщиной старой закалки.

– А вы с моей бабушкой Розой подружились бы! – заявил Бенктон.

– Еще подружимся! – подмигнув сказала бабушка Лиза.

После небольшого застолья Билл предложил помочь по дому, так как Джессика была не в силах что-либо делать. Он

прибрался, помыл плафоны, висевшие высоко под потолком, вынес мусор и даже починил дверь в кладовую, что постоянно скрипела и срывалась с одной петли. Затем он пошел в комнату к Джессике, где пробыл еще порядка двух часов.

Городские часы прогромыхали двенадцать раз. Билл шел по пустой улице. Облака стальным полотном растянулись до горизонта. Они грозно нависали над головой, и их, казалось, можно погладить пальцами вытянутой руки. Безмятежное небо вот-вот обрушится снегопадом, о котором все утро из радиоприемников трезвонили синоптики. Они часто ошибались, но в этот день им будто кто-то намекнул, что прогноз сбудется. Синицы издавали звонкую пинькающую трель, кружа в небе, то впереди, то за спиной. Эти милые маленькие пернатые своим поведением и видом заставляли умиляться.

Билл вошел в дом. Из кухни доносился голос матери. Бабушка Роза с мамой сидели и разговаривали, попивая чай из больших кружек. Мила выглядела странно, глаза ее блестели, щеки полыхали красным, но голос был таким, будто она не пила уже несколько недель. Со дня трагедии Билл впервые ее такой увидел.

– Сынок, чай с нами попьешь? – спросила мама.

– Нет, спасибо. Я у Джессики перекусил.

Билл поднялся к себе в комнату. Он чувствовал легкость на душе после разговора с Джессикой. Удивляло и то, что мама наконец одумалась.

«Неужели и вправду мы художники жизни? – удивлялся он. – Еще вчера все было хмуро и плохо, а сейчас светло. Может быть, и мама трезва, потому что я взглянул на жизнь по-другому. Возможно, она это как-то почувствовала».

Билл на минутку задумался. Но ведь за хорошим будет что-то плохое. Это насторожило его.

«Так, плохие мысли уйдите прочь! – думал он, зажмурившись и массируя виски пальцами. – Оставьте меня в покое. Я хочу, чтобы это все прекратилось!»

День пролетел в два счета. Весь вечер семья провела вместе. Они смотрели телевизор и общались. Попытались не вспоминать о Чарли, чтобы не навести тоску, но это сделать сложно. Почти в каждой семейной истории участвовал младший брат. Конечно, все воспоминания о нем светлые. Главное, не зацепить маму, чтобы она снова не взялась за бутылку. Психика ее окончательно рассыпалась, и внезапные перепады настроения были тому подтверждением.

Утром Билл встал рано. За завтраком бабушка сообщила, что ей нужно уехать на пару дней в Нилз. Мила подозрительно цвела в радости и напевала песенку, а Билл сидел молча и уплетал завтрак. Весь его день уже расписан: с утра колледж, затем в гости к Джессике, а в шесть вечера на работу.

– Сынок, а как там Джессика? – поинтересовалась мама. – Сильно подвернула ногу?

– Не особо, мам, – ответил Билл. – До свадьбы заживет.

Конечно, так ответил он в шутку, но все удивились. Они и впрямь решили, что Билл планирует сделать ей предложение. Он пока не задумывался над этим.

– Передавай ей привет! – сказала мама. – И попроси прощения от меня за мое ужасное поведение!

– Хорошо, мам! – ответил Билл.

Он встал из-за стола, со всеми попрощался, оделся, схватил рюкзак и поспешил на учебу. В колледже Билл не был уже больше недели, и появляться на учебе ему казалось чуждым. Взяв волю в кулак, он пересилил себя и свои внутренние страхи. В колледже на него уже не смотрели так, как до этого, а наоборот, многие удивлялись его настроению и бодрости духа. Преподаватели соболезновали утрате, а сверстники молча хлопали его по плечу.

После учебы Бенктон торопился к Джессике, поэтому совсем забыл купить ей мазь от растяжения, что она просила днем ранее. Постучал в дверь. Перед ним снова стояла бабушка Лиза, но на этот раз она не хмурилась, а приветливо улыбалась.

– Проходи, Билли!

– Спасибо! – сказал Бенктон, робко переступая порог.

Джессика ждала его в дверях своей комнаты. Она свети-лась от счастья и даже не злилась на него за забывчивость. Поцеловала и пригласила к себе. В комнате они занимались математикой, веселились и слушали музыку.

Спустя пару часов они вышли. Билл подхватил Джесси-

ку на руки и отнес в кухню. Девушка смеялась, а бабушка радовалась за счастливые годы внучки. Вместе перекусили и пообщались о жизни и будущем. Биллу нужно было бежать на работу, поэтому задерживаться он не мог, хотя и уходить из теплой компании тоже не желал. Бабушка собрала ему небольшой паек, после чего проводила его, закрыв за ним дверь.

На работе время для Билла летело с невероятной скоростью. Там он не протирал штаны, как в колледже. Машины для отгрузки подъезжали одна за другой. Бенктон так устал, что иногда приходил домой без памяти и моментально засыпал. В эту смену из-за сильного снегопада две машины пришли с опозданием, поэтому Биллу пришлось задержаться почти на час.

После работы он подходил к своему дому. С улицы виделось, что в маминной комнате горит ночник. Обычно она его включала, когда выпивала или читала книгу. Но с утра та была трезва и из разговора не собиралась пить. Открыв ключом дверь, он громко сказал:

– Мам, я дома! Ты не спишь?

Ответа не последовало. Ткацкой нитью расправились нервы, а сердце словно сжала чья-то рука. Холодную тишину растлевала тихая джазовая музыка, а хриплый голос Луи Армстронга мелодично рассказывал, как прекрасен мир. Билл медленно прошел в комнату. Через секунду отпрянул к стене, он будто забыл, как дышать. Сердце освободилось

и заколотилось в попытке нагнать упущенное, а пальцы рук онемели. В стылом свете ночника с потолка свисало тело мамы. Через приоткрытое окно закрадывался легкий сквозняк и играл телом, как сломанной, но висевшей на тоненькой коре веткой. Оно покачивалось над полом, аккуратно задевая бледными пальцами ног стул, лежавший рядом. Глаза сквозь спутанные, когда-то цветущие темные волосы молчаливо уставлены на Билла. Комната была наполнена запахом спиртного, а сигаретная горечь еще не успела рассеяться. Тепло овивали серые прозрачные струйки едкого дыма. Они гладили бледно-синие сухие губы приоткрытого рта. И только Луи Армстронг из проигрывателя издевательски повторял, как прекрасен мир.

Билл почувствовал слабость. Он упал на колени, не понимая, что происходит. Мороз обволок кожу, а перед намокшим взором расплывались темные пятна. Парень понимал, что это должно было случиться, но не думал, как скоро. Утром ничего не предвещало беды. Видимо, Мила к этому готовилась.

На столе стояла недопитая бутылка бурбона, под которой лежал листок бумаги с написанным маминым почерком текстом:

«Билли, сынок, прости меня, если сможешь! Я не могу так больше жить! Бабушка позаботится о тебе.

P.S. Джон твой отец. Мы боялись в этом признаться. Думали, что не поймешь его и не примешь. Прощай!»

Билл, стиснув зубы, завыл. Он смял записку и швырнул в сторону. В голове безостановочно крутилась фраза бабушки: «Мы художники своей жизни!» Он сходил в кухню за ножом и вернулся. В шоковом состоянии цветные моменты прошлого сменялись черно-белыми кадрами настоящего. Секунду назад мама с Чарли сидела на голубом диване, а стоило моргнуть – она висела в белой петле среди бездушных стен. Комната питалась морозом поздней осени. Билл не чувствовал холода, его телом овладел жар, по вискам тек пот. Взобравшись на табуретку, он начал перерезать веревку, один конец которой привязан к забитому в потолок крючку, а другой овивал шею матери. Спустя несколько минут хрупкое тело Милы упало на пол. Билл снял петлю с шеи, взял мать на руки и аккуратно положил на диван.

Он умылся в ванной и побежал к соседу мистеру Моррисону. Разум пришел в себя, и оттенки серого уже не тревожили, однако в голове все еще стоял подозрительный гул. На часах полночь. Улицы города в снегу. Вьюга насмешливо роняла Билла в сугробы, но он вставал и продолжал идти, утывая в них по щиколотку.

– Мистер Моррисон! – кричал Билл, ударяя кулаком по двери. – Мистер Моррисон, откройте, это Билл Бенктон!

Дверь открылась. Сонный Филип стоял в бледно-синей

пижаме, на голове пешкой возвышался смешной ночной колпак.

– Что случилось, Билли?

– Мистер Моррисон, – задыхаясь, бормотал парень. – Мама... она повесилась...

Филип впустил его в дом и налил ему стакан воды. Сам ушел в свою комнату переодеваться. Билл в это время позвонил по телефону, находящемуся в гостиной, бабушке Розе. Не сказать, что та была ошарашена. По голосу чувствовалось некое равнодушие. Она сказала, что вызовет такси и в ближайшее время приедет. После этого Билл вызвал скорую помощь. Адрес даже не называл. Им хватило услышать фамилию Бенктон.

Дождавшись Филипа, Билл направился обратно в дом. Там все так же жутко, тихая музыка противно ныла, а в комнате главенствовал сквозняк.

– Жаль Милу, – уронив взор, произнес Филип. – Хорошая женщина была. Правда, алкоголь ей был совсем не к лицу.

Они присели на стулья и стали дожидаться бабушку Розу. Билл выключил проигрыватель, поставил на стол два стакана и налил в них бурбон. Моррисон фыркнул, глядя на стакан, и отмахнулся рукой.

– Сынок, алкоголь убивает все живое. Последний раз я пил, когда находился по работе в СССР. Это был 1959 год, если не ошибаюсь. Водка у них отменная, ничего не скажешь. Напился, а контракт полетел к чертям. После приезда

на родину я решил бросить.

– Из-за водки?

– Что? – отвлеченно спросил Филип.

– Контракт полетел...

– Ааа... нет. Не договорились. А бросить решил из-за Мег. Она сильно заболела и не переносила запаха спиртного. Сам помнишь, какая она была на свадьбе Милы с Джоном...

– Не нужно! – отрезал Билл, с треском поставив стакан на стол. – Не упоминайте Джона!

Старик взглянул на Билла. Его пышные седые брови напрыглись. Он шмыгнул большим носом и сказал:

– Если тебе человек не нравится, то не стоит всю семейную жизнь перечеркивать. В конце концов, ты...

– Хватит! – сказал Бенктон.

Хлопнула дверь. Вошла бабушка Роза. Ее лицо не отличалось от повседневного. Ни радости ни горечи не прочесть.

– Эта дрянь натворила дел и слиняла?! – сказала она. – Туда ей и дорога!

Несмотря на всю злобу, она подошла к телу. Ее лицо невозмутимо. В намокших глазах отражался свет ночника. Она безмолвно стояла полминуты, после чего набрала воздуха в легкие и ушла в кухню. Оттуда начал доноситься плач, тихое искреннее завывание, всхлипы, которые длились, казалось, нескончаемо. Как ты ни относишься к родному человеку, плохо или хорошо, он всегда будет родным.

Филип посмотрел на часы. Время приближалось к часу

ночи.

– Я пойду, – вполголоса сказал он. – Завтра с утра вернусь, и займемся подготовкой к похоронам.

Когда мама въехала в этот дом, Филип уже жил по соседству. Это был 1953 год. Спустя несколько месяцев родился Билл. Сам город начали заселять двадцатью годами ранее. Изначально Райли считался строительным городком. Только потом здесь появились фабрики, школы, детские сады и все пригодное для жизни молодых семей. Из всех старых соседей остались практически все. Только бутлегер Борман Мэдсен заселился в дом напротив в начале 60-х годов.

Позже приехали врачи. Они осмотрели тело и подтвердили смерть, что и без них было понятно.

– Смерть наступила между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи, – угрюмо произнес один из врачей.

«Вернись я с работы немного раньше, маму можно было бы спасти, – подумал Билл. – Но надолго ли? Проклятая работа! Нет... нет же... работа здесь ни при чем! Это моя вина. Я не уследил за ней! А мог ли? Мама утром вела себя странно. И бабушка решила уехать. Здесь все сыграло. Никто не виноват, кроме меня!»

– Нужно везти тело в морг, – произнес врач.

– Нет! – отрезал Билл. – Она останется здесь.

– Но это наша работа...

– Я сказал нет! – закричал Бенктон.

Мужчина взглянул на раздраженного парня, который

встал в оборонительную позу. Бенктон выпятил грудь и выставил кулаки. Он и впрямь готовился ударить испуганного врача. Мужчина, не отводя глаз от Билла, поднял с пола свой чемоданчик с медикаментами и попятился.

– Простите, – сказала бабушка Роза. – Он не в себе.

– Зачем тогда вызывали? – спросил врач.

– Вероятно, Билли посчитал нужным вызвать вас, – сказала она. – Еще раз простите!

Мужчина хмыкнул, неодобрительно посмотрел на Билла, махнул головой коллеге, стоявшему в холле, и вместе они вышли из дома.

Билл просидел возле тела всю ночь. Он не смыкал век, постоянно о чем-то думал. Бабушка Роза иногда выходила из кухни, но, взглянув на тело дочери, возвращалась обратно и плакала. Билл подошел к бабушке и тихо сказал:

– Бабуль, я тебя люблю! Ты у меня одна осталась!

Та обняла внука и сновапустила слезы. Он не понимал, что должен испытывать в такие минуты. Ему не хотелось плакать, а улыбка невольно расплывалась по лицу.

Через некоторое время Билл приготовил завтрак, но бабушка отказывалась есть. Кусок в горло не лез. Бенктон же, напротив, съел яичницу, овощной салат и залил все это большой кружкой кофе. Он вел себя странно, не горевал, а иногда чему-то радовался.

Позже, как и обещал, пришел Филип. Принес с собой рулетку и измерил тело Милы, чтобы заказать гроб. Моррисон

взвалил все хлопоты по похоронам на свои плечи.

Немного посидев с бабушкой в кухне, Билл оделся и пошел к Джессике. Он должен был сообщить ей о случившемся раньше соседей. Таков уж город.

Погода ухудшалась, с каждым часом снега становилось все больше. Снегоуборочные машины не справлялись с таким обилием осадков, из-за чего на дорогах образовывались пробки.

Билл пробирался через сугробы. Подход к дому Джессики был затруднен. Возле их двери на этот случай всегда стояла лопата, поэтому Бенктон, прежде чем стучать в дверь, решил очистить от снега крыльцо и дорожку к нему. Это в окно заметила бабушка Лиза и позвала внучку. Вместе они наблюдали, как ничего не подозревающий Билл чистит их придомовый участок. После двадцатиминутной работы Бенктон решил постучаться, но не успел этого сделать. Дверь распахнула Джессика. Она была без костылей, сияла и заливистым голосом рассказывала, как они с бабулей наблюдали за ним. Однако у Билла не получилось изобразить радость. Губы вздрогнули, а ладонь заерзала по штанине.

– Что случилось, Билли? – встревожилась Джессика. – Ты выглядишь плохо. Не заболел?

Парень, до этого улыбавшийся дома, внезапно поменялся в цвете лица. Его затрясло и потянуло к стене слева.

– Бабушка, Биллу плохо! – закричала Джессика.

Бенктон вновь начал видеть черно-бело, звон в голове уси-

ливался. Парень упал на пол и начал орать. Виски как сжимало в тисках. Девушка ходила из стороны в сторону, с ужасом поглядывая на страдающего Билла. Она боялась к нему притронуться и что-либо сделать.

Бабушка принесла таз с водой, обмочила в нем полотенце и приложила ко лбу Бенктона. Тот изгибался, как горящий пластик, выл, будто что-то из него пыталось выбраться.

Спустя мгновение Билл успокоился. Он лежал и бездушно смотрел в потолок. Его веки не смыкались, а ноги колодились в судорогах. Он не видел ни зеленых, ни синих, ни других цветов, все было в одних серых тонах. Джессика наклонилась и спросила:

– Что с тобой?

– Она повесилась! – выдавил Бенктон, продолжая тарашиться в белый потолок.

Джессика безмолвно опустила взгляд, подбородок запрыгал, а из глаз посыпались слезы. Она начала бродить по дому. Бабушка Лиза продолжала прикладывать ко лбу парня влажное полотенце, шепча: «Все хорошо, милый! Все обойдется!» Джессика смахивала вымученные слезы рукой. Она старалась держаться, но как только вспоминала Милу и Чарли, сразу же из груди вырывался рев.

Спустя время Джессика помогла Биллу подняться и отвела его в свою комнату. Он не различал цвета и ей об этом не говорил. Бенктон не хотел ее пугать и избегал лишних вопросов.

Вскоре звон из головы выветрился. Разум Билла так же, как и ранее, стер черно-белую жизнь. Он запомнил, как ему открыла дверь Джессика, а моргнув, он уже сидел в ее комнате.

– Мне нужно идти! – расторг тишину Билл.

– Останься еще, – просила Джессика.

– Нужно бабушке помочь...

– Я приду, – сказала Джессика.

– Вот еще, – побеспокоился Бенктон. – Хромаешь!

– И что? Помогу с готовкой!

– Поправляйся!

В доме уже находились коллеги Милы, они пили текилу со льдом. Мистер Моррисон бегал из дома в дом. Он суетился, хотел помочь семье. Бабушка Роза периодически выбегала из кухни, чтобы сделать глоток вина, после чего возвращалась к готовке. Тело Милы, нарядно одетое в ее любимое красное платье в горошек, лежало в гробу. Бабушка Роза омыла его еще утром, а одеть помогли коллеги. Мила походила на спящую красавицу. Губы и ресницы накрашены, на щеках расстелился румянец, а лиловый след от удавки закрывало ожерелье. Лицо Милы было пугающе безмолвным, морщины спрятались под тяжелым слоем пудры. На безымянном пальце левой руки перстень с бриллиантом, который бабушка Роза однажды сняла, пока та спала в пьяном беспмятстве. Подарок отца Чарли. Мила не дожила до сорока лет

сорок дней.

Суматошный вечер испытывал на прочность, бабушка ничего не успевала, так как еда на поминальный стол быстро уходила на закуску приходящим подружкам мамы. Странно, но те сначала грустили, а после выпитого стакана текилы начинали смеяться, общаясь на свои темы. Их вовсе не смущало, что рядом стоит гроб с телом Милы. В какую-то минуту одна из подруг захотела потанцевать и просила Билла включить музыку. Парень взбесился и начал силой выпроваживать бесстыжих дам. Женщины были пьяны, возмущались и вели себя нахально, однако нехотя уходили.

Билл не спал уже вторую ночь. Он решил навести порядок в комнате, убрать мусор, оставленный коллегами матери, и выкинуть лишний хлам. Наткнулся на клочок бумаги, выброшенный им в угол комнаты прошлой ночью. Билл с интересом расправил смятый лист и взглянул на буквы, написанные матерью. Теперь они не казались такими идеальными. Кривой почерк дрожащей руки заставлял всматриваться в каждое слово, чтобы понять, что написано. До этого Билл не придавал значения им. Сейчас же, когда мозг освободил место, словно толстой хирургической иглой в самый центр медленно впивались эти слова.

«Почему они не сказали? – думал Бенктон. – Зачем он так относился к нам? Может быть, всего этого кошмара не было бы, объясни они это раньше!»

Билл считал, что после похорон нужно съездить в тюрьму к Джону. Он хотел получить ответы на свои вопросы.

– Джон сломал нашу жизнь! – истерически закричал парень, закидывая рукой волосы назад.

Бабушка не рисковала подходить к внуку. Она видела, что он не в себе. Билл за неделю потерял двух близких людей. Ему нужна тишина и свобода. Бенктон достал из холодильника бутылку бурбона и из горла отхлебнул треть. Сразу же побежал в туалет, откуда начали доноситься звуки отрыжки. Билл умылся, шатаясь пришел обратно и выпил еще немного. Он поставил бутылку на стол и направился к выходу. Остановился в холле, посмотрел на гроб в комнате, фыркнул и покинул дом.

Обратно он вернулся под утро. Парень снова примкнул к бутылке, но на этот раз Роза попыталась отнять ее у него. Билл отпихнул бабушку и пригубил. Серым взглядом окинул кухню, а затем ужасно тихий холл и аккуратно, точно чего-то боялся, прошептал заплетающимся языком:

– Бабуль, пожалуйста, не трогай меня!

Дом был полон тех, кто хотел попрощаться с Милой. Вошла Джессика. Билл ее не узнавал. Он оценивающе посмотрел на нее, скривил лицо, рыгнул и снова поднес бутылку к губам. Девушку это насторожило. Бабушка Роза подошла к ней, обняла и предложила пройти в комнату. Джессика, вопросительно взглядываясь в Билла, согласилась. Билл начал пить. Даже во время похорон Чарли он себя так не вел.

– Вот она, наша красавица... – плаксивым голосом выдавила Роза, подходя к гробу, стоявшему посреди комнаты.

Глаза Джессики наполнились приторными слезами. Она с трудом держала себя в руках, но как только услышала плач бабушки Розы, тут же разрыдалась и припала к ее груди. Цепь дернула всех гостей в эту минуту заплакать.

Стальной раскат настенных часов раздался во всеуслышание. Они пробили одиннадцать раз. Филип встал, откашлялся и твердым тоном произнес:

– Сейчас все одеваемся и выходим! Поедем на кладбище!

Гости не спеша одевались, обсуждая между делом свои проблемы и жизнь. Джессика подошла к Биллу.

– Привет!

– Привет! – сказал он, взглянув на нее с прищуром.

– Ты так и будешь пить? Или поцелуешь меня? – возмущалась она.

– Думаю, стоит допить оставшееся, – взболтнув бутылку и посмотрев на остатки, сказал он. От него жутко разлило спиртным. Алкогольный шлейф, казалось, тянулся до Нилза. Билл рукой потянулся к щеке Джессики, но она ненавистно отбила ее и отступила.

– Ты... ик, – что-то бормотал Билл. – Ты не понимаешь!

– Что? – вскрикнула она. – Что я должна понять?

– Жи-ик-знь, – уводя взгляд, мычал Билл. – Она так коротка... Что...

– Что ты несешь, дурак? – в слезах кричала Джессика.

– Я дурак? – взвинулся Билл. – Это ты, тварь! Ты виновата!

Она дала ему пощечину и скорым шагом покинула дом. Бенктон потер лицо ладонью и улыбнулся.

«Удары судьбы, – думал он. – Как они больны и приятны. Сколько их было и сколько будет. А это только начало...»

Он стоял в непонимании яви. Где-то далеко в тумане люди выносили гроб с телом его матери. Билл закидывал рукой волосы назад и стоял в кухне, наблюдая за этим. Гулкие голоса еле пробирались в будто заткнутые ватой уши. Бенктон успел забыть, что было минуту назад. Он видел тянущиеся к нему волосатые руки мистера Моррисона.

– Пойдем, дружище! – твердил глухой голос.

Билл уронил голову и не мог пошевелить ни ногами, ни руками. Они словно парализованные болтались в воздухе. Глаза не успевали запоминать картинки. Все мелькало: стены, серое небо, лицо Моррисона, потолок его старенького «форда». Полусонного Билла, как мешок с костями, Филип погрузил в свою машину.

Вокруг все в снегу, имен на надгробьях не разобрать. Люди в мрачных одеждах стояли, будто шахматные фигуры на белых клетках между черных могил. После прочтения святым отцом речи все, кто желал, подошли попрощаться с Милой. Билл не понимал, где находится. Все время его поддер-

живал под руки Моррисон. Он подвел Билла к гробу матери. Бенктон посмотрел на ее лицо мертвым взглядом. Минуту тишины нарушил плевок Билла. Тягучая слюна прилипла к его губе, а после прицепилась к подбородку и медленно тянулась к земле. Он вздернул плечами и вырвался из рук Моррисона. Отойдя в сторону, Билл посмотрел на всех и дико расхохотался. Смех зловеще разнесся эхом над кладбищем. Бенктон принялся бегать и кричать на весь город мертвых, что он художник жизни и может рисовать судьбу. Бабушке Розе стало не по себе, и ее проводили к машине.

Неуместный спектакль продолжался недолго. У могилы матери Билл споткнулся о камень и упал лицом в снег. Мистер Моррисон поднял парня, отвез домой и уложил на спать.

Билл почти не помнил прошлый день. Единственное, что всплывало в памяти, это небольшое кафе, построенное на месте сожженной им мастерской Коннела. Там он выпил две кружки пива за счет незнакомца, который целый час жаловался на свою жизнь. Его он встретил во время ночной прогулки накануне похорон. Почему тот странный пухляш зацепился за Билла, оставалось в подворотне сознания.

Мутные изображения мелькали перед глазами. Комната на первом этаже как в дымке. Каждый шорох в ушах казался бычьим топотом. Над головой неутомное жужжание. Кажется, от него Билл и проснулся.

Девять пятьдесят утра. Бенктон спустил ноги с дивана и нащупал пальцами ковер. Присев, он оглядел пустую комнату. Голова кружилась и болела. Секундная стрелка шагала настолько громко, что хотелось разбить часы, но сил для этого было ничтожно мало.

«Видимо, бабушка в магазин ушла, а все гости разошлись еще вечером», – подумал он.

Желудок жалобно стонал. На столе Билл разглядел несколько тарелок и чашек. В них оставалось немного овощного салата, который он не любил, селедка с неприятным резким душком и колбасные нарезки. Махнув рукой над сто-

лом, он увидел, как вверх взмыли две мухи. Они зажужжали, звук их полета отдавался дребезжанием в голове. Одна из мух уселась на ближайшую тарелку. Она словно наслаждалась находением в майонезном соусе, перебирая своими мизерными лапками и не подозревая, что Билл в эти секунды уставил на нее похмельные глаза. Пока одна муха копошилась, другая атаковала с тыла, противно просвистев над ухом и сбив Билла с толку. Он протянул руку к тарелке с колбасной нарезкой, и тут же первая муха улетела, оставив четкий след своего пребывания в соусе. Билл разглядел вмятины от лап. Странно, что он дотошно рассматривал все это, но состояние, видимо, требовало того.

Бенктон откусил немного колбасы. Лицо покорежилось, веки слиплись, а внезапный неприятно-кислый вкус заставил сплюнуть. Билл испытывал ужасное недомогание, сухость во рту и головокружение. Душу терзала дикая измена, она заставляла его шараться от каждого звука.

Он встряхнулся, протер глаза и уронил взгляд под стол. Там лежала предсмертная записка матери. Та самая, где написано про Джона.

«Черт, совсем забыл... – опомнился Бенктон. – Нужно встретиться с Коннелом».

Тот находился в окружной тюрьме, расположенной неподалеку от Райли. Все преступники этого и близлежащих городов отправлялись именно туда.

Бенктон забегал в поисках своего паспорта. Найдя доку-

мент, набрав мелочь на дорогу в обе стороны, Билл отправился в тюрьму.

Через час он был на месте. Перед ним возвышались сетчатые заборы с колючей проволокой поверху, за которыми вдалеке подобно дрессированному животному ходили заключенные. Билл видел, как на смотровых вышках, сложа руки, сидят охранники, чьи лица скрыты под козырьками серых фуражек. Издали доносился лай собак. Билл оглянулся и пошел за людьми, которые, как и он, сошли с автобуса на этой остановке.

Охранники кричали и нагло общались с посетителями. Билл собрался и подошел к одному из них. Он попросил устроить ему встречу с Джоном Коннелом.

– Нет, парень! – отрезал мужчина на пропускном пункте. – Встреча оговаривается заранее.

– Мне очень нужно попасть к нему, – просил Бенктон.

– Нет! И не мешай мне работать, – повышенным тоном ответил охранник. – Следующий! Проходите!

Билла отпихнула высокая, как водонапорная башня, женщина. Горбатая, с недовольной физиономией и неказистыми рыжими кудрями, торчащими из-под шляпки-котелка.

– Свидание с мужем! – проскрипела она, протягивая документ охраннику.

«Вот мужику не повезло, – подумал Билл. – Я бы на месте ее мужа оттуда не возвращался».

Ее противный голос, казалось, пугал и охранника. Он вер-

нул ей паспорт и поторопился пропустить.

– У Коннела жена умерла! – снова подошел Билл. – Я его сын. Прошу вас! Это не займет много времени.

Охранник хмыкнул, посмотрел на Бенктона и протянул руку.

– Паспорт! – сказал он. – Он при тебе?

Билл достал его и отдал мужчине. Тот ушел. В голову закрадывались сомнения.

«Черт меня дернул!» – подумал он.

Спустя пару минут охранник окликнул его и сообщил о встрече через полчаса. Билла охватывал страх. Он боялся Джона, а после поджога и вовсе тот для него стал сущим дьяволом.

В назначенное время Бенктона проводили в переговорную комнату. В просторном помещении было светло, как в операционной. Во внимание Билла попали пять переговорных ячеек, отделенных небольшой выступающей прозрачной перегородкой с телефоном на ней. По ту сторону стеклянного экрана находились заключенные. Та длинноногая женщина, что не понравилась Биллу, сидела в центральной ячейке. Ее голос слышен ярче других двоих более притягательных посетительниц. Мужья всех троих, как виделось Биллу, выглядели адекватными и не могли совершить ничего ужасного, чего нельзя было сказать о Джоне, сидевшем за стеклом в ближней ячейке. Его лицо выглядело более злым, чем раньше, поседевшие длинные волосы растрепаны, ще-

ки провалены, а глаза выпучены, вот-вот выскочат из орбит. Билл подошел к стулу, присел и дрожащей рукой взял переговорную трубку. Джон ехидно улыбался.

– Мама и Чарли мертвы! – с трепетом в голосе произнес Билл.

В эту секунду ни один лицевой нерв Джона не напрягся.

– Я знал, что это случится, – холодно сказал Коннел. – Жаль Чарли.

– Ты действительно мой отец? Почему вы сразу об этом не сказали? – отважился спросить Билл.

– Это не так просто, – осмысленно говорил Джон, водя пальцем по стеклу. – Если ты все знаешь, то открою небольшую тайну.

Вмиг все тело Билла покрылось потом, а по спине прокатилась дрожь. Он крепко сжал трубку в руке и плотнее прислонил к уху. Джон продолжил говорить.

– Я с твоей матерью познакомился еще в пятидесятом году. Тогда она работала медсестрой в больнице Нилза. Меня доставили туда с огнестрелом. Она хорошо относилась ко мне. После того, как меня выписали, я с ней начал встречаться. Это длилось порядка трех лет. Когда я узнал, что меня снова разыскивают гангстеры, должен был исчезнуть, чтобы твоей матери ничего не грозило. Но она уже забеременела тобой. Я всячески ей помогал, через некоторых людей передавал деньги, продукты, одежду, – внезапно Джон замолчал. Билл непонимающе продолжал на него смотреть. Кон-

нел вздохнул и добавил: – У меня действительно была жена, а насчет брата я вам с Чарли солгал.

– Но почему ты к нам так относился? – возмутился Билл.

– Я вырос практически один. Ни отца, ни мать никогда не видел. Меня вырастил Томас. Он заменял мне отца. Он был жесток, но справедлив. Я хотел, чтобы вы стали настоящими мужчинами, а не сопляками, какими я привык вас видеть. А в частности тебя!

– Ты хочешь сказать, что мы не могли за себя постоять? – повышая голос, спросил Билл. – Думал, что мы не справимся без тебя?

Прищур левого глаза Джона вцепился в онемелое лицо Билла. Парень заерзал на стуле в поисках удобного места. Он обернулся и посмотрел на охранника, стоявшего в нескольких шагах позади. Сглотнув горькую слюну, Билл прислонил к уху черную телефонную трубку.

– Билл, ты трус и эгоист! – сказал Джон. – Посмотри, к чему привели все твои попытки избавиться от меня. Ты все разрушил... убил своими же руками...

– Не правда! – занервничал Билл. – Ведь ты убил моих друзей... и мама начала пить из-за тебя!

– Ты сам в это веришь? – ухмыльнувшись спросил Джон. – Ты убил и друзей, и Чарли, и собственную мать.

– Нет! – закричал Билл и кинул трубку в стекло. – Нет! Нет! Нет!

Билл пытался спрятать за локтем слезы. Он оперся на

стекло, а Джон продолжал говорить в трубку, зная, что тот не слышит.

– Ты, Билл, уничтожил семью... Ты согласишься в это... Ты убил... Это ты виноват... Ты... и больше никто... Каждый отвечает за свои ошибки!

К парню подошел молодой охранник и вывел его из комнаты. Билл не понимал, что будет дальше. В его голове витала тьма. Он старался навсегда забыть о разговоре с Джоном. В этом ему могла помочь Джессика.

Приехав в город на ближайшем автобусе, Бенктон пошел к ней. Дверь открыла бабушка Лиза. Она впустила его и указала на комнату Джессики. Билл робко кивнул.

Девушка лежала на кровати и читала журнал. Когда вошел Билл, она тускло посмотрела на него и вернулась к чтению.

– Привет, – сказал он.

– Привет!

– Как дела?

– Нормально!

– Как нога?

– Нормально!

– Все в порядке? – спросил Билл.

– Да, – без каких-либо эмоций ответила Джессика.

– Может, я зря пришел? – поинтересовался он.

– Возможно, – читая журнал, проговорила она так же безжизненно.

– Ясно! – сказал он и ушел.

Билл вернулся домой. Он чувствовал себя подавленным и уставшим. Тревога. Странное ощущение надвигающегося предательства. Билл прошел в кухню и налил в кружку свежесваренный кофе, еще дымящийся и ароматный.

– Бабуль, а ты знала, что Джон мой отец?

Та посмотрела на внука, шмыгнула носом и сказала:

– Не сказать, что знала, но догадывалась, – с печалью в голосе говорила она. – Он часто бывал у нас в гостях, любил твою маму. Но, когда она забеременела, он исчез. Сначала я злилась на него, но потом просто забыла. Мила говорила, что Джон помогает, но мне было без разницы. Мужики сейчас сволочными стали: чуть что, сразу за забор. Поэтому я немного удивилась, когда он снова появился. Поняла, что здесь есть тайна.

Билл начал краснеть. Он явно желал спросить о чем-то бабушку, но не решался.

– Ну же, говори, – произнесла она. – По глазам вижу.

Билл мялся и не мог подобрать слов. Он никогда на такие темы с ней не общался.

– Бабуль... есть девушка, – засмутился он.

– Джессика? – спросила та. – Ты о ней?

– Да. Я хочу сделать ей предложение, но боюсь. В последние дни мы друг другу чужды... точнее, я ей...

– Когда?

– Что? – непонимающе спросил Билл.

– Когда хочешь сделать ей предложение?

– Хоть сейчас! Я не знаю... Что-то заставляет меня.

– Билли, это странно. Мы только вчера похоронили...

– Да, я понимаю! – прервал Билл. – Просто, боюсь, что потом будет поздно.

– Если она любит тебя, то подождет!

– Я так не думаю. Меня изнутри что-то гложет...

– Совесть, – усмехнулась бабушка.

– Может быть, и она. Пойми, Джессика-то и подождет, но я ждать не могу.

– Почему?

– Боюсь, что потеряю ее навсегда. Другого шанса не будет.

– Ты торопишь события! – сказала бабушка.

– А как же твои слова?

– Какие?

– Что мы художники...

– Жизни, – подхватила она. – Да, я помню, но пойми...

– Что понять? – перебил он. – Я хочу закрасить это пятно в моей жизни. Оно меня угнетает, затягивает. Я боюсь, что не смогу пережить то, что случилось. Джессика – мое спасение. Мне нужно быть с ней!

– Так будь! – сказала она. – Никто не против. Но зачем сразу свадьбу?

– Ты не понимаешь! Я хочу, чтобы она всегда была рядом, не покидала меня. Я хочу быть уверен, что она моя!

– И ты считаешь, что свадьба это решение? – спросила

бабушка.

– Да!

– Как знаешь! – сказала она. – Если для тебя это так важно, то можем завтра сходить к ней вместе, и сам во всем ей признаешься!

– Идет! – сказал он.

Билл ушел в свою комнату. Кости ломило, голова казалась мячом, полным песка. Усталость стягивала веки. Ничего не хотелось, даже есть, хотя утром это желание было самым сильным. Бенктон завалился на кровать и в секунду уснул.

На следующий день ближе к полудню они отправились к Джессике. Билл питал надежду, что сможет уговорить ее выйти за него замуж. Хоть мысль и казалась ему странной в такое время – после потери семьи, но она согревала его, дарила свет, которого без Чарли и мамы так не хватало.

– Джессика открой... – стуча в дверь, кричал он. – Джесс...

Никто не открывал. Бенктон решил, что ее нет дома. Они с бабушкой собирались уходить, но дверь открылась. Перед ними стояла Джессика. Ее хмурое лицо говорило о том, что она не желает его видеть, однако увидев бабушку Розу, она улыбнулась и впустила их в дом.

– Бабушка скоро вернется, – уводя взгляд от Билла, тихо сказала. – Она пошла в аптеку за лекарствами, а потом в ма-

газин. Минут через двадцать придет.

Джессика бездушно посмотрела на Билла, а его бабушке предложила чай. Неоднократно он пытался завести разговор с ней, но все безуспешно. Она переводила тему.

Позже пришла бабушка Лиза. Ее встретила Роза. Они примерно одного возраста, благодаря чему быстро нашли общий язык. Все уселись за круглый стол в кухне. Пили чай. Джессика сидела напротив Билла. Несмотря на настойчивых бабушек, посадить их вместе так и не удалось.

– Джессика, выходи за меня! – внезапно сказал Билл.

Она нещадно треснула кружкой по столу, и чай пролился на белую скатерть. Джессика фыркнула и убежала в свою комнату. Билл ринулся за ней, но дверь оказалась уже закрыта. Он считал, что зря все это затеял. Простоял под дверью пару томительных минут. Не дождавшись ответной реакции, не попрощавшись, ушел из дома.

Бабушки успели раздобыть бутылку игристого вина и за бокалом оживленно разговаривали. По их словам было понятно, что центром всех бед является правительство и нескончаемые войны. Они будто не замечали, что между Биллом и Джессикой образовалась стена.

Бенктон шел по заметенной снегом улице. Неподалеку дети друг в друга кидали снежки. Годы назад Билл готов был слепить снежный снаряд и запустить в одного из них, после чего спрятаться за ближайшей елкой. Сейчас у него не было ни малейшего желания сопротивляться летящим в спину

снежкам.

Билл зашел домой, поднялся в комнату, прохлада в которой гуляла, как в пещере. Давняя привычка открывать на ночь окно не отпускала его. При жизни Чарли он не раз получал за это от матери. Теперь он один в своей комнате и доме в целом. Лег на кровать и закрыл глаза.

– Билл, можно к тебе? – склонившись над ним, спросила Джессика.

Он думал, это сон. Ущипнув себя за руку, понял, что все наяву.

– К-как ты здесь? – удивился он. – Ведь... как оказалась?

– Я бегаю явно быстрее тебя! – улыбнулась она. – А ключ твоя бабушка дала!

Билл чувствовал себя идиотом. Он лежал в кровати, а над ним нависала Джессика и щекотала его лоб своими длинными волосами.

– Ты выйдешь за меня? – спросил Билл.

– Тебе не кажется, что ты спешишь? – спросила она. – Мы с тобой вместе не так давно. К тому же странно это слышать от человека, который вчера похоронил мать!

– Да... странно, но пойми, я не хочу тебя потерять!

– А жить на что? Мне еще два года учиться... и тебе нужно окончить колледж!

– К черту колледж! Что он мне даст? Я решил работать в магазине. За полную смену там неплохо платят. К тому же есть переработки. Я смогу содержать семью. Поверь, я все

продумал.

– Не знаю, – сказала она. – Странно это!

– Если нет, то так и скажи. Я все пойму!

Он голодно обнял ее за талию и, прижав к себе, прошептал:

– Слышишь? Я не разочарую тебя! Мы будем показательной семьей! О нас будет говорить и писать весь Райли!

– Это меня и пугает! – засмеялась она.

– Ничего не бойся, – с трепетом в голосе сказал Билл. –

Просто скажи «да»!

В кухню Бенктонов из дома Джессики перекочевали бабушки. Они громко обсуждали предстоящую свадьбу, решили за молодых, когда она пройдет, где и кто будет присутствовать. В глазах старого поколения свадьба выглядела в виде традиционного обмена кольцами, торжественной речи отца Иосифа и застолья самых родных людей.

«Итак, что мы имеем? – размышлял Билл. – Если церемонию устроить на Рождество, то можно отметить два события сразу и сэкономить немного денег».

Эта идея всем нравилась. Джессика хотела пригласить на свадьбу своих подружек, но Билл был против и предложил ей устроить девичник.

23 декабря.

Улицы Райли были похожи на картины начинающего художника. Белоснежные шапки украшали десятки тихих домов. Люди тащили в руках огромные пакеты, зачастую набитые тем, о чем в лучшем случае вспомнишь через неделю. С неба спускались хлопья снежинок. Облака периодически расходились и давали солнцу шанс порадовать жителей своими лучами. Билл чувствовал себя самым счастливым человеком в мире, ведь через день он женится на любимой девушке. Вечером Джессика устраивала девичник у себя дома. Как она говорила, на нем будут однокурсники.

– Бабуль, сегодня я работаю до ночи, – говорил Билл, уплетая бутерброд за завтраком. – А на завтра и на Рождество взял выходные.

– Хорошо, – ответила она. – Я сегодня приберусь в доме, а завтра вечером нарядим елку. Идет?

Билл кивнул и продолжил уминать бутерброд. Это первое Рождество без Чарли и мамы. Билла коробило, что они не дожили до этого дня, когда он в их любимый праздник создаст новую семью.

Он строил планы на будущее. Жить они собирались в этом доме. Как он считал, у бабушки Лизы недостаточно места для троих. А если появится ребенок? Тогда пространства нужно еще больше. Этот вопрос даже не обсуждался. Билл как глава будущей семьи твердо стоял на своем.

Перекусив и побрившись, он отправился на работу, где его ждали бесконечные машины, ленивые коллеги, водители, куда-то вечно опаздывающие, и злой, как собака, начальник. Работа утомляла его, отчего он стал чаще срываться на коллег и бабушку. Конечно, та на него за это не обижалась. Она понимала, что у Билла тяжелые времена, к которым долго привыкаешь. В эти моменты она просто оставляла его наедине со своими мыслями, а сама уезжала в Нилз или отправлялась гулять по магазинам.

– Эй, Бенктон, почему снова опаздываешь? – возмущался начальник.

– Я пришел вовремя, – негодовал Билл. – Моя смена начинается в семь, а сейчас без пятнадцати!

– Машины стоят уже три часа! – кричал Петерсон. – Их некому разгружать!

– Я здесь ни при чем! – ответил Билл.

– Если считаешь себя самым умным, то пиши заявление

и проваливай к черту!

– Извините, мистер Петерсон! – вмиг опомнился Бенктон.

– Марш переодеваться и за работу! Машины задерживаешь!

Билл старался держать себя в руках. Иногда хотел подойти к Петерсону и дать ему в морду, но понимал, что за это его могут не только уволить, но и посадить. Приходилось терпеть, так как уходить было некуда. Кругом требуются люди с дипломом.

День тянулся, как жевательная резинка, прилипшая к подошве. Из-за метели многие машины задерживались, что только тормозило натянутые до предела нервы. В последние дни Билл возвращался домой за полночь. Он всегда думал о Джессике, о предстоящей свадьбе, о ее девичнике. Переживал, что она напьется, а ее подружки начнут перебирать ему кости. Что расскажут про злосчастный поджог мастерской Коннела. Джессика об этом не знала, а Билл раскрывать тайну не торопился. Он и сам не верил, что мог пойти на такое, ведь в памяти этот вечер никак не отобразился.

«На минутку заскочу и уйду», – думал он.

Билл знал, что этого делать нельзя, но все же скучал по ней: по ее улыбке, глазам, грезил получить удовольствие от ее голоса.

Подходя к дому, он услышал доносившиеся из него звуки музыки. Там было весело, о чем намекал перебивающий песни группы «Бич Бойс» хохот. Глядя в окна, получалось рас-

познать силуэты гостей. На крыльце курил бывший парень Джессики. Бенктон его узнал.

«Что он здесь забыл? – спрашивал себя Билл. – Это же девичник. Почему этот Кевин на нем?»

Билла сковала ревность. Одна его сторона не давала повода для переживаний, но другое я выдумывало фантазии, что тот еще ухаживает за Джессикой. Бенктон уверенно подошел к Кевину и со злобой в малиновых глазах спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– А мы знакомы? – с удивлением спросил Кевин. – Ах, – осознав с кем разговаривает, сказал он. – Ты, наверное, жених Джессики? И что она в тебе нашла? – договорил он, скинул пепел с сигареты на снег, усмехнулся и отошел от Билла.

Бенктон громко сопел, выдыхал тяжелый пар через раздутые ноздри. Голова, как вулкан, была готова извергнуться. Ненависть. Пальцы сжались в кулаки и издали неприятный хруст. Кевин как черно-белый флажок для гонщика. Насмешка и слова: «Что смотришь?» – заставили Билла оживиться. Бенктон набросился и начал бить с такой силой, что сам кричал от боли, затмевая крик Кевина. Перед ним бледное полотно, с иногда проскакивающими кровавыми пятнами. Кевин не мог ничего сделать. Он оборонялся, брыкался и пытался выбраться из-под взбешенного тела. Билл наслаждался тягучей теплой влагой, в которой утопал его кулак. Кровавые брызги летели в лицо и орошали девственно-белый снег.

– Помогите! – кричал Кевин.

Из-за громкой музыки в доме никто ничего не слышал. Он откидывал разъяренного Билла, но тот снова прыгал, как лев со своим кривым оскалом. Лицо Кевина было неузнаваемо. Под глазами синяки, нос сломан, а изо рта текла кровь.

Дверь открылась, и на крыльцо выскочила Джессика. Она хотела узнать, как Кевин, но и представить не могла, что увидит. Девушка подбежала к Бенктому и оттолкнула его. Он упал в снег. Билл выглядел устрашающе, на висках взбухшие вены, глаза вот-вот лопнут от злости, а с губ свисали вязкие жадные слюни.

– Билл, я тебя не узнаю! – закричала она. – Что с тобой происходит?

Билл не мог и двух слов связать. Он мычал и пробовал встать на ноги. Его руки сбиты и испачканы кровью. Джессика помогла Кевину подняться и повела его в дом. Она оглянулась на Билла и с ненавистью произнесла:

– Видеть тебя не хочу!

Билл встал, звон голову покидать и не думал. Однотонность раздражала. Он и сам никому не желал зла, но что-то внутри управляло. Трясущимися руками Бенктон утер лицо снегом. После этого подошел к двери и сбитыми в кровь кулаками начал колотить по ней. Музыка прекратилась, но дверь открылась не сразу. Лишь через несколько минут его настырного грохота Джессика вышла на крыльцо. Ее лицо было белое под стать снегу.

– Что ты здесь устроил?! – сквозь зубы говорила она. – Зачем ты избил Кевина?!

– Я... не знаю, о чем ты! – в страхе сказал Билл. – Я ничего не помню!

Джессика недоверчиво посмотрела на него и прокричала.

– Уходи! Ты меня пугаешь!

Она заплакала и убежала в дом. Бенктон чувствовал себя виноватым. Он снова все испортил, и это накануне собственной свадьбы. Девичник прекратился.

Билл брел домой. Серые оттенки отступили и в этот раз. Он снова ничего не помнил. В памяти лишь лицо Кевина, вспышка и безумные крики Джессики. Если бы он понимал, за что она на него обиделась, то постарался бы все исправить.

«Неужели я его побил? А если убил?» – думал он.

Билл вернулся домой. Там в это время находились бабушки Роза и Лиза. Они общались на остросоциальные темы. Билл проскользнул мимо них. Поднявшись наверх, упал в кровать и уснул.

Голова раскалывалась, а опухшие руки болели. Озлобленное лицо Джессики не выветривалось из памяти. Разум зациклился на мысли, что свадьба отменяется, и всему виной непослушный мозг.

Кухня, как нарочно, распыляла аромат жареного мяса с пряными травами по всему дому. Запах закрался и в комнату. Билл ничего не желал есть, но желудок рычал. Он не ел

уже почти сутки. Ребра выпирали и, казалось, вот-вот прорвут кожу. За последние два месяца Билл потерял десять килограммов.

Собравшись с силами, Бенктон спустился. Бабушка встретила его улыбкой, она хлопотала в кухне, ведь ей нужно было приготовить много еды к предстоящему застолью.

– Билли, что ты будешь завтракать? – спросила она. – Есть салат, мясо и яйца.

– Я не голоден, – устало сказал он. – Кофе попью и побегу. Дел много.

Бабушка удивилась, ведь прежде он никогда не отказывался от завтрака. По его лицу она прочла неладное. Билл хмурился, фыркал и в растерянности метался из одного угла кухни в другой. Правую руку прятал в кармане штанов, а левой держал за носик черную кружку.

Кое-как выпил кофе и умчал. В бумажнике семь долларов. Билл забежал в цветочный магазин и купил на эти деньги букет. Продавщица лет пятидесяти улыбчиво завернула цветы и передала их Бенктону.

– Возлюбленной? – с интересом спросила та.

– Да! У нас завтра свадьба! – смущенно ответил он.

– Не скрывай чувств! – сказала продавщица, вглядываясь в его слезливые глаза.

Билл нехотя улыбнулся, пожелал женщине счастливого Рождества и стремительно покинул магазин. Он представлял, что Джессика не захочет с ним разговаривать, однако не

терял надежды все исправить.

«Извини, Джесс! – мысленно проговаривал текст в голове. – Нет, не так. Джессика, прости меня! Опять не то. Я люблю тебя, милая!»

Бенктон не мог подобрать нужных слов. Он стоял перед дверью, но постучать боялся. В одной руке держал пышный букет красных роз. В этот момент сзади его кто-то похлопал по плечу. Билл обернулся и увидел бабушку Лизу. Та стояла и с тяжелой отдышкой смотрела на него. Рядом с ней на снегу два бумажных пакета с продуктами. Она легкой рукой, как оконную штору, отодвинула Билла и прошла к двери. Открыв ее ключом, толкнула и решила вернуться за пакетами, но с ними уже стоял Бенктон и молчаливо улыбался, зажав подмышкой букет.

– Что стоишь? – сказала она. – Проходи, не стесняйся.

Лицо его насытилось тем же цветом, что и розы. На лбу появились капли пота. Билл не знал, как будет смотреть в глаза Джессике, но понимал, что поговорить с ней нужно.

Из комнаты с опаской выглянула она. Хмурая, молчаливая, но во взгляде ее виднелась искорка, не позволяющая оставить его. Джессика подошла к Биллу, забрала пакеты и отнесла их в кухню. После этого вернулась, безмолвно взяла букет и намекнула кивком, чтобы тот шел за ней. Он еле волок ноги, считая себя виноватым во всем, что происходит в его жизни.

Бенктон вошел в комнату и потерянно, как впервые,

осмотрел ее. Слева стоял шкаф с книгами, а за ним на стене висел плакат группы «Дорс», на котором изображены все участники и название альбома «Озер Войсес». Чуть ниже плаката табличка, повторяющая дорожный знак «СТОП».

– Что скажешь? – сердито спросила Джессика. – Может, это плохая затея выходить за тебя замуж?

Билл молчал. Он не подбирал слов в свое оправдание. Воздуха не хватало, а в глазах рябило от стыда. В какую-то секунду он открыл рот, чтобы сказать, но забыл, что хотел. Он присел на ее кровать и уставился в ворсистый зеленый коврик.

– Почему молчишь? – продолжала Джессика. – Ты понимаешь, что избил Кевина? А ведь он ни в чем не виноват!

– Джесс, я не знаю, что на меня нашло! – выдавил Билл. – Мне не нужно было вчера приходить сюда!

Она злилась на Билла, но видела, как он переживает и чувствует вину за содеянное.

– Если ты до сих пор ревнуешь, то зря! – сказала она. – Он встречается с моей подругой Сарой и вчера пришел с ней. Мы друзья, еще раз тебе повторяю! И скажи спасибо, что я его уговорила не идти в полицию!

Билл пристально всматривался в пол.

– Я вчера видела сон, – задумчиво и тихо говорила она. – Очень странный... Меня будто пытались остановить. Предостеречь, что ли. Я видела тебя с пистолетом в руке...

– Глупости, – отрезал Билл. – Все эти сны – глупость!

– Я так не думаю, – сказала она.

– Верь, если тебе так угодно!

– Ты разлюбил меня?

Бенктон отвернул лицо. Молчал настолько громко, что его сопение можно было услышать в соседней комнате. Тогда он встал и задумал уйти, но Джессика перебила.

– Просто так возьмешь и уйдешь? И не ответишь? Или боишься признаться!

Билл развернулся, подошел к ней и попытался ответить. Губы сомкнулись. Через них хотело вырваться слово, или фраза, или предложение. Ничего. Ничего, кроме секундной стрелки часов, не тревожило молчание. Билл безжизненно смотрел на Джессику.

– Прости! – прошептал он спустя минуту и вышел из комнаты.

Билл считал, что все кончено. Какой-то глупый поступок разом перечеркнул все его планы. Джессика не понимала, что происходит, она заплакала и отвернулась к стене. Бенктон ушел из дома. Он бродил по улице в поисках ответов в собственной голове.

«Можно же все исправить! – думал он. – Нужно взять себя в руки. Я не могу ее оставить. Не могу бросить. Меня к ней что-то тянет, заставляет вернуться. Почему? Почему все так сложно?»

«Вспомни о Джесс... – что-то говорило внутри. – Вспомни!»

«Помню! – ответил он. – Помню эти сны, но зачем они? Я запутался! Вернуться к ней или уйти? Я не хочу ей причинить зла!»

«Зла не будет, если сделаешь правильный шаг!» – говорило второе я.

«Какой шаг мне сделать? – спросил он себя. – Как мне поступить, чтобы она была моей? Я ее люблю и не хочу потерять!»

«Вернись, – заставлял себя Билл. – Вернись. Ты уже сделал выбор».

«Какой? Какой я сделал выбор?»

«Просто, вернись! – говорило что-то. – Ты все решил еще пять лет назад!»

Через час Билл стоял у дома Джессики. Он смотрел на громоздкую дверь, но спустя мгновение без стука вошел и проследовал в ее комнату. Подойдя к ней, он взглянул в нежное лицо, склонился и поцеловал ее в сахарные губы, после чего голосом полным тревоги спросил:

– Так свадьба будет или нет?

– Завтра увидимся! – пробубнила она, водя пальцем по стене.

Билл испытал прилив радости. Он улыбнулся и ушел, оставив девушку в покое.

Впереди день подготовки к свадьбе. Бенктон поторопился домой, чтобы помочь бабушке. За ним была уборка дома, бесконечные походы по магазинам и елка, которую нужно

поставить и нарядить. День пролетел, как ракета над пустыней. Сон не заставил себя долго ждать. Билл не в силах был подняться к себе и уснул в комнате на первом этаже. Бабушка Роза задремала в кресле-качалке. В руках ее находилась книга, а в углу комнаты нескончаемо балаболит телевизор. На часах еще не было десяти вечера.

Наступило утро. Монотонный голос диктора из радио заставил Билла разомкнуть веки. Веселое шкворчание летело из кухни вместе с резким запахом жареной колбасы. Билл потянулся, зевнул так, что хрустнула челюсть, встал и прошел в кухню. Схватив ломоть сыра, хотел уже куснуть его, но бабушка забрала кусок, сказав, что это к столу. Тогда Билл достал из холодильника молоко, а из шкафа хлопья.

В комнате Билла на кровати лежал дотошно выглаженный костюм.

Церемония должна состояться в час дня и до этого времени нужно накрыть стол в большой комнате, привести себя в порядок и появиться в церкви. Там они с Джессикой договорились встретиться.

Джессика была на ногах уже с раннего утра. Несмотря на то, что бабушка Роза наготовила множество блюд к столу, бабушка Лиза тоже не желала оставаться в стороне. Она также занималась готовкой, а Джессика всячески помогала ей в этом.

Часовня городской церкви разродилась убедительным железным ударом. Билл с бабушкой стояли у входа. В церкви их ждал отец Иосиф. У него в этот день много работы: отпевания, освящение детей, свадьбы и Рождественский молебен. Билла смущало опоздание Джессики. Он нервничал, стаптывал землю, потирая правую ладонь о штанину брюк.

«А если она не придет? – думал он. – Вдруг она передумала?»

Улицы засыпало снегом, будто серебряной пудрой, мороз покалывал щеки и руки, а солнечные лучи слепили. На горизонте появилась Джессика. Она шла в пышном белом платье. Поверх него накинута легкое серое пальто. Билл улыбнулся и поспешил к ней навстречу. Джессика безмолвно шла, неуклюже утопая в небольших сугробах. Бенктон подбежал к ней, подхватил на руки и понес в церковь. Она завизжала и просила опустить ее на землю. Билл засмеялся, а за ним и Джессика залила улицу звонким хохотом. Бабушки шли, о чем-то шептались между собой и громко смеялись.

– Отлично выглядишь, любимая! – радостно произнес Билл.

– Спасибо, ты тоже! – улыбаясь, ответила Джессика.

Громкие шаги гулким эхом разносились по большому церковному залу. Деревянные скамьи смотрели на широкий алтарь. Пыльный приглушенный свет закрадывался через витражи, а легкий сквозняк приносил к носу нежный аро-

мат жженого воска. Каждый шорох делал целый круг, пролетая мимо голубого свода, позолоченных колонн, огромных икон и врезался в уши. Билл с Джессикой взошли на алтарь, встали друг напротив друга и стали дожидаться святого отца. Тот скромными короткими шагами подошел к возлюбленным, осмотрел их и начал говорить долгожданную речь.

После прочтения молитвы и традиционных вопросов молодые обменялись кольцами и поцеловались. Билл клялся, что будет любить Джессику до конца своих дней, что будет ее защищать и никогда не обидит. Джессика в свою очередь тоже обещала его любить, быть верной и заботливой. После этого молодые поблагодарили святого отца и направились к выходу. Бабушки поставили свечи и опустили несколько долларовых купюр в ящик для пожертвований, после чего попрощались с отцом Иосифом и ушли.

Застолье протекало изумительно. Молодые шутили, смеялись и бесконечно благодарили своих бабушек. Они понимали, что, кроме их, у них больше никого нет. Билл не уводил внимания с Джессики, а она таяла в смущении, закусывая вино овощным салатом.

В планах был переезд Джессики к Биллу. Они хотели сделать ремонт в доме. Бабушки спрашивали про внуков, а Билл отнекивался. Джессика очень хотела ребенка. Она говорила, что давно мечтает о девочке. Бенктон настаивал на мальчике. Спустя некоторое время молодые оставили своих бабу-

шек и поднялись в комнату. Там они провели весь оставшийся вечер и ночь.

Люди привыкли осознавать, что годы ничего полезного не приносят, а лишь отнимают здоровье, силы и целые жизни. Билл считал иначе. Он каждый день смотрел на себя в зеркало, его кожа старела, появлялись новые морщины. Казалось, ему это нравится. Он вспоминал слова бабушки и думал, что время делает его сильнее. Бенктон не хотел возвращаться в разбитое прошлое. Его жизнь наполнялась свежими красками, а темные пятна пережитого прятались под светлым покрывалом настоящего.

Со дня свадьбы прошло семь лет. Дом, в котором Бенктон вырос, теперь выглядел иначе, небольшая перепланировка, ремонт и новая мебель полностью удалили горечь из этих стен. Пустота заполнялась детским лепетом и смехом. Из комнаты в комнату бегал пятилетний мальчик по имени Чарли. Билл настоял, чтобы родившегося в мае 1976 года малыша назвали именно так. Джессика понимала, что для мужа это важно, поэтому не возражала при выборе имени.

Она устроилась работать менеджером по кадрам на местной швейной фабрике. Билл все так же стирал руки, днями и ночами разгружая машины. С Чарли нянчились бабушки Роза и Лиза. Хотя их возраст уже не тот, мальчик заставлял забыть их об этом. Его ни на минуту нельзя было оставить одного. Измазанное чернилами лицо, залитый клеем пол, ис-

писанные стены и много прочих шалостей подбавляли работы. Бабушка Роза все время как на иголках, а Лиза, как ни странно, спокойна. К бабушке Лизе мальчик проявлял большую симпатию, так как виделся с ней чаще.

– Что снилось сегодня, Чарли? – спросила за завтраком Джессика.

– Не помню! – тоненьким голоском ответил он, поднося ко рту очередную тяжелую ложку рисовой каши. – Я видел тебя и папу, а потом куда-то летел.

– Когда летаешь во сне, значит, растешь! – заботливо сказала мама.

– Получается, я сегодня стал выше? – с интересом спросил Чарли.

– Конечно! – ответила она, собирая паек для мужа.

Билл уже позавтракал и находился в ванной. Каждое утро он там проводил минут по сорок. После душа он одевался в рабочую одежду, целовал сына и жену и уходил на работу. Джессика же отвозила Чарли к бабушке, если та сама не приходила к ним домой, после чего ехала за город на работу. У нее, как у квалифицированного работника престижной компании, был корпоративный доверенный автомобиль «бьюик» синего цвета.

На дворе стоял жаркий август. Ласточки, проносясь над головой, щебетали в воздухе, полыхающий желтый шар топил землю в своих лучах, а весь город был усеян зелеными дубами, кленами и соснами. Автомобильный шум поглощал

улицы, громкие выкрики газетных продавцов сбивали Билла с толку, а звенящая музыка из фургончика с мороженым скрежетала в ушах, как стекло по кафелю.

Подходя к месту работы, Бенктон удивился. Магазин, в котором он трудился почти десять лет, закрыт, а сотрудники транспортной компании выносят из него все содержимое: лотки, стеллажи, технику.

– Что случилось? – с недоумением спросил Билл у рабочих.

– Хозяин сообщил, что магазин обанкротился! – произнес один из работников. – Вот все и выносим.

Пройдя внутрь, Билл увидел своего начальника и осмелился узнать у того, что произошло.

– Здравствуйте, мистер Петерсон! – сказал он. – Что теперь будет с рабочими?

– Бенктон, всех рассчитают и отправят на улицу! – грубо ответил тот, вздергивая тоненькими жучьими усиками. – Мы банкроты! Этого следовало ожидать, ведь с начала года продажи упали из-за большой конкуренции. Весь город заполнили магазины «Оккейз».

Билл прошел в кадровый отдел, написал заявление на увольнение и проследовал с бланком в финансовый отдел, где отдал бумажку одной из работниц. Эта большая толстая гусеница в красном облегающем платье и с фиолетовыми волосами, казалось, за свои сто пятьдесят лет ни разу не улыбнулась. Лицо изрезано пыльными морщинами, они бы-

ли всюду: на щеках, на лбу, на подбородке, на губах – и даже уходили глубоко под декольте. Кожа выглядела настолько грубой, что ненароком напоминала кору столетнего дуба или секвойи. Женщина сидела за небольшим деревянным, захламленным бумагами столом и что-то считала на калькуляторе.

«Наверное, считает, сколько жить осталось», – с усмешкой подумал Билл.

Ни один мускул на ее лице не шевелился, взгляд цепко держался на этой серенькой коробочке с цифрами, а костлявый бледный палец нависал над одной из кнопок.

Через несколько минут она с треском поставила печать на бланке, достала из сейфа пачку денег и, отсчитав нужную сумму, положила ее на стол перед Бенктоном.

– Ваш расчет! – противным голосом сказала та.

Билл посчитал деньги и понял, что его обманули. В месяц он получал двести пятьдесят долларов, но в этот раз едва насчитывал сто пятнадцать. Его это возмутило, ведь последние недели он работал без выходных. Бенктон рассчитывал увидеть сумму как минимум вдвое большую.

– Извините, но здесь ошибка! – вернулся он и сказал требовательным тоном. – Почему так мало?

Женщина с невозмутимым лицом продолжила что-то считать. Она будто не слышала вопроса. Тогда Билл повторил:

– Почему мне так мало заплатили?

Женщина встала с кресла, подошла к Бенктому и на ухо

крикнула:

– Если не устраивает, то сейчас и это заберу!

Билл пребывал вне себя от такого отношения. Выйдя из полупустого магазина, понял, что не один он так обманут. Продавщицы и работники торговых залов яро обсуждали свои зарплаты. Клаус Петерсон отправлял недовольных, подходящих к нему людей, к чертовой матери. Он нервно следил за разорением собственного бизнеса. Не выпускал сигарету изо рта. Иногда доставал из кармана серого пиджака белый платок и протирали им свой широкий склизкий лоб.

Билл, плюнув, пошел домой. Он понимал, что с бывшим начальником разговаривать бесполезно, а лезть в драку с этим мерзким бюрократом – слишком низко. По пути Бенк-тон купил газету с рекламными объявлениями.

Стрелки часов приближались к десяти. Чарли уже гостил у бабушки Лизы, поэтому Билл мог насладиться отдыхом и тишиной. Зайдя в дом, он снял с себя рабочую куртку, повесил ее на вешалку за дверью и прошел в комнату. Там включил телевизор и уселся в любимое кресло-качалку. Взяв карандаш, он раскрыл газету и начал просматривать объявления. Всюду предлагали работу, но требовался опыт, либо диплом. Это замкнутый круг, приводивший многих людей к нищете. Адвокаты, медицинские и банковские работники, секретари, водители – это лишь малый список предложений еженедельной газеты. Билл чувствовал себя ничемным, ведь все, что он мог предложить, это силу, которой

он зарабатывал последние десять лет. Обведя карандашом подходящие объявления, Бенктон принялся набирать номера телефонов, указанные в газете. Телефон, установленный в холле, ни минуты не простаивал. Билл слышал единственную фразу от всех работодателей: «Извините, вакансия занята!» Иногда складывалось впечатление, что он разговаривает с одними и теми же людьми. Голоса на том конце провода казались похожими друг на друга, а заученная наизусть фраза отказа звучала однообразно и монотонно.

Спустя десятки попыток Билл понял, что это бесполезно. Ему оставалось дожидаться Джессику и поговорить с ней. Возможно, на их фабрику требуются сотрудники, хотя объявления из газеты просили не беспокоить людей, не имеющих опыта.

Солнце, освещавшее комнату утром, теперь рассеивало свои лучи по кухонному полу. Билл, уставший после поисков работы, не выспавшийся ночью, дремал в кресле напротив телевизора. Экран показывал телешоу, где люди могли выиграть огромные суммы денег. Каждый человек понимал, что это откровенное надувательство, но наблюдать за происходящим было весьма забавно. Участники, чтобы урвать лакомый кусочек, порой выставляли себя полными идиотами. За час позора можно было заработать кругленькую четырехзначную цифру, чего хватило бы на пару лет вперед.

Билл проснулся и посмотрел на часы. Половина седьмого. Он проспал почти весь день. Скоро должна прийти Джесси-

ка. Бенктон пошел в кухню, чтобы достать из холодильника ужин и разогреть к приходу супруги. Не прошло и десяти минут, как Билл услышал звук подъезжающего к их гаражу «бьюика». Он наблюдал за Джессикой через окно, выходящее из кухни на гараж. Она заглушила мотор, после чего вышла, а за ней вылез и малыш Чарли. Джессика, неся в одной руке пакет с едой, другой рукой нащупала в кармане пиджака ключ. Поднесла его к замочной скважине двери, но та открылась раньше. Перед Джессикой стоял Билл.

– Папа дома! – воскликнул мальчик и подбежал к нему.

Бенктон подхватил сына, посадил к себе на шею и понес в большую комнату. Чарли расправил руки по сторонам и представлял себя самолетом, издавая сомкнутыми губами тархтящий звук.

– Эмм... А почему ты не на работе? – удивилась Джессика.

– Наш магазин обанкротился, – кричал из комнаты Билл, спуская Чарли на диван. – Всех рассчитали и уволили.

Джессика, уронив взгляд, поставила пакет с едой на кухонный стол. В голове витала только одна мысль – ее зарплаты не хватит на содержание семьи и дома.

– И что ты намерен делать? – спросила она.

– Я обзвонил все объявления. Нигде такие, как я, не нужны. Может, к вам на фабрику требуются люди?

– Билл, но я не занимаюсь подбором рабочих, – возмутилась она.

– Разве менеджеры по кадрам делают что-то другое? – спросил Бенктон, входя в кухню.

– Представь себе! – сказала она, невольно повысив тон. – У меня бумажная волокита по рабочим!

– А почему ты кричишь? – спросил Билл, скинув улыбку с лица.

– Прости, милый, – сказала Джессика. – Я попробую завтра поговорить с начальником, но ничего не обещаю. Сам знаешь, нужен опыт.

– Джесс, я быстро учусь! – убедительно говорил он. – Я думаю, у меня получится.

Джессика взглянула на него, поцеловала в щечку и спокойно ответила:

– Дорогой, я знаю, что ты очень способный. Но этого начальству мало.

Билл в эту минуту переключился на Чарли. Он подбежал к сыну и начал щекотать его за бока. Мальчик хохотал, вырывался и брыкался. Джессика посмотрела на обоих, тяжело вздохнула и вернулась в кухню.

Вскоре из комнаты вернулся Билл. Джессика услышала его сопение за спиной. Он прикоснулся щетинистой щекой к ее хрупкой шее, положил свои руки ей на бедра и начал делать плавные движения влево вправо, влево вправо. Билл представлял себя в танце и мелодично мычал, продолжая управлять талией Джессики.

– Прекрати, – нервно сказала она и отшагнула в сторону. –

Что ты делаешь?

– Просто, – улыбнулся Билл. – Тебе не нравится?

– Не видишь, я мою посуду? Мне сейчас не до танцев!

– Тебе, я смотрю, вообще не до чего! – рассердился он. –

Последние полгода ты ведешь себя странно, бесишься на ровном месте, срываешься на меня. В чем дело?

– Билл... милый, – успокоилась она. – Прости, не знаю, что на меня нашло. Может, устала.

– От чего? Бумажки перебирать? – взвинтился Билл.

– Что? – закричала Джессика. – Я бумажки перебираю? Да ты не представляешь, чего мне стоит зарабатывать на фабрике эти чертовы деньги. Я, можно сказать, одна тяну всю семью, а ты еще и рычишь. Какой же ты козел!

– А я не тянул семью? Не приносил деньги в дом? Вспомни, кто на себе все держал, пока ты в колледже училась. Если бы я продолжил учиться тогда, то у нас бы дом за долги отобрали. И это я плохой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.